

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

Ху Юйпинь

Ху Юйпинь

**Токсичный человек как лингвокультурный типаж
(на материале русского и китайского языков)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Дмитриева О.А.

Волгоград – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТИПАЖЕЙ.....	10
1.1. Основные положения теории лингвокультурных типов как направления лингвокультурологии.....	10
1.2. Подходы к изучению коммуникативного поведения в гуманитарных и социальных науках.....	15
1.3. Концепт «деструктивное коммуникативное поведение» как ключевой концепт в агрессивном дискурсе.....	26
1.4. Виды коммуникативных стратегий.....	34
Выводы по первой главе.....	41
ГЛАВА 2. АКТУАЛИЗАЦИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ТОКСИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК».....	44
2.1. СМИ как средство формирования современной картины мира.....	45
2.2. Ассоциативное поле токсичности в современном русском и китайском коллективном языковом сознании.....	50
2.3. Феномен «лицо» как регулятив коммуникативного поведения.....	79
2.4. Репрезентация образных и ценностных признаков лингвокультурного типажа «токсичный человек» в китайском и русском массмедийном дискурсах.....	89
2.5. Приписываемые жертвой коммуникативные тактики деструктивного поведения лингвокультурному типу «токсичный человек».....	120
Выводы по второй главе.....	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	155
БИБЛИОГРАФИЯ.....	159
СПИСОК СЛОВАРЕЙ.....	179
ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ.....	180

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению токсичного человека как лингвокультурного типажа в русском и китайском языках. Работа выполнена с позиций лингвокультурологии, теории лингвокультурных типажей и теории коммуникации.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется следующими факторами:

1) существованием в коллективном языковом сознании разных социумов индивидов, воплощающих в себе определённые коммуникативные нормы поведения, свойственные различным лингвокультурным сообществам, – лингвокультурным типажам; 2) необходимостью комплексного описания деструктивного поведения индивида, воспринимаемого в разных лингвокультурных сообществах как воплощение токсичности – феномена, обращающего сегодня на себя значительное внимание в социуме в силу разрушающего морального воздействия на общество в разноформатной коммуникации; 3) отсутствием научных работ, исследующих лингвокультурный типаж «токсичный человек» в русском и китайском языках.

В основу диссертационного исследования положена следующая **гипотеза**: в коллективном языковом сознании представителей китайской и русской лингвокультур существует стереотипное представление о токсичном человеке, чьё коммуникативное поведение характеризуется деструктивностью и достаточно полно в них репрезентировано. Лингвокультурный типаж «токсичный человек» в русском и китайском языковом сознании обладает целым рядом образных признаков, позволяющих судить о ценностной характеристике рассматриваемого явления.

В качестве **объекта** исследования выступает лингвокультурный типаж «токсичный человек».

Предметом работы являются лингвокультурные (конститутивные, образные и ценностные) характеристики данного типажа в русском и китайском языках и коммуникативные стратегии, приписываемые ему извне.

Цель исследования: выявить и описать понятийные, образные и ценностные характеристики лингвокультурного типажа «токсичный человек» в современных русском и китайском языках в сопоставительном аспекте и определить базовые коммуникативные стратегии и тактики, приписываемые данному типуажу со стороны жертвы.

Для достижения поставленной цели в работе решались следующие **задачи**:

- 1) уточнить сущность понятия «деструктивное поведение»;
- 2) установить конститутивные признаки лингвокультурного типажа «токсичный человек» в русском и китайском языках;
- 3) описать образные и ценностные признаки рассматриваемого типажа в этих языках;
- 4) определить коммуникативные стратегии и тактики, приписываемые лингвокультурному типуажу «токсичный человек», в сравниваемых языках.

Теоретико-методологическую базу диссертации составили научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений:

1. Исследования в области лингвокультурологии и теории лингвокультурных типажей (А.В. Асадуллаева, Г.А. Баженов, В.А. Буряковская, Л.А. Васильева, Ю.В. Веденёва, С.В. Волошина, В.В. Воробьев, Е.В. Гуляева, Ф.Н. Даулет, О.А. Дмитриева, Е.М. Дубровская, В.И. Карасик, О.В. Лутовинова, И.А. Мурзинова, Е.О. Опарина, Н.Н. Панченко, В.А. Резник, М.А. Толстова, Ф.Г. Фаткуллина, П.А. Щербо, Е.А. Ярмахова и др.).

2. Работы по теории коммуникации (А.Б. Белоусов, Н.Б. Боева-Омелечко, В.Г. Болотюк, А.А. Ван-Чан-жоу, М.А. Василика, Т.А. Воронцова, Чэнь Дачжэн (陈大正), Чэнь Жунцзе (陈荣杰), Е.И. Зиновьева, О.С. Иссерс,

У.Д. Камбаралиева, В.Б. Кашкин, В.Ф. Кузнецов, Н.А. Лемяскина, В.Д. Шевченко, Вэй Липин (尉立萍). В.Ц. Намсараева, Н.Н. Панченко, И.А. Стернин, Чжан Сюе (张雪), Ли Хуэйюй (李惠玉), Ф.И. Шарков, Ли Юаньшоу (李元授), Куан Юймэй (匡玉梅), Цэнь Юньцзянь (岑运强).

3. Работы по исследованию вербального проявления агрессии (Т.Н. Банщикова, А.Х. Басс, Р. Бэррон, Я.А. Волкова, Го Вэй (郭薇), О.А. Дмитриева, А.Ю. Ключевская, М.Д. Кубышкина, Д. Ричардсон, Э. Фромм, Чжан Сюе (张雪), Ю.В. Щербинина и др.).

4. Положения дискурсивной лингвистики, рассматривающие природу, типологические особенности и характеристики агрессивного дискурса (С.В. Волошина, Т.А. Воронцова, Го Вэй (郭薇), Н.Н. Панченко, М.Ю. Сейранян, М.А. Толстова, Ю.В. Щербинина и др.).

Материалом для проведения исследования послужили 2 000 контекстов с описанием деструктивного поведения, характеризующего токсичного человека, из русских и китайских интернет-изданий (B17.ru, Style.rbc.ru, Royalcheese.ru, Forbes.ru, Woman.rambler.ru, Psychologyman.ru, Psiholog-panova.ru, Trends.rbc.ru, Ktonanovenkogo.ru, Shkolazhizni.ru, Ooobadis.ru, Monocler.ru, Lifehacker.ru, Burninghut.ru, Stoptrevoga.ru, www.yctu.edu.cn, www.sou.com, www.360kuai.com, www.jianshu.com, www.xinli001.com и т. д.), Национальный корпус русского языка и BLCU Corpus Center (BCC), видеоблогов и интернет-форумов.

В качестве основных **методов** исследования использовались: метод дефиниционного анализа, интерпретативный анализ, контекстуальный анализ, количественный подсчет, ассоциативный эксперимент, сопоставительный метод, интроспекция.

Научная новизна работы состоит: а) в выявлении особенностей коммуникативного поведения русского и китайского лингвокультурного типажа «токсичный человек» со стороны жертвы; б) в определении конститутивных, образных и ценностных характеристик данного типажа в сопоставляемых лингвокультурах; в) в установлении коммуникативных

стратегий и тактик, приписываемых извне лингвокультурному типу «токсичный человек» русскими и китайцами.

Личный вклад соискателя заключается в сопоставительной характеристике такого социо-психологического феномена, как токсичность, в русском и китайском языках с позиций теории лингвокультурных типов, в моделировании лингвокультурного типа «токсичный человек» в сопоставляемых языках.

Теоретическая значимость работы определяется полученными результатами, которые: 1) вносят вклад в дальнейшее развитие лингвокультурологии и, в частности, теории лингвокультурных типов; 2) развивают положения теории коммуникации, связанные со способами проявления токсичности как социо-психологического феномена; 3) выявляют этнокультурные особенности лингвокультурного типа «токсичный человек»; 4) вносят вклад в междисциплинарное исследование понятия «токсичное поведение».

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования полученных результатов в преподавании теоретических курсов общего языкознания, стилистики, спецкурсов по лингвокультурологии, этнолингвистике, лингвоэкологии и теории лингвокультурных типов. Результаты исследования могут быть использованы студентами-филологами при подготовке выпускных квалификационных работ.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В современном русском и китайском коммуникативном пространстве заметные позиции занимает феномен токсичности, отражающей негармоничные, часто конфликтные взаимоотношения людей, что имеет своим результатом появление у них стереотипного представления о токсичном человеке – лингвокультурном типе, обладающем определенными чертами характера, деструктивным поведением, в том числе отталкивающей манерой речевого поведения и рядом внешних признаков.

2. Конститутивные признаки лингвокультурного типажа «токсичный человек» в целом совпадают в китайской и русской лингвокультурах. Они сводятся к следующим: а) человек, стремящийся к контролю над окружающими, б) создающий негативную атмосферу, вызывающую болезненные переживания у собеседника в течение длительного времени, в) сосредоточенный на собственных желаниях и интересах.

3. Образные признаки лингвокультурного типажа «токсичный человек» в русской лингвокультуре следующие: «дежурная / фальшивая улыбка», «злые глаза», «желчь», «вампир», «нарцисс», «распространяющий яд», «сеющий токсины», «отравляющий», «удушающий». Данные признаки в аксиологическом плане негативно-оценочны. Образные признаки лингвокультурного типажа «токсичный человек» в китайской лингвокультуре следующие: «отравляющий», «распространяющий токсины», «дьявол», «злая улыбка», «ядовитый язык», «мусор», «аномальный мозг». В ценностном отношении эти образные признаки негативно-оценочны.

4. Основной коммуникативной стратегией, приписываемой токсичному человеку извне (со стороны жертвы токсичности), в русском и китайском языках является доминирование. Данная стратегия реализуется посредством коммуникативных тактик демонстрации власти и силы, обвинения, оскорбления, доказательства своей правоты, игнорирования мнения собеседника, высмеивания, словесного нападения, демонстрации лидерства. Они носят универсальный характер для обеих лингвокультур.

5. Этнокультурная специфика деструктивного коммуникативного поведения исследуемого типажа в русской лингвокультуре проявляется в использовании тактики санкционирования (установление блокады коммуниканта, демонстративное невыполнение обязательств), тактики информирования и тактики привлечения союзника, в то время как в китайской лингвокультуре в отличие от русской лингвокультурный типаж «токсичный человек» часто прибегает к тактикам прямой угрозы, обвинения и тактики скрытого издевательства, эффект от применения которой

достигается посредством манипуляции «лицом» – значимой для китайской лингвокультуры категорией.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были изложены на научных конференциях: «Русский язык в поликультурной образовательной среде» (Волгоград, 2021, 2022, 2023, 2024), «Актуальные вопросы физиологии, медицины, психологии и педагогики» (Нур-Султан, 2021), «Актуальные проблемы билингвизма и диалога культур (в аспекте взаимодействия русского языка с языками Центральной Азии)» (Бишкек, 2022), «Язык – Литература – Культура» (Андижан, 2022), «Человек и его язык в гуманитарной ретроспективе» (Москва, 2022), «Актуальные вопросы современных научных исследований» (Душанбе, 2022), «Актуальные проблемы русистики: взгляд молодых» (Душанбе, 2022), «Лингвистические основы профессиональной деятельности» (Волгоград, 2022), «Когнитивный, коммуникативный и дидактический аспекты русского языка» (Волгоград, 2022, 2023, 2024), «Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах» (Курган, 2023), «Теория и практика коммуникации» (Тирасполь, 2023), «Актуальные проблемы языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков в вузах» (Душанбе, 2023), «Образование: проблемы и перспективы, ценности и инновации» (Токмок, 2023), «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, 2023), «Родной язык и культура в цифровой вселенной» (Саранск, 2023), «Социокультурные практики дошкольного детства» (Волгоград, 2023), «Лингвокультурология в аспекте преподавания русского языка как иностранного: актуальные подходы и методы» (Волгоград, 2024), «Любопытное в лингвистике, переводоведении, лингводидактике» (Волгоград, 2024), «Моя семья – Мое богатство» (Волгоград, 2024), «Наука и образование в XXI веке» (Туркменабат, 2024).

По теме исследования опубликовано 14 работ (в том числе 4 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, общим объемом 6,67 п.л.).

Структура диссертации обусловлена логикой исследования и включает введение, две главы, заключение и список литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТИПАЖЕЙ

1.1. Основные положения теории лингвокультурных типов как направления лингвокультурологии

В конце двадцатого столетия в результате слияния лингвистики и культурологии возникла новая для языкознания дисциплина – лингвокультурология, исследующая взаимосвязь языка и культуры, т. е., как язык отражает и передает культурные ценности, нормы и традиции, каким образом система ценностей, норм и традиций, в свою очередь, влияет на язык.

Согласно В.В. Воробьеву, «лингвокультурология – это комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [Воробьев, 1994, с. 36].

Уместно упомянуть и об антропоцентрической парадигме, господствующей в гуманитарной научной среде и определяющей вектор исследовательских интересов и в лингвистике. Изучение «человека в языке» и позиция «за каждым текстом стоит человек» привели к появлению целого ряда научных направлений, например, таких, как лингвоперсонология и теория лингвокультурных типов. В частности, В.И. Карасик отмечает, что в центре внимания современной лингвистики находится языковая личность – человек, участвующий в коммуникации. Такой поворот в развитии науки о языке обусловлен, с одной стороны, интегративными процессами в области гуманитарного знания, антропоцентризмом современной науки в целом, и, с

другой стороны, объективной логикой развития языкознания [Карасик, 2007, с. 78]. Языковая личность проявляет себя в процессе коммуникации, при этом специфика коммуникативного поведения отражает различные стороны личности, такие, как ценностные приоритеты, лингвокультуру, в которой личность формировалась и др.

Одним из активно развивающихся направлений современной лингвокультурологии в аспекте антропоцентризма является теория лингвокультурных типажей В.И. Карасика (см., например, [Карасик 2007]). Данная теория изучает концепты типизируемых личностей, являющихся частью языкового менталитета различных лингвокультурных общностей [Дмитриева, Мурзинова, 2024, с. 37-40].

Вводя в научный терминологический оборот понятие «лингвокультурный типаж», В.И. Карасик пишет: «Одним из путей моделирования лингвокультуры является изучение лингвокультурных типажей – узнаваемых представителей социума, поведение которых является диагностирующим для общества. Лингвокультурный типаж, выражая ценности социума, представляет собой разновидность концепта и может быть охарактеризован в понятийном, образном и ценностном отношении» [Карасик, 2007, с. 328].

По определению В.И. Карасика и О.А. Дмитриевой, лингвокультурные типажи – это «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 8]. Лингвокультурный типаж представляет собой понятие о человеке на основе релевантных, объективных, социально значимых, этно- и социоспецифических характеристик таких людей, поведение которых является знаковым для определенной лингвокультуры [Дубровская, 2016, с. 365]. По мнению Л.А. Васильевой, лингвокультурный типаж рассматривается как «закрепленный в языке базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, который выделяется на основе релевантных характеристик, типичных признаков вербального и невербального поведения конкретных языковых личностей» [Васильева, 2010.

с. 24].

В.И. Карасик и О.А. Дмитриева определяют лингвокультурный типаж как «концепт, содержанием которого является типизируемая личность» [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 9]. Рассматривая лингвокультурный типаж одновременно как концепт и как языковую личность, исследуемую с точки зрения типизированного своеобразия её коммуникативного поведения, О.А. Дмитриева выделяет в качестве важных характеристик лингвокультурных типажей их символичность и прецедентность, т.е. узнаваемость и актуальность для носителей культуры в когнитивном и эмоциональном планах [Дмитриева 2007, с. 86].

По признаку принадлежности к определённом социуму, В.И. Карасик выделяет этноспецифические и социокультурные концепты [Карасик, 2005; Карасик 2007]). Исследователь применяет данную классификацию и к лингвокультурным типажам, отмечая, что «лингвокультурные типажии могут иметь этнокультурную значимость, выражать ценности всего сообщества, подчёркивая национально-культурное своеобразие этноса (этнокультурные типажии, например, английский аристократ, американский ковбой, русский интеллигент), либо социокультурную значимость, характеризуя особую социальную группу, противопоставленную остальному обществу (социокультурные типажии, например, компьютерный хакер или футбольный фанат)» [Карасик 2008, с. 101].

Многие лингвокультурные типажии исследуются сегодня в соответствии с алгоритмом О.А. Дмитриевой как российскими, так и зарубежными лингвистами (см., например [Ярмахова, 2005; Дмитриева, 2007; Лутовинова, 2009; Асадуллаева, 2010; Гуляева, 2011; Резник, 2013; Чжан, 2022; Дубровская, 2023; Мурзинова, 2023]). Иными словами, изучение лингвокультурных типажей является перспективным направлением лингвокультурологии.

Для описания лингвокультурного типажии как концепта и языковой личности О.А. Дмитриевой был разработан алгоритм, включающий

1) социокультурную справку о рассматриваемом типаже (т. е., описание роли данного типажа в исследуемом социуме, исторический контекст существования типажа); 2) паспорт лингвокультурного типажа (включающий такие параметры, как внешний облик, гендерная принадлежность, происхождение / социальный статус, место жительства, характер жилища, сфера деятельности, семейное положение, досуг, окружение, речевые особенности); 3) ценностные приоритеты изучаемого лингвокультурного типажа и его оценка окружающими [Дмитриева 2007, с. 87-93]. О.А. Дмитриева отмечает, что не все параметры алгоритма релевантны для изучения того или иного типажа [Там же]. Иными словами, рассматривать следует исключительно систематизирующие для того или иного типажа параметры, например, параметр «семья» при моделировании лингвокультурных типажей «монах» или «гусар» будет систематизирующим, так как репрезентирует сущностные характеристики самого типажа, его ценностные приоритеты и социальную роль, которую он выполняет, тогда как при описании лингвокультурного типажа «врач» или «экскурсовод» наличие или отсутствие семьи не имеет принципиального значения как для прототипа, так, соответственно, и для типажа непосредственно.

Таким образом, при моделировании типажа целесообразно выделять его наиболее яркие характеристики, обращая особое внимание на типажеобразующий признак – тот признак, который лежит в основе дифференциации данного типажа. В свою очередь, для коммуникативного лингвокультурного типажа системообразующей характеристикой является типизированное коммуникативное проявление.

Современные исследователи в области лингвокультурологии фокусируют внимание на этноспецифических особенностях феноменов культуры наряду с их инвариантными характеристиками. Так, коммуникативное поведение, по мнению И.А. Стернина, представляет собой совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и других групп, а также отдельной личности

[Стернин, 2000]. П.С. Еркович обращает внимание на то, что, с одной стороны, типаж «учитель» является «универсальным» для всех культур, но, с другой, в каждой лингвокультуре под этим типажом будет пониматься что-то «свое». Это «свое» для каждой лингвокультуры обуславливается и спецификой языка, и такими культурными моментами как статус учителя в обществе, его роль, обязанности и т.д. [Еркович, 2018]. Наличие этнокультурного своеобразия в зависимости от особенностей рассматриваемой лингвокультуры, в которой присутствует тот или иной концепт типизируемой личности, учитывается исследователями при моделировании лингвокультурных типажей.

Подчёркивая, что изучение лингвокультурных типажей возможно только в рамках той лингвокультуры, в которую «погружен» данный лингвокультурный типаж, И.А. Мурзинова пишет: «Соглашаясь с тем, что коммуникативное поведение может быть аспектом наиболее пристального внимания при изучении лингвокультурного типажа, мы, тем не менее, не считаем возможным противопоставить или разграничить понятия «коммуникативный типаж» и «лингвокультурный типаж». Учитывая погружённость любого исследуемого концепта в изучаемую лингвокультуру, невозможно проводить анализ концепта вне данной лингвокультуры, полностью абстрагируясь от этноспецифических особенностей этой лингвокультуры» [Мурзинова, 2020, с. 89]. Исследователь предлагает считать термин «лингвокультурный типаж» гиперонимом по отношению к термину «коммуникативный типаж» [Там же. С. 90].

И.А. Мурзинова отмечает, что «учёному иногда важно сделать акцент на какой-то одной составляющей изучаемого феномена» [Там же. С. 90], поэтому предлагает рассматривать коммуникативную составляющую лингвокультурного типажа как наиболее значимую в зависимости от целей изучения концепта типизируемой личности [Мурзинова, 2020].

Опираясь на теоретическую базу изучения лингвокультурных типажей, мы будем с исследовательской целью рассматривать коммуникативную

сторону лингвокультурного типажа «токсичный человек» как наиболее релевантную для данного типажа. Обращаясь к области знаний, связанной с изучением коммуникативного поведения, проанализируем современное состояние коммуникативистики и основные направления исследований.

1.2. Подходы к изучению коммуникативного поведения в гуманитарных и социальных науках

В сегодняшнем быстро развивающемся мире, наполненном современными технологиями, проникшими во все сферы существования человека, коммуникация занимает доминирующую позицию, определяющую дальнейший прогресс общества. Коммуникация изучается в рамках языкознания, психологии, психолингвистики, социолингвистики, социологии, семиотики, этнографии, межкультурной коммуникации, теории коммуникации и др., что обусловило плюрализм в подходах к изучению и критериях описания, в выделении структуры коммуникации, типологии коммуникации, каналов и т. д. Многочисленные подходы к изучению такого сложнейшего явления, как коммуникация, спровоцировали терминологическую перегруженность, что негативно сказывается на развитии коммуникативистики как науки [Василика, 2003, с. 115].

Кратко остановимся на научных направлениях, объектом изучения которых выступает коммуникативное поведение.

Теория коммуникации – это, как известно, раздел науки об общении. При этом саму коммуникацию рассматривают как процесс передачи информации. В рамках данного подхода А.Б. Белоусов указывает на то, что коммуникативная теория основана на концепции коммуникативного процесса, в котором субъект (коммуникатор) воздействует на объект (реципиента). Участниками коммуникативного процесса могут быть отдельные личности и группы людей, социальные бренды, организации и институты, нации и общество в целом [Белоусов, 2003, с. 292-293].

Коммуникология – комплексная наука, интегрирующая знания о коммуникационных процессах как в социуме, так и в природе. При этом выделяются несколько подходов к ее содержанию: подходы механистического и интеракционного характера. В рамках интеракционного подхода нет единого мнения относительно самой сути коммуникации: является ли она производной от социальной структуры или осознанной деятельностью индивида [Тихомирова, 2016, с. 167].

Коммуникативистика – наука, изучающая происхождение и функции информационно-коммуникационных систем, а также характер, форму и результат воздействия на мировую социальную жизнь [Василика, 2003, с. 14]. По мнению лингвистов К.Х. Делокарова и О.Ф. Киреевой, коммуникативные исследования рассматривают межличностное и/или межгрупповое общение, основной целью которого является создание взаимопонимания. Как бы коммуникатор ни общался с другим коммуникативным субъектом, если между коммуникаторами нет взаимопонимания, нельзя добиться положительных результатов [Делокаров, Киреева, 2019, с. 27].

Дискурсивная лингвистика – лингвистическая наука, изучающая процесс формирования систематических грамматических представлений с учетом всех особенностей мотивационно-семантического, культурно-исторического, социально-ситуативного, лингво-коммуникативного планирования [Попова, 1995, с. 14-21].

Лингвокоммуникативистика (коммуникативная лингвистика) – лингвистическая наука, изучающая теоретические основы и практические аспекты взаимодействия коммуникативных личностей в различных пространствах коммуникации [Щеглова, 2019]. Мы разделяем точку зрения И.В. Щегловой в том, что именно данная трактовка позволит купировать ряд подходов к интерпретации данного лингвистического феномена, выводя на первый план коммуникативное поведение и коммуникативную ситуацию (см.: подробнее: [Ху, 2023, с. 43]).

Таким образом, подходы к изучению коммуникации на сегодняшний

день весьма разнообразны. По словам В.Ф. Кузнецова, «началом изучения явлений коммуникации в развитых странах можно считать исследования пропаганды в период первой мировой войны» [Кузнецов, 2014, с. 39]. Исследователь объясняет это тем, что специалисты, изучающие общественное мнение, сосредоточили особое внимание на военной пропаганде и попытались проанализировать ее содержание и скрытый смысл путем подсчета частоты, с которой появлялись определенные символические знаки (в дальнейшем данный тип контент-анализа вышел из употребления) [Кузнецов, 2014, с. 39].

Позднее, в середине 50-х годов, в России начала формироваться наука о коммуникации или коммуникология (коммуникативистика). Появились исследования, направленные на изучение процесса кодирования и декодирования коммуникативно передаваемой информации, методологические проблемы формализации информации и др. [Василика, 2003, с. 8]. Зарубежные лингвисты Уилбур Шрамм и Чарлз Осгуд предложили интерактивную модель коммуникация – циклическую модель коммуникация. Появление именно этой коммуникативной модели (модели Осгуда-Шрамма) знаменует собой переход от монологической коммуникаций к диалоговой модели с обратной связью [Саакян, Мелконян, 2017, с. 14]. В результате многолетних исследований в области современной науки ученые подтвердили, что коммуникация представляет собой двусторонний процесс, в котором каждый участник может построить ряд действий [Тихомирова, 2016, с. 132]. В 70-е годы к изучению коммуникации активно подключились психологи и лингвисты, которые рассматривали коммуникацию как способ передачи мыслей посредством слов, а в 80-е годы в обсуждении проблем коммуникации включились социологи. Тематика исследований включала национально-культурные особенности речевых актов, национальную психологию коммуникативного поведения, коммуникативные особенности советских людей и др. Для исследования этого периода было характерно рассматривать коммуникативное поведение в

связке с личностными особенностями участников общения, т. к. само общение отражает определенный культурный феномен [Василика, 2003, с. 9].

До начала XXI в. в исследованиях коммуникация рассматривалась как социальная коммуникация, как фактор, влияющий на социальный процесс. Согласно Ф.И. Шаркову, коммуникация в неживом мире существует, но когда человек или группа взаимодействуют с неживым миром или животными, ситуацию нельзя считать социальной коммуникацией. Коммуникация – это межличностное взаимодействие между людьми с целью обмена информацией в различных сферах. В широком смысле под «социальной коммуникацией» понимается социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации по различным каналам и с использованием различных коммуникативных средств во взаимодействии между людьми и группами или общественностью. Коммуникация представляет собой сложный символический, личный, транзакционный и часто бессознательный процесс неточности. Коммуникация позволяет участникам выражать некоторую информацию за пределами самих участников, их внутренних эмоциональных состояний и их ролей идентичности по отношению друг к другу [Шарков, 2010, с. 10-13].

Многочисленные подходы к трактовке термина «коммуникация» попытался обобщить М.А. Василика, выделив основные значения в соответствии с различными концепциями понимания коммуникации:

- универсальный (очень широкий), где под коммуникацией понимается способ связи какого-либо объекта в материальном и духовном мирах;
- технический, соответствующий представлению о коммуникации как о средстве общения, передающем информацию из одного места в другое;
- биологический, в котором в основном изучаются поведенческие проблемы и используются для изучения способов передачи сигналов у животных, птиц, насекомых и т. д.;
- социальный, используемый для обозначения и характеристики различных связей и отношений, возникающих в человеческом обществе.

Обычно в этом контексте говорят о социальной коммуникации, то есть о процессе коммуникации в обществе, и теория коммуникации обычно относится к последнему смыслу коммуникации [Василика, 2003, с. 11]. В нашем исследовании в большей степени рассматривается именно последнее понятие.

О.И. Таюпова и Л.Г. Юсупова полагают, что в рамках лингвистических исследований коммуникация считается тесно связанной с политическими, когнитивными, культурными и другими факторами. В частности, изучением культурного диалога занимается межкультурная коммуникация, представляющая собой своеобразную систему коммуникации, потому что она может сочетать два и более социокультурных образования [Таюпова, Юсупова, 2014, с. 563].

Поскольку проблемы коммуникации изучаются в разных областях гуманитарного знания, начинают формироваться новые концепции. Одним из их результатов стал термин «коммуникативное поведение», предложенный в 1989 году И.А. Стерниным.

И.А. Стернин, Ю.Е. Прохоров, Ю.Д. Камбаралиева, М.А. Стернина систематически описывали коммуникативное поведение и последовательно публиковали результаты исследований. Коммуникативное поведение рассматривалось в связи с этнокультурным своеобразием (Н.Б. Боева-Омелечко, А.Ш. Юсупова, О.И. Таюпова, В.Д. Шевченко и др.), коммуникативное поведение получило описание в рамках обучения иностранному языку, гендерно-возрастное коммуникативное поведение, сравнительно-сопоставительные исследования коммуникативного поведения оказывались в фокусе внимания многих ученых (И.А. Стернин, Ю.Е. Прохоров, М.А. Стернина и др.) (см. подробнее: [Ху, 2023, с. 44-45]).

И.А. Стернин и М.А. Стернина предлагают уникальную модель коммуникативного взаимодействия между людьми [Стернин, Стернина, 2001, с. 13]. По мнению И.А. Стернина и У.Д. Камбаралиевой, под коммуникативными нормами понимаются правила коммуникации (*следует*

приветствовать знакомых, благодарить за услугу и т.д.), которые соблюдаются в данном языковом и культурном сообществе. Коммуникативные традиции относятся к правилам, которые не являются обязательными, но соблюдаются большинством людей и считаются социально обязательными (*спрашивать старика о его здоровье, предлагать помощь женщине и т. д.*) [Стернин, Камбаралиева, 2018, с. 22]. Иными словами, коммуникативные нормы и традиции можно рассматривать как юридически и морально обязательные правила в обществе соответственно.

Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин разделили эти нормы на нормативные и ненормативные, а нормы коммуникативного поведения рассмотрели с четырех сторон: общекультурные нормы, групповые нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы, указав, что общекультурные нормы коммуникативного поведения являются характеристиками всей языковой и культурной общности, во многом отражают принятые правила этикета и вежливой коммуникации и имеют определенный национальный характер; групповые нормы отражают коммуникативные особенности конкретных профессиональных, гендерных, социальных и возрастных групп и воплощаются в культуре; ситуативные нормы возникают при детерминации коммуникации конкретными экстралингвистическими контекстами; индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт, являются индивидуальными отражениями общекультурных и ситуативных коммуникативных норм языковой личности [Прохоров, Стернин, 2011, с. 16].

В свою очередь, В.И. Карасик предлагает свое понимание коммуникативного поведения: важнейший признак языка как коммуникативного явления – это сочетание с ситуацией. Сам речевой акт – это акт, целью которого является поддержание связи, воздействие друг на друга, обмен информацией, самовыражение [Карасик, 2007, с. 343]. Исследователь предложил следующие постулаты, касающиеся исследования коммуникативного поведения: 1. Коммуникативное поведение ситуативно.

2. Коммуникативное поведение детерминировано культурой. 3. Единицей коммуникативного поведения является транслируемый смысл, т.е. символически выраженное переживаемое отношение участников общения к миру, ситуации, партнеру и себе. 4. Транслируемые смыслы допускают множественную интерпретацию. 5. Естественное общение характеризуется синкретичностью рационального и эмоционального содержания. 6. Коммуникативное поведение многомерно и партитурно. 7. Важной характеристикой общения является его функциональная подвижность (лабильность). 8. Коммуникативное поведение проявляется в определенном дискурсе. 9. Коммуникативное поведение характеризуется как регулярными моделями передачи смыслов, так и отклонениями от этих моделей. 10. Интерпретация реального общения строится на основе экзегетики, т.е. развернутого ситуативно-культурного толкования, основанного на принципе целостного, гештальтного восприятия. 11. Исследовательские модели коммуникации основаны на учете трех параметров – личности, концептов и дискурса» [Карасик, 2009, с. 343-349].

В целом, проблемное поле коммуникативистики содержит следующие понятия: национальное коммуникативное поведение, лингвокультурная общность, коммуникативная культура, коммуникативные нормы, коммуникативные традиции, коммуникативный шок, вербальное коммуникативное поведение, невербальное коммуникативное поведение, возрастное коммуникативное поведение, личностное коммуникативное поведение, стандартная коммуникативная ситуация, коммуникативные категории, коммуникативная сфера, социальный символизм, коммуникативное действие, параметр коммуникативного поведения, коммуникативный признак, коммуникативный факт, коммуникативный фактор, коммуникативная стратегия, аспект коммуникативного поведения, коммуникативное сознание, менталитет, продуктивное, рецептивное, реактивное, нормативное, ненормативное коммуникативное поведение, табу, императивы [Стернин, Камбаралиева, 2018, с. 22-24].

Кроме того, термин «коммуникативное поведение» получил широкое распространение в рамках теории межкультурной коммуникации. Поскольку данное направление носит междисциплинарный характер, исследователи пользуются моделями описания, разработанными в перечисленных научных направлениях.

Исследования коммуникативного поведения проводятся российскими учёными и в ракурсе лингвокультурологии. В таких работах, как правило, акцентируются его социо- или этнокультурные особенности. Так, например, изучается национально-культурная специфика коммуникативного поведения различных народностей [Белая 2014], анализируются коммуникативно-речевые стратегии и тактики лингвокультурных типажей в англоязычном кинодискурсе [Мурзинова 2023, с. 49-52], выделяются поведенческие концепты, соответственно «коммуникативное поведение» представляется как концепт [Чесноков, 2009].

Обзор научных исследований за последние 5 лет позволяет выявить актуальные направления развития коммуникативистики: 1) исследование межкультурного коммуникативного поведения; 2) изучение особенностей коммуникации; 3) исследование социальных и политических аспектов коммуникативистики.

Говоря об изучении коммуникации в Китае, целесообразно указать на 80-е годы XX столетия, когда с проведением реформ и провозглашения политики открытости, в научную сферу интересов было введено изучение проблем коммуникации. Данное направление быстро развивалось и оформилось в коммуникативистику (交际学)». Китайские ученые обсуждали феномен коммуникации с позиций культуры, языкознания, социологии, психологии и т. д. Перечислим наиболее известные публикации: «Коммуникативистика (交际学)» Ли Юаньшоу (李元授); «Культурология коммуникации (交际文化学)» Чэнь Дачжэн (陈大正), «Информатика коммуникации (交际信息学)» Дин Хуан (丁煌), «Когнитология

коммуникации (交际思维学)» Чжан Чжанжань (张掌然), «Искусство коммуникации (交际艺术)» Ли Шуинь (李树荫) [陈荣杰, 2000, с. 97], «Современные коммуникативистика (现代交际学)» Куан Юймэй (匡玉梅), «Лингвистика речевой коммуникации (言语交际语言学)» Чэнь Юньцзянь (岑运强). В перечисленных трудах коммуникация рассматривалась с различных позиций. В целом, наибольшее внимание к вопросам изучения коммуникации уделялось в рамках теории межкультурной коммуникации. Со временем сформировался ряд направлений, нацеленных на решение вопросов, связанных с различными аспектами коммуникации: межкультурная коммуникация; коммуникативные методы обучения; коммуникативные методы и умения; вербальная коммуникация; невербальная коммуникация; коммуникативное поведение; коммуникация в Интернете и др.

В «Современном словаре китайского языка» «коммуникация» трактуется как «人与人之间的往来接触; 社交(контакт между людьми; социальная коммуникация)» [现代汉语词典, 2016, с. 649]. Отметим, что в китайском языке есть два взгляда на понимание этого термина: 1) коммуникация как двусторонний тип поведения, при котором обе стороны общаются и влияют друг на друга; 2) как однонаправленный тип поведения. Лингвист Чэнь Дачжэн (陈大正) рассмотрел место культуры в коммуникативном процессе с точки зрения взаимодействия социальных групп и пришел к следующему выводу: коммуникация – это способ поведения групп людей, содержание которого является наследием группового опыта и характеризуется использованием символов. Коммуникация – это поведенческий способ, с помощью которого группы людей используют символы для передачи опыта [陈大正, 1996, с. 9]. С точки зрения социолингвистического анализа Ли Юаньшоу (李元授) предлагает понимать коммуникацию как социальную активность, происходящую между людьми. Используемыми средствами могут быть только символы и

некоторые субстанции, которые имеют символический характер [李元授, 1991, с. 61].

Цэнь Юньцзянь (岑运强) рассмотрел коммуникацию с точки зрения социологии: коммуникация – это социальное поведение, при котором люди используют определенные носители для передачи информации, обмена идеями и передачи чувств для достижения определенной цели. И в зависимости от используемых средств коммуникация делится на «вербальную коммуникацию» (с использованием языка) и «невербальную коммуникацию» (носители, отличные от разговорной речи) [岑运强, 2008, с. 1-2]. Куан Юймэй (匡玉梅) разделяет данную точку зрения и считает, что коммуникация – это процесс сообщения информации между людьми, то есть люди используют вербальную или невербальную информацию для обмена мнениями, передачи идей, выражения чувств и потребностей [匡玉梅, 2003, с. 4]. Следовательно, исходя из вышеприведенного содержания, мы можем обобщить понятие коммуникации как процесс социального взаимодействия, в котором происходит обмен мнениями, эмоциями и информацией между людьми или группами посредством вербальных и невербальных средств.

Переход от коммуникативных исследований к исследованиям коммуникативного поведения также является одной из ключевых тем, на которую обращают внимание китайские ученые. Однако лишь в 2000 году исследования по этой теме получили широкое распространение. Учёные проанализировали коммуникативное поведение с разных точек зрения. На основе сбора, систематизации и классификации документов в базе данных китайской литературы можно сделать вывод, что исследования коммуникативного поведения в основном охватывают следующие направления: вербальное и невербальное коммуникативное поведение в обучении; вербальное и невербальное коммуникативное поведение в межкультурной коммуникации; вербальное и невербальное коммуникативное поведение в повседневной жизни; гендерные различия в коммуникативном

поведении; коммуникативном поведении детей; в анализе коммуникативного поведения в Интернете; роль или влияние коммуникативного поведения в деловой деятельности; влияние культурных факторов на коммуникативное поведение и т.д.

Межличностное общение в основном осуществляется посредством вербального и невербального поведения [李惠玉, 2009, с. 55]. В соответствии с темами исследований вышеупомянутых ученых мы можем обнаружить, что китайские ученые также изучают коммуникативное поведение с двух основных направлений - невербального поведения и вербального поведения. По мнению Чэнь Дачжэн (陈大正), средством общения, используемым людьми при вербальной коммуникации, служит язык, а язык является символом коммуникации [陈大正, 1996, с. 16].

Ли Хуэйюй (李惠玉) полагает, что невербальное коммуникативное поведение – это все виды коммуникативного поведения, кроме вербального [李惠玉, 2009, с. 159]. Поскольку понятие невербального коммуникативного поведения широкое, и лингвисты, и социологи предлагают многочисленные методы для его классификации. Так, лингвист Би Цзиван (毕继万) разделил невербальное коммуникативное поведение на четыре категории: язык тела, параязык, язык объектов и язык окружающей среды. Данный подход – наиболее часто используемый и широко признанный в качестве метода классификации невербального коммуникативного поведения в Китае. Чжан Сюе (张雪), ссылаясь на этот метод классификации и теории других ученых, разделила невербальное коммуникативное поведение на четыре категории: квазилингвистический язык (параязык), язык тела, язык окружающей среды и абстрактный язык [张雪, 2014, с. 452].

Кроме этого, в контексте изучения китайского общества исследователи чаще всего анализируют коммуникативные проблемы с позиции культурологии или социологии, среди которых отдельным направлением выступает межкультурное коммуникативное поведение [Ху, 2023, с. 48]. Вэй

Липин (尉立萍) провела исследования в рамках культурологии, установив связь между осознанием поведения и успехом межкультурной коммуникации. Несмотря на то, что внешность и манера поведения людей, принадлежащих к разным культурам во многом похожи, на их поведение влияют семья, общество, регион, национальная культура и т. д., что приводит к определенным различиям. Поэтому в межкультурном общении необходимо владеть фоновыми знаниями о другой культуре [尉立萍, 2005, с. 95]. Цинь Минли (秦明利) и Лю Чуньгэ (刘春鸽) исследовали сущность межкультурного коммуникативного поведения с философской точки зрения, основанной на концепции «Vision». Они считают, что межкультурное коммуникативное поведение является актом поиска знаний и истины [秦明利, 刘春鸽, 2016, с. 13].

Многочисленные подходы к изучению коммуникативного поведения предоставляют практическую ценность для моделирования лингвокультурных типажей. В зависимости от вида типажа исследователь имеет возможность выбрать ту структуру описания коммуникативного поведения, которая наиболее продуктивна для данного типажа.

1.3. Концепт «деструктивное коммуникативное поведение» как ключевой концепт в агрессивном дискурсе

Повседневная жизнь человеческого общества наполнена агрессией: человек становится ее жертвой, сам допускает агрессию по отношению к окружающим или является свидетелем агрессивного поведения. На протяжении почти полувека научных исследований проблема человеческой агрессии была предметом изучения в области психологии (см.: например, [Фромм, 1994; Бэрон, Ричардсон, 2001; Банщикова, 2013]), социологии (см.: например, [Куницына, 2001]), лингвистики (см.: [Воронцова, 2006; Щербинина, 2008; Волкова, 2012; Панченко, 2016; Боева-Омелечко, 2023]),

биологии (см.: [Фрейд, 1930; Конрад Лоренц, 1963]). Как указано выше, многочисленные исследования посвящены определению понятия и типов агрессивности, установлению причины и формы её проявления как в животном мире, так и в человеческом социуме, установлению речевых моделей, стратегий и тактик, особенностей языкового воплощения агрессии человека в зависимости от дискурса.

Рассмотрим далее устоявшуюся научную терминологию из области деструктивности.

В научном дискурсе проблема агрессии рассматривается с различных позиций и в первую очередь с точки зрения психологии.

Согласно «Краткому психологическому словарю» агрессия (лат. Aggredi) – это целенаправленное деструктивное поведение, которое противоречит нормам и правилам совместного проживания людей в обществе, причиняет вред объекту нападения, причиняет людям физический вред или вызывает у них негативные переживания, напряжение, страх, депрессию и другие [Краткий психологический словарь, 1998]. Как мы видим, согласно этой дефиниции, синонимом агрессии выступает деструктивное поведение.

С биологической точки зрения первым объяснил агрессию З. Фрейд, классифицировав ее виды как поведение биологического инстинкта, выход, «выплескивание» влечения к смерти [Фрейд, 1990] на фоне таких преобладающих и главных сил человечества, как половое влечение и инстинкт самосохранения [Фромм, 1994]. Данную точку зрения разделили инстинктуалисты Конрад Лоренц, Ф. Ницше, Г. Спенсер, Д. Моррис, У. Джеймс и др. В свою очередь, бихевиористы утверждают, что агрессивность, как и другие формы поведения, формируется из-за стремления человека получить максимальное преимущество. Обобщенное понимание агрессии принадлежит А. Бассу: агрессия – это любое поведение, которое угрожает другому человеку или причиняет ущерб другим [Басс, 1961, с. 153-162]. По сути, данное понимание агрессии универсально и для животного мира, и для

человеческого сообщества. С этой позицией выразил несогласие Э. Фромм, настаивая на том, что человеческую жестокость и деструктивность нельзя изучать в унаследованных на основе животных разрушительных инстинктах, унаследованных животными, а необходимо объяснить это явление с учетом факторов, отличающих предков человека и животных [Фромм, 1994]. В человеческом обществе агрессивность исходит не только из самозащиты, а в большей степени из вреда ради вреда. Э. Фромм предлагает рассматривать «злокачественную» агрессию, которая является важной частью психики человека и не может быть вызвана животными инстинктами [Фромм, 1994]. Иными словами, «злокачественная агрессия» – это жестокое, агрессивное поведение, которое основано не на природном инстинкте, а на человеческом потенциале [Кубышкина, 2018]. Это не эмоция, мотив или установка, а форма или модель поведения, направленная на оскорбление или причинение вреда другим живым существам [Бэрн, Ричардсон, 2001, с. 23-30], или на повышение самооценки, на самоутверждение, адаптацию и самосохранение [Банщикова, 2013, с. 73]. Деструктивность как «злокачественная» агрессия представляет собой сложное явление, существующее только в человеческой среде [Волкова, Панченко, 2016]. С психологической точки зрения термин «деструктивное общение» понимается как «форма и особенности контактов, которые пагубно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения» [Куницына, Казаринова, Погольша, 2001, с. 271].

Термин «доброкачественная» агрессия (псевдоагрессия, оборонительная агрессия и инструментальная агрессия) понимается как защитная агрессия, целью которой является не разрушение, а защита жизни. Обобщим сказанное в виде схемы 1.

Схема 1. Корреляция терминов, обозначающих агрессию в животном мире и человеческом обществе

Агрессия активно исследуется китайскими учеными. В научном обиходе используются термины «агрессия (侵略)», «инстинкт (本能)», «человеческий потенциал (人的潜能)» и «деструктивное поведение (破坏性行为)».

В целом, китайские специалисты сходятся во взгляде с западными коллегами в том, что агрессия определяется как поведение, направленное на причинение вреда другому человеку или группе людей. Например, Го Вэй (郭薇) считает, что агрессия – это действие или склонность к умышленному причинению физического или психологического вреда другому. При этом основной характеристикой является *умышленное* причинение вреда; агрессия выражает внутреннее психологическое состояние: эмоции обиды или желания причинить боль другим [郭薇, 2014, с. 199]. (Курсив наш. – Ю.Х.).

Таким образом, системообразующие универсальные признаки злокачественной агрессии, результирующей в деструктивном поведении, представлены следующими признаками: «форма или модель поведения», «предумышленность», «вред физический», «вред психологический».

Поскольку причиной деструктивного поведения является агрессия

человека, помимо психологических и биологических объяснений, мы считаем необходимым рассмотреть также лингвистические аспекты. Ведь если психологические и биологические особенности присущи проявлению «агрессии», то лингвистический аспект может мыслиться как внешнее проявление. Обратимся к основному значению самой лексемы «агрессия».

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой лексема «агрессия» понимается как: «1. Незаконное с точки зрения международного права применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства. 2. перен. Открытая неприязнь, вызывающая враждебность» [Толковый словарь русского языка, 1999]. Данное толкование не отражает сущности и роли агрессии в межличностном отношении. Более полно феномен агрессии представляется в формате концепта. Моделирование концептуального поля «агрессия» на основе анализа дефиниций лексических значений слова «агрессия», представленных в толковых словарях, а также анализа словообразовательных дериватов исследователями обнаружены лексемы *нападение, захват, наступление, уничтожение*, которые характеризуют агрессию как действие, направленное против «чужого» [Ключевская, 2011, с. 183].

Интенция агрессора состоит в том, чтобы вызвать негативные эмоции или установки у получателя сообщения и спровоцировать конфликтное поведение, которое преднамеренно. Как отмечает Т.А. Воронцова, вербальная агрессия – это коммуникативная реальность, которая может существовать в рамках любого дискурса, независимо от его темпоральных и национальных параметров; конфликты на уровне общения или между прямыми и косвенными объектами также могут приводить к большим масштабным социальным конфликтам [Воронцова, 2006]. К распространенным формам агрессии относятся оскорбления, обвинения, насмешки, угрозы, порицание, грубые требования, грубые отказы, враждебные замечания, сарказм, жалобы, брань и клевета, сплетни,

пререкания (как наджанр) [Щербинина, 2008].

Таким образом, агрессия включает в себя деструктивность, поскольку деструкция в самом широком смысле означает разрушительные явления действительности. С философской, этической точки зрения деструкция является «негативным проявлением человеческого духа, отрицательной энергией, направленной на живую жизнь» [Фаткуллина, 2010, с. 58]. Применительно к языку деструкция понимается как концептуальное пространство, организованное по полемому принципу. Среди них семантическим ядром понятия «деструкция» являются лексемы, содержащие признаки «разрушения», «повреждения», «разделения», «уничтожения», а также эмоциональные признаки «гнев», «злоба», «ярость», «ненависть», «презрение»; эмоционально-поведенческие признаки «мечь», «ревность», «черная зависть» [Фаткуллина, 2010; Волкова, 2014]. Термин «агрессия» охватывает все виды вредного поведения, а деструктивность просто включает в себя часть умышленного и сознательного причинения психического или физического вреда, и с удовлетворением, полученным от страданий жертвы и осознания своей правоты [Волкова, 2014, с. 206].

Деструктивное общение включает в себя не только агрессивное конфликтное и криминальное общение, но также ложь, обман, манипуляцию и «другие формы воздействия, направляемые корыстными мотивами» [Куницына, Казаринова, Погольша, 2001, с. 280]. Но манипуляция охватывает широкий круг понятий (таких как ложь и обман) по неясным корыстным мотивам и в большинстве случаев является общей стратегией поведения, а не конкретным проявлением деструктивности. Поэтому Я.А. Волкова считает, что приведенное определение чрезвычайно широко и что корыстные мотивы являются общей чертой среди понятий, охватываемых термином «деструктивное общение» [Волкова, 2012, с. 205]. Я.А. Волкова определяет деструктивное общение как «тип общения, направленный на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством

удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты» [Волкова, 2014, с. 48]. Таким образом, в рамках лингвистики и в общем смысле деструктивное общение – это вид и форма общения, направленные на реализацию корыстных мотивов субъекта и причинение психического и физического вреда собеседнику. Систематизирующим признаком деструктивного поведения являются: нарушение общепринятых норм поведения со стороны агрессора; нарушение морали агрессором; причинение физического вреда жертве; причинение психологического вреда жертве.

Деструктивное поведение рассматривается с точки зрения открытости и скрытости. В этом случае выделяют активное деструктивное поведение и пассивное, скрытое от глаз окружающих [Басс, 1961].

С точки зрения использования языка, выделяют деструктивное вербальное и невербальное поведение [Волкова, 2014].

С точки зрения направленности выделяют интраперсональное, интерперсональное и метаперсональное деструктивное поведение [Злоказов, 2016].

Деструктивное интраперсональное поведение часто проявляется как личное внутреннее поведение человека, отражающееся в самоповреждении и самоизменении поведения. Их мотивы и цели различны, но результаты оказывают разрушительное воздействие на физическое и психическое здоровье; интерперсональное представляет собой отношения между людьми, то есть межличностные отношения, которое возникает в процессе общения и его цель – манипулирование уровнем самоуважения собеседников. Если во время общения у говорящего повышается своя самооценка и в то же время самооценка или самовосприятие собеседника претерпевают негативные изменения, то могут возникнуть деструктивный эффект. Сюда относятся оскорбления, угрозы, клевета и т.д.; метаперсональное относится к поведению человеческих ролей в социальных структурах, которое задается в контексте социальных отношений, а деструктивность обусловлена последствиями принятия или отрицания человеком своей роли в социальной

структуре [Злоказов, 2016, с. 68-71]. Например, на рабочем месте люди с такой деструктивной личностью отказываются выполнять свои трудовые обязанности и могут совершать негативные поступки, такие как провокации, жалобы и т. д. Но какую бы форму ни приняло деструктивное поведение, его вредоносная цель не изменится.

Для нашего исследования интересно интерперсональное и метаперсональное деструктивное поведение.

В рамках описания деструктивного поведения целесообразно обратить внимание на коммуникативную личность, практикующую данный тип общения. «Под деструктивной коммуникативной личностью понимается коммуникативная личность, осуществляющая деструктивное общение, в личности такого типа агрессивность и деструктивность как некая общая склонность к совершению агрессивных/деструктивных действий находит реализацию в преднамеренных разрушительных вербальных/невербальных коммуникативных действиях», – пишет Я.А. Волкова [Волкова, 2012, с. 208].

Опираясь на трехчастную модель коммуникативной личности, предложенную В.И. Карасиком, которая включает ценностный, когнитивный и поведенческий аспекты (цит. по: [Волкова, 2012, с. 206]), лингвисты Я.А. Волкова и Н.Н. Панченко подробно остановились на модели исследования деструктивной коммуникативной личности в деструктивных ситуациях общения, выделяя ценностный план, когнитивный (познавательный) аспект и поведенческий аспект деструктивной коммуникативной личности. При этом под поведенческим аспектом понимается специфика поведения коммуникативной личности в различных деструктивных ситуациях общения, включая цели, стратегии и тактики реализации деструктивных намерений [Волкова, Панченко, 2016, с. 111]. Таким образом, в деструктивных ситуациях общения язык выполняет функцию передачи ценностей, намерений и эмоций говорящего, что в определенной степени отражает деструктивную коммуникативную личность.

Следовательно, в процессе общения посредством языка выявляются цель и личность участников, реализующих деструктивную тактику общения. Некоторые компоненты данной модели также были применены для изучения конкретных типов деструктивной коммуникации, представленных ниже.

Уместно здесь упомянуть типологию/классификацию деструктивных коммуникативных личностей, предлагаемую Я.А. Волковой и Н.Н. Панченко. Авторы выделяют две базовые группы деструктивных коммуникативных личностей: 1) собственно деструктивные коммуникативные личности и 2) потенциально деструктивные коммуникативные личности. В первой группе Я.А. Волкова и Н.Н. Панченко выделяют ряд подгрупп в зависимости от используемых коммуникантами тактик (подробнее см. [Волкова, Панченко, 2016, с. 110-117]).

В своей работе под коммуникативным поведением мы вслед за Н.А. Лемяскиной и И.А. Стерниным понимаем «совокупность коммуникативных норм и традиций определенной группы людей» [Лемяскина, Стернин, 2000, с. 10]. Коммуникация с токсичным человеком носит социально-психологический или индивидуально-психологический характер в зависимости от сферы, в которой разворачивается речевая ситуация, а воздействие осуществляется посредством определенных коммуникативных стратегий и тактик, суть которых заключается в операции над знаниями адресата, над его ценностными предпочтениями, эмоциями [Волкова, Панченко, 2022, с. 113].

В следующем параграфе мы рассмотрим виды коммуникативных стратегий и выделим стратегию коммуникативного поведения лингвокультурного типажа «токсичный человек».

1.4. Виды коммуникативных стратегий

Коммуникативная стратегия, по мнению В.И. Карасика, – это «последовательность интенций речевых действий, реализуемая в конкретной последовательности коммуникативных ходов, определяемая целями дискурса

и реализуемая в его жанрах» [Карасик, 1999, с. 10]. Иными словами, это общепринятое поведение либо действие, направленное на достижение определенной цели в процессе коммуникации. Коммуникативные стратегии используются в различных ситуациях для эффективного общения. Они включают в себя выбор определенных вербальных и невербальных средств, структуру высказывания, а также различные коммуникативные тактики. Коммуникативные тактики могут различаться в зависимости от конкретной ситуации общения, культурных особенностей, целей коммуникантов и других факторов. Примерами коммуникативных тактик могут служить, например, подбор формул вежливого обращения к собеседнику, использование конкретного стиля речи, выбор определенных тем или подходов к разговору.

Согласно классификации, предложенной О.С. Иссерс, выделяются шесть видов коммуникативных стратегий и восемнадцать тактик, соответствующих этим стратегиям (приведём их в составленной нами таблице 1).

Таблица 1. Виды коммуникативных стратегий и тактик

Коммуникативные стратегии	Коммуникативные тактики, соответствующие данной коммуникативной стратегии
Стратегия самопрезентации	<p>Тактика самовосхваления (самопохвала, расхваливание себя)</p> <p>Тактика самооправдания (защита, оправдание своих действий)</p> <p>Тактика самопринижения (умаление своих достоинств, скромность)</p>
Стратегия презентации другого	<p>Тактика обвинения (нападение, осуждение другого)</p> <p>Тактика оправдания другого (защита, оправдание действий другого)</p> <p>Тактика похвалы адресата</p> <p>Тактика принижения адресата (критика, унижение другого)</p>
Стратегия семантического маневрирования	<p>Тактика увеличения степени семантической определенности высказывания (конкретизация, детализация)</p> <p>Тактика уменьшения степени семантической определенности (обобщение, умолчание)</p>

Стратегия дискредитации оппонента	Тактика обвинения Тактика осмеяния, издевки Тактика невежливого требования
Стратегия создания круга “свои”	Тактика демонстрации всезнания Тактика самопохвалы и похвалы адресата Тактика использования жаргонизмов, диалектизмов и др.
Стратегия манипуляции	Тактика вербального давления Тактика дискредитации Тактика увеливания

О.С. Иссерс отмечает, что данная классификация не является исчерпывающей, а выбор конкретной стратегии и тактики определяется коммуникативной ситуацией и целями говорящего [Иссерс, 2008, с. 116].

Рассмотрим далее классификацию коммуникативных стратегий, предложенную О.Н. Паршиной [Паршина, 2007, с. 187] (также приведём её в таблице 2).

Таблица 2. Классификация коммуникативных стратегий

Основные коммуникативные стратегии	Прагматические коммуникативные стратегии	Диалоговые коммуникативные стратегии
Стратегия конфронтации (отстаивание своей позиции любыми способами) Стратегия компромисса (поиск взаимоприемлемого решения) Стратегия сотрудничества (ориентация на достижение общей цели) Стратегия избегания (уклонение от взаимодействия) Стратегия приспособления (подчинение интересам партнера)	Стратегия манипуляции (скрытое побуждение партнера к выгодным действиям) Стратегия риторического диалога (апелляция к разуму партнера) Стратегия деструктивного диалога (демонстративный отказ от рационального общения)	Стратегия управления диалогом (контроль над его ходом и содержанием) Стратегия семантизации (акцент на содержательной стороне общения) Стратегия интерпретации (установка на понимание смысла реплик партнера)

Согласно Г. Каспер, коммуникативные стратегии должны выполнять следующие функции: определять цель/цели коммуникации; определить заинтересованные стороны; определить ключевые сообщения; определять

потенциальные методы и средства коммуникации для передачи информации с конкретной целью; указывать механизмы, которые будут использоваться для получения обратной связи по стратегии [Kasper, 2014].

Т.Р. Ленхобоева, А.Б. Меньжурова, В.Ц. Намсараева отмечают, что «большинство авторов сходятся к выделению двух основных коммуникативных стратегий: стратегии конфронтации и стратегии партнёрства (сотрудничества)» [Ленхобоева, Меньжурова, Намсараева, 2020].

Применительно к масс-медийному дискурсу Н.А. Красавский замечает, что этот тип дискурса «в силу его масштаба охвата аудитории и потенциально высокого иллокутивного статуса как эффективного средства воздействия на массовое сознание – привлекательный исследовательский объект гуманитарных и социальных наук, в том числе и лингвистики» [Красавский, 2023, www]. Автор полагает, что «произошедшие и происходящие в мире события, свершившиеся факты и жизненные сюжеты, планируемые, прогнозируемые и ожидающие своего воплощения, находят свое отражение в языке, в наших многочисленных коммуникативных практиках, составляющих значительный сегмент повседневностей современного человека. Часть их содержания фиксируется и нарративно передается в социуме, интерпретируется его членами, развивается в зависимости от степени релевантности в различных сферах человеческого общения, в том числе и в институциональной коммуникации» [Там же]. Заметим, что и в персональном дискурсе психологически важные феномены находят речевое воплощение, в частности эмоциональное взаимодействие людей как реакция на характеристику ценностей того/иного явления. Поскольку токсичность как психологический и социально-культурный феномен, судя по материалам (в особенности масс-медиа формата онлайн), релевантна, то отсюда следует и ее коммуникативная востребованность, ее оценка членами лингвокультурного сообщества внутри социума. Изучение важных, обращающих на себя внимание явлений, в том числе и

межличностных отношений в обществе, целесообразно с аксиологических позиций, в частности посредством установления коммуникативных стратегий и раскрывающих их тактик.

Коммуникативные стратегии изучаются и применительно к теории лингвокультурных типажей. Так, например, рассматривая коммуникативное поведение лингвокультурного типажа «видеоблогер», И.А. Мурзинова выделяет следующие коммуникативные стратегии: 1) коммуникативная стратегия самопрезентации; 2) информационная коммуникативная стратегия; 3) коммуникативная стратегия сближения с адресатом; 4) регулятивно-воздействующая коммуникативная стратегия; 5) коммуникативная стратегия демонстрации компетентности; 6) эмотивная коммуникативная стратегия; 7) коммуникативная стратегия привлечения и удержания внимания [Мурзинова, 2024, с. 48].

Опираясь на идею коммуникативного проявления языковой личности, предложенную О.С. Иссерс, выделяем коммуникативную цель типажа «токсичный человек» – изменить поведение, иными словами, разрушить картину мира, ценностные приоритеты жертвы. Таким образом, основная стратегия агрессора – набор речевых действий, предназначенных для достижения коммуникативной цели [Иссерс, 2003, с. 54] – негативно воздействовать на жертву, относится к классу когнитивных стратегий [Там же. С. 106]. Поскольку рассмотренная нами стратегия базируется на интерпретации, которая лежит в основе речевого воздействия [Там же. С. 103], оценка коммуникативной ситуации исходит от жертвы. Цель определяется посредством анализа оценочных высказываний жертвы. Именно *жертва* токсичного человека описывает негативные переживания, вызванные взаимодействием с так называемым агрессором. С точки зрения жертвы, мотив общения токсичного человека всегда разрешительный. В связи с этим в модели описания деструктивных тактик мы не рассматриваем принцип присутствия или отсутствия намерения, мотивов, потребностей и установок агрессора. Токсичность определяется разрушительным

перлокутивным эффектом от общения с токсичным человеком. Токсичный человек *может не осознавать* степень негативного воздействия, которое он оказывает на адресата. Описание коммуникативной ситуации с точки зрения жертвы позволяет проникнуть в эмоциональную сферу адресата, т. к. он вербализует свои эмоции, прибегая к эмотивной и оценочной лексике. В этом, на наш взгляд, видится преимущество выбранного нами ракурса анализа коммуникативного поведения токсичного человека, поскольку, с точки зрения теории речевых актов, возникают трудности в оценке перлокутивного эффекта у собеседника, вызванного тем или иным сообщением, так как, выражаясь словами О.С. Иссерс, «нам не дано проникнуть в эмоциональную и интеллектуальную сферу адресата» [Иссерс, 2003, с. 76].

Исследуя феномен токсичности, Е.В. Курганская характеризует коммуникативное поведение токсичного пользователя соцсетей следующим образом:

- говорит только о своих переживаниях и пренебрегает чувствами других;
- не слушает и не слышит своего собеседника;
- часто критикует остальных, но никогда – себя;
- любит сплетничать;
- постоянно жалуется на жизнь, работу, других людей;
- легко становится агрессивным;
- любит приукрашивать свои истории;
- считает себя всегда правым, последнее слово всегда за ним;
- стремится контролировать других [Курганская 2023].

Иными словами, мы можем заключить, что жертве токсичного человека он видится как эгоист, критик, не самокритик, сплетник, жалующийся на жизнь, хвастун, не контролирующий свои негативные эмоции, самоуверенный, желающий контролировать поведение, в том числе и речевое, других.

Перечисленные характеристики можно считать своеобразным «портретом» токсичного человека.

Коммуникативные стратегии токсичного человека реализуются с помощью коммуникативных тактик, под которыми понимается совокупность практических ходов токсичного человека в процессе реального речевого взаимодействия с жертвой, представляет собой менее масштабное рассмотрение коммуникативного процесса [Кашкин, 2000, с. 136]. В реальном деструктивном общении агрессор (токсичный человек) использует различные типы коммуникативных тактик, такие как манипуляция, игнорирование, контроль над другими и т.д.

Дж. Рубин выделяет следующие тактики конфликтного коммуникативного акта:

- тактику фиксации своей позиции (использования фактов, логики для подтверждения правоты своей позиции, убеждения, просьбы, критики, выдвижения предложений);

- тактику демонстративных действий (публичные высказывания и жалобы, открытое игнорирование своих обязательств);

- тактику санкционирования (ссылки на авторитет или формальную норму, наложения запрета, установления блокады, невыполнения распоряжения под каким-то предлогом, демонстративное уклонение от выполнения обязательств);

- тактику коалиций (усиления своего ранга в конфликте, создание союзов, увеличение группы поддержки за счет привлечения общественности);

- тактику проволочек – уклонение от обсуждения проблемы [Рубин, цит. по: Сейранян 2012].

Изучение коммуникативных стратегий лингвокультурных типажей способствует не только оптимизации межличностной коммуникации, но и эффективному межкультурному общению, поскольку каждый типаж, рассматриваемый в рамках определённой лингвокультурной общности,

имеет лингвокультурную специфику и может оказывать значительное влияние на выбор и использование различных коммуникативных стратегий и тактик носителями той или иной лингвокультуры.

Выводы по первой главе

На основе анализа теоретического материала по теме исследования были сделаны следующие основные выводы.

Одним из активно развивающихся направлений современной лингвокультурологии является теория лингвокультурных типажей. Она изучает концепты типизируемых личностей, являющихся частью языкового менталитета различных лингвокультурных общностей. Моделирование лингвокультурных типажей проводится в соответствии с алгоритмом изучения лингвокультурного типажа. При этом с позиций определенной методологии исследование может быть сфокусировано на изучении коммуникативного поведения лингвокультурного типажа как наиболее значимой для исследователя его составляющей.

Базовыми характеристиками лингвокультурных типажей принято считать их символичность, прецедентность и повышенную актуальность, следовательно, и коммуникативную востребованность для членов того/иного лингвокультурного сообщества.

Лингвокультурные типажи классифицируемы. По признаку соотнесенности с тем/иным этносом выделяют социокультурные и этноспецифические типажи.

В ряду лингвокультурных типажей в русской и китайской лингвокультурах можно выделить лингвокультурный типаж «токсичный человек», демонстрирующий деструктивное поведение в представлении других людей, общающихся с ним прямо или опосредованно.

Межличностное взаимодействие в социуме регулярно демонстрирует деструктивный характер, что частично определяется инстинктом. В этом случае используется наименование «доброкачественная агрессия». В случае,

когда агрессор намеренно наносит вред окружающим, принято говорить о «злокачественной агрессии» или деструктивном поведении. Под деструктивным коммуникативным поведением понимается проявление «злокачественной» агрессии в социуме, сопровождаемое определенными эмоциональными переживаниями. В структуру коммуникативной ситуации, связанной с деструктивным поведением, заложена интенция «насилие». Выделяют активное и пассивное, вербальное и невербальное, интраперсональное, интерперсональное и метаперсональное деструктивное поведение.

Систематизирующими признаками деструктивного поведения являются «нарушение общепринятых норм поведения со стороны агрессора»; «нарушение морали агрессором»; «причинение физического вреда жертве»; «причинение психологического вреда жертве». К системообразующим признакам агрессии относятся, помимо вышеупомянутых, признаки «предумышленность», «вред физический», «вред психологический». Поэтому «агрессия» является гиперонимом по отношению к деструктивному поведению.

Современные исследования коммуникативного поведения в китайской и русской лингвокультурах, в основном, охватывают следующие направления: национальное коммуникативное поведение, коммуникативная культура, коммуникативные нормы, коммуникативные традиции, вербальное и невербальное поведение (в обучении, межкультурной коммуникации, повседневной жизни и т. п.); возрастное коммуникативное поведение, гендерные различия в коммуникативном поведении; коммуникативное поведение детей; анализ коммуникативного поведения в Интернете; роль или влияние коммуникативного поведения в деловой деятельности; влияние культурных факторов на коммуникативное поведение и т. д.

Коммуникативное поведение определяется нормами, которые могут быть, с одной стороны, универсальными, с другой — этнокультурными. Одной из таких норм коммуникативного поведения в китайской и русской

лингвокультурах выступает концепт «лицо», представляющий собой особый социально-психологический феномен, ассоциируемый с культурно-значимыми смыслами в Китае и в России.

Современные исследователи выделяют разнообразные коммуникативные стратегии (стратегия самопрезентации, стратегия семантического маневрирования, стратегия конфронтации, стратегия компромисса, стратегия сотрудничества, стратегия избегания, стратегия приспособления и др.). При этом базовыми считаются, судя по публикациям, стратегия сотрудничества и стратегия конфронтации. Базовый статус стратегии во многом зависит от того, кто с кем общается, происходит ли коммуникация непосредственно между ее участниками или же опосредовано, в частности в оценке коммуниканта со стороны, например, с позиций жертвы при токсичном или псевдотоксичном общении. В таком случае ключевыми могут оказаться стратегия презентации другого, стратегия дискредитация другого и стратегия доминирования.

ГЛАВА 2. АКТУАЛИЗАЦИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ТОКСИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

В качестве презентации деструктивного коммуникативного поведения мы остановили свой выбор на моделировании лингвокультурного типажа «токсичный человек», т. к. анализ соцсетей, блогов, сайтов популярных журналов показал, что в последние годы лексема «токсичность» и ее дериваты получили широкое распространение в различных сферах общения (среднее количество запросов по ключевому слову «токсичность» в поисковой системе «Яндекс» с мая 2023 по май 2024 составило примерно 65000).

В настоящий момент тема токсичности в отношениях между людьми активно рассматривается в массмедийных публикациях, научно-популярной литературе. Так, например, знакомство с каталогами книжных магазинов демонстрирует широкий спектр литературы, описывающей токсичных людей, токсичные отношения, а также предлагает способы взаимодействия с токсичным окружением («Моя токсичная семья как пережить нелюбовь родителей и стать счастливым» Таня Танк, 2021; «Токсично. Как построить здоровые отношения и не вляпаться» Анна Пашкова, 2020; «Токсичные люди. Как защититься от нарциссов, газлайтеров, психопатов и других манипуляторов» Шахида Араби, 2021 и т.д.). На различных сайтах интернета, независимо от странового сегмента, есть характерные заголовки: «У меня токсичная свекровь», «Как бороться с токсичным начальником», «Как выйти из токсичных отношений?», «Если Вы токсичный человек» и т. д. Словосочетания «токсичный человек», «токсичные отношения» являются проявлением языковой моды, которую демонстрируют не только блогеры, но и психологи, коучи, предлагающие тренинги или психологическую помощь для выхода из нездоровых межличностных отношений.

Таким образом, концепт «токсичность» имеет значительный

ассоциативный след в коммуникативно-массовом сознании носителей русского и китайского языков. При этом имя существительное «токсичность» является оценочной лексемой, используемой, как правило, жертвой токсичных отношений для характеристики агрессора/псевдоагрессора.

2.1. СМИ как средство формирования современной картины мира

В современном понимании понятие «средства массовой информации», или массмедиа, – это общий, «зонтиковый» термин для всех форм коммуникации, ориентированных на широкую аудиторию. В это понятие входят газеты, журналы, радио, кино, телевидение, популярная музыка и литература, а в последние десятилетия это понятие распространяется и на Интернет.

Таким образом, актуальное состояние современного общества можно рассматривать как общество, погруженное в пучину информации, в то же время средства массовой информации взяли на себя важную часть функций формирования сознания людей, воспитания у них ценностных ориентаций, вкусов, взглядов, привычек и предпочтений. Они отражают картину мира современного человека.

Смысловое наполнение термина «медиа» (от лат. «media», «medium» – средство, способ, посредник) позволяет называть медиатекстом любой носитель информации, будь то наскальные рисунки, книги, произведения искусства или суперсовременный феномен технического прогресса. Однако термин «медиатекст» закрепился именно за текстами массовой коммуникации [Пядышева, 2017, с. 281]. Исследование текстов массмедиа предоставляет специалистам богатый материал для описания различных сторон человеческого бытия, мышления, языкового сознания, а также изменения семантики языковых единиц [Дмитриева, 2021, с. 60-61].

Развитие новых средств коммуникации поспособствовало появлению «нового коммуникационного продукта» [Засурский, 2005, с. 6], который

представляет собой «динамически сложную единицу высшего порядка» [Кузьмина, 2011, с. 6] и рассматривается как конкретный результат медиапроизводства [Мельник, 2012, с. 27]. Отметим, что в эволюции медиатекстов отмечены два периода, связанные с уровнем развития коммуникационных сетей: выделяются эпоха традиционных медиа и эпоха интернет-медиа. В эпоху традиционных медиа термин «медиатекст» относился к новостным текстам, которые представляют собой новостные сообщения в газетах, на радио и телевидении. В эпоху интернет-медиа медиатекстами стали именовать различные тексты, распространяемые в сети, например, тексты на социальных платформах Дзен, Weibo и We Chat [王丹, 2014, с. 21], которые представляют собой и официальные СМИ, и народную журналистику, к которой относят блогинг, моблогинг и т.д. В настоящий момент массмедийный текст – это объект изучения в рамках медиалингвистики и медианауки, а также медиастилистики и медиакультуры.

Функциональная направленность текста массмедиа нацелена на социальное взаимодействие, общение и диалог. Помимо оказания социально-регулятивной функции, тексты также влияют на когнитивную сферу и меняют индивидуальную картину мира членов общества, так как читателям, зрителям или слушателям передается не только информация, но и эмоционально-ценностное содержание [Пименова, 2009, с. 220]. Массмедийные тексты структурируются таким образом, чтобы иметь возможность влиять на общественное мнение, регулировать его отношение к событию и затем по возможности манипулировать этим отношением [Пядышева, 2017, с. 281]. Так, согласно проведенным социологическим исследованиям, тема «психология» вошла в десятку наиболее популярных для обсуждения в российских соцсетях (Телеграм, Дзен, ВКонтакте) вместе с такими темами, как «товары и услуги», «одежда и обувь», «военная тематика», «вакансия», «политика», «красота», «дети и воспитание», «животные» [<https://brandanalytics.ru>].

С точки зрения функционального характера выделяются два подхода к

пониманию текста массмедиа:

– текст массовой коммуникации как информационный продукт массмедиа – прессы, радио, телевидения, Интернета;

– текст массовой коммуникации как рекреационный продукт массовой культуры. Оба вида являются медийным текстом, реализуемым массовой коммуникацией, однако они различаются [Красноярова, 2010, с. 177].

В нашем исследовании мы опираемся на второй подход, понимая под медийным текстом рекреационный продукт массовой культуры, продуцируемый с помощью массмедиа, содержащий в своей основе нарратив, передающий медиасобытие и репрезентирующий реальность, формирующий новое представление об окружающем мире.

Характерным свойством медиа-текстов является тенденция к усилению авторского начала и ориентации на адресата. Автор медиа-текста выстраивает свой материал, ориентируясь в большей степени на позицию читателя, а не на принятые ранее законы и рамки жанров [Опарина, 2021, с. 116-117]. Выбрав для своего блога или публикации описание проблем взаимоотношений в семье, на работе, в обществе, автор прибегает к определенным штампам, пользующимся популярностью, ожидаемым читателями, относящимся к проявлению языковой моды. В этой связи уместно говорить о том, что медиатексты в определенной степени служат зеркалом, отражающим ценности аудитории, и рассматриваются как уникальная лаборатория по аккумуляции ценностей. Они имманентно нацелены на аксиологическую репрезентацию [Ерофеева, 2009, с. 16].

С другой стороны, медиатексты сами по себе пронизаны многими идентифицируемыми социальными деталями, нормами и ценностями. Но если соответствующие им референционные поля уничтожаются, их сочетания перестают прямо соответствовать чему-либо за пределами текста. Тексты массмедиа не столько служат отражением самих социальных процессов, а скорее фиксируют трансцендентную, глубоко личную авторскую перспективу, позицию, не находящуюся вне изучаемого

положения вещей, а принадлежащую изучаемой ситуации. Поэтому, по мнению В.Ю. Кожиной, большинство авторов подробно рассказывают о событиях и фактах, основываясь на своем социальном и культурном опыте и психологическом состоянии, читатели, как независимые личности, также обладают определенными базовыми знаниями, жизненным опытом и индивидуальной способностью к рецепции [Кожанова, 2011, с. 43]. «В основе денотата медиатекста лежит объективно существующее событие, но эта «правда жизни» проходит через «сито» интерпретирующего действительность сознания автора» [Мардиева, 2016, с. 88].

Следовательно, медиатексты не только транслируют распространенные в лингвокультуре традиционные ценности, но и моделируют новые, оказывая тем самым влияние на социум.

В Китае воплощение ценностей в медиатекстах изучаются с позиции социологии (王彦林, 2018; 贾哲敏, 2016; и т. д.) и теории коммуникации (王天德, 2005; 潘晓军, 2010; и т.д.). Что касается лингвистических исследований, то отметим их незначительное количество. В ходе реализации научно-исследовательского проекта «Эволюция ценностей среди современной китайской молодежи», реализуемого Институтом социальных наук Академии общественных наук КНР, определены следующие ценности: жизнь, самость, политика, мораль, карьера, брак. Перечисленные ценности указываются и в работах других исследователей. При этом акцент делается на широту распространения ценностей (классовые ценности, национальные ценности, человеческие ценности и т.д., на типологию ценностей (материальные, духовные и т.д.) и на сферу (ценности в экономике, политике, науке и технике, морали, образовании, религиозных верованиях, искусстве и т.д.) [王彦林, 2018, с. 6].

Как и в России, в Китае связь между ценностями и СМИ очень тесная. По мере того, как роль СМИ распространяется все шире, сфера культуры и идеология в китайском обществе подвергаются их влиянию. Развитие

средств массовой информации в период с 19 по 21 век и идеологии, передаваемой медиатекстами, демонстрирует эволюцию мультикультурализма. Социальные ценности, коллективные ценности и новые ценности развились и интегрировались в китайские медиатексты [王彦林, 2018, с. 30-36]. С приходом глобализации экономические, культурные, технологические и политические аспекты претерпели существенные изменения, поэтому дополнились и ценности, представленные в медиатекстах, такие как: национализм, либерализм, потребительство, гедонизм и т.д.

Следует отметить, что возникающие медиаценности оказывают большее влияние на молодое поколение. Исследователь Пань Сяоцзюнь (潘晓军) отметил, что «китайские средства массовой информации (реалити-шоу) оказали определенное влияние на ценности молодого поколения. С одной стороны, конфликты ценностей возникают из-за различных культурных традиций и разницы в идеологии; с другой стороны, они также демонстрируют интеграцию и сближение ценностей» [潘晓军, 2010, с. 68-69]. (Здесь и далее перевод наш. – Ю.Х.). Ван Тианде (王天德) считает, что «конфликт ценностей среди студентов в Интернете проявляется в конфликтах индивидуальных ценностей и социальных ценностей, что влияет на расширение субъективных ценностей студентов, проявление демократических ценностей и стремление к ценностям, ориентированным на человека» [王天德, 2005, с. 176-179].

Интернет-язык как тип медиатекста также играет важную роль в представлении современных основных ценностей. В этой связи до сих пор не теряет актуальность высказывание известного российского лингвиста Г.Я. Солганика о том, что «язык народа в известной степени стал производным от языка газеты» [Солганик, 2008, с. 472].

2.2. Ассоциативное поле токсичности в современном русском и китайском коллективном языковом сознании

Согласно алгоритму описания лингвокультурных типажей, предложенному О.А. Дмитриевой [Дмитриева, 2005], первый блок при анализе лингвокультурного типажа «токсичный человек» – это его понятийная составляющая. Для этого мы проанализировали дефиниции типажа по данным опроса и анализа контекстов с описанием токсичного поведения. В настоящий момент в русских и китайских академических словарях нет дефиниции для сочетания «токсичный человек». При этом в русском языке фигурируют синонимы к токсичному человеку – «токсик», «токс».

Анализ российских интернет-блогов показал, что под токсичным человеком понимается личность, «которая своими словами и поступками нарушает веру человека в окружающий мир и в себя, часто жалуется и драматизирующая, заикленная на себе и своей жизни, заражающая окружающих «токсином» в виде негативных эмоций» [www.b17.ru, 2022.08]; «которая склонна нарушать свободу воли окружающих, обвинять, контролировать или душить заботой и любовью» [achbd.media, 2023.02]; «после общения с которой падает настроение, возникает тревога, недовольство собой» [journal.tinkoff.ru, 2024.03]; «которая может обесценить любое достижение, принизить или задеть собеседника в глаза или за его спиной» [dzen.ru, 2024.01].

Таким образом, системообразующими конститутивными признаками лингвокультурного типажа «токсичный человек» выступают следующие: 1) человек, 2) создающий негативную атмосферу, 3) вызывающую болезненные переживания у собеседника в течение длительного периода, 4) сосредоточенный на собственных желаниях и интересах. Результаты проведенного опроса показали аналогичное понимание токсичного человека многочисленными русскоязычными респондентами. При этом негативное,

токсичное воздействие метафорически описывают как *сеющее токсины, распространяющее яд, удушающее, отравляющее*. В данном случае уместно говорить об образных характеристиках рассматриваемого типажа.

Токсичный человек сочетает в себе многочисленные негативные характеристики, может проявлять себя как: *манипулятор, сплетник, критикант, завистник, эгоист, тиран, ханжа, лгун, обесценивающий чужой труд и собеседника, закомплексованный, нарцисс, вампир*. Все перечисленные лексемы использовались русскоязычными респондентами при описании «токсичного человека». Кроме того, в русском языке поведение «токсичного человека» объективировано глаголами *токсичничать* и *токсить*, что также свидетельствует об узнаваемости и типичности поведения целого ряда личностей. Проиллюстрируем примером: *Как избавиться от привычки «токсить»?; Она, конечно, немного отдрессированная и совсем уж явно токсичничать не посмела, но в целом направление ее реакции было бы схожим [intrigue.dating]*.

Как уже было отмечено выше, в Китае в настоящее время нет словарных дефиниций понятия «有毒的人» (токсичный человек). Проанализировав словари, мы обнаружили ряд синонимичных понятий «*有魔性的人*» (дьявольский человек), «*有害的人*» (вредный человек) и «*恶毒的人*» (порочный человек). В текстах массмедиа мы обнаруживаем толкование понятия «токсичный человек» в блогах, научно-популярных текстах. Здесь мы можем наблюдать образный признак лингвокультурного типажа «токсичный человек» – дьявол, персонаж со звериной мордой, рогами и когтями, с крыльями.

Ниже приведем примеры, характеризующие токсичного человека, ставшие его жертвой:

«*有毒的人会在我们的生活中制造混乱，损害我们的情感和心理健康*» [baijiahao.baidu.com, 2023.08]. – *Токсичные люди создают хаос в нашей жизни и вредят нашему эмоциональному и психическому здоровью* (Здесь и

далее, если не указан другой автор, перевод наш. – Ю.Х.).

«永无止境的抱怨、挑毛病，找问题，这样的人会散发某种负能量，把周围的人拖下水，能拉低我们的能量、降低我们的智商，还能让我们产生莫名的悲观情绪» [baijiahao.baidu.com, 2022.03]. – Люди, постоянно выражающие недовольство, критикующие недостатки и напрашивающиеся на проблемы, распространяют определенный вид негативной энергии, при этом принижая окружающих, снижая их производительность и коэффициент умственного развития, заставляя их чувствовать себя необъяснимо пессимистично.

Интерпретативный анализ контекстов, содержащих дефиницию «токсичный человек», позволяет обозначить следующие конститутивные признаки исследуемого концепта типизируемой личности: 1) человек; 2) воздействующий негативно на окружающих; 3) демонстрирующий тяжелый характер; 4) заикленный на собственных интересах; 5) стремящийся контролировать окружающих.

В целом, системообразующие признаки типажа «токсичный человек» в русской и китайской лингвокультурах совпадают.

Системообразующим является признак «токсичность», который вербализован в китайской лингвокультуре как *传播毒性* (распространение токсичности), *传染毒性* (инфекционная токсичность) и *中毒* (отравление).

На основе обобщения языкового материала мы выделили свойственные токсичным людям черты поведения: *обвинение, критика, контроль, эмоциональный шантаж, паранойя, депрессия, негативизм, нарциссизм, идеализм* и др. В этом отношении имеется большое сходство с негативными коннотациями китайцев, отраженными в коммуникативно-массовом сознании современных русских людей. Проиллюстрируем примером: *Пользователи размещали свои селфи с текстом «没有有毒的人对我评头论足了，我终于可以爱自己了» – Ни один токсичный человек не*

комментирует мой пост, я наконец-то могу полюбить себя. Некоторые пользователи писали в блогах: «自从远离了有毒的人, 瞬间好了很多» [s.weibo.com, 2021.06]. – С тех пор, как я ушла от токсичных людей, я сразу стала намного лучше», посты с фотографиями Су Имина, китайского чемпиона зимних Олимпийских игр с текстом: «太稳了! 绝! 还是看看优秀的运动员吧, 远离有毒的人» [s.weibo.com, 2022.02]. – Вот это стабильность! Абсолютная стабильность! Давайте посмотрим на отличных спортсменов и будем держаться подальше от токсичных людей). Речь говорящего полна недовольства, из чего можно сделать вывод, что у говорящего было неприятное взаимодействие с токсичным человеком. Рассматриваемый лингвокультурный типаж «токсичный человек» характеризуется как раздражающий, неудобный, болезненный, вредный и т.д., то есть перечисляется уничижительная оценка.

Следующие примеры из Weibo характеризуют токсичного человека как человека, который оказывает негативное влияние на окружающих:

«旁边邻居是个好占便宜, 有双重标准、不讲理、做事极端的有毒的人» [s.weibo.com, 19.10.2024]. – Мой сосед – токсичный человек, который любит пожить за чужой счёт, имеет двойные стандарты, ничего не желает слушать и совершает из ряда вон выходящие поступки.

«世界上真的有这样的吸血鬼啊, 天天吸别人的正能量自己还怨气老大, 自私的巨婴真的没救, 果然还是要抓紧赶快学习远离有毒的人» [s.weibo.com, 15.10.2024]. – В мире действительно есть такие вампиры! Они каждый день высасывают положительную энергию из других, но при этом испытывают огромную обиду. Такие эгоистичные и инфантильные люди, "гигантские младенцы", по правде говоря, безнадежны. Нам и впрямь все еще нужно научиться держаться подальше от токсичных людей.

Как мы видим, контексты содержат оценочные суждения относительно токсичных людей: лексема «吸血鬼» (вампир) подчеркивает потребительское и негативное отношение к окружающим (好占便宜 (любит пожить за

чужой счёт)), для описания эгоистичности и зацикленности на своих интересах за счет окружающих (不讲理 (ничего не желать слушать), 做事极端 (совершать из ряда вон выходящие поступки) используется сравнение с «自私的巨婴» (эгоистичным гигантским младенцем), незрелость и инфантильность токсичных выражается в обидчивости (怨气老大 (огромная обида) и 双重标准 (в двойном стандарте).

Жертвы токсичных людей осознают негативное воздействие, которое на них оказывается, стремясь его минимизировать.

Помимо негативной характеристики в медиатекстах мы встречаем иную оценку токсичных людей. Так, игроки LeagueofLegends часто жаловались на токсичность, если другой игрок играл плохо. Это не означало оскорбление или критику, а выступало своего рода шуткой.

Среди оценочной лексики, используемой для номинации лингвокультурного типажа «токсичный человек», в китайском медийном дискурсе мы обнаружили мелиоративы. О.С. Ахманова определяет понятие «мелиоративный» как обладающий положительным эмоционально-экспрессивно-оценочным созначением (окраской) или сообщающий (придающий) слову такое созначение [Ахманова, 1966, с. 226]. Анализ контекстов на китайском языке создает иллюзию, что оценка типажа «токсичный человек» мелиоративна. Но в данном случае, на наш взгляд, мелиоративы используются как ирония, сарказм в качестве шутки.

Из китайской социальной сети Weibo нами отобраны следующие иллюстративные примеры вербализации признака «заразительный»: «虽然我好久没有遇到有毒的疯子哥哥了,想念有毒的人哈哈哈哈,疯子哥哥真的太好玩了!» [s.weibo.com, 2021.12]. – Хотя я давно не встречал токсичного сумасшедшего парня/брата, я скучаю по токсичным людям, хахаха, сумасшедший парень/брат, это слишком забавно!», «太好玩了» – слишком забавно – вот хороший комментарий, «有毒的疯子哥哥» – токсичный

сумасшедший парень/брат», показывающий веселое, счастливое настроение говорящего. Другой пост гласит: «*以家人之名*”结局啦, 贺子秋真是个人, 每次看见他哭我也想哭» [s.weibo.com, 2022.07]. – *Концовка сериала «Во имя семьи», Хэ Цзыцю действительно токсичный человек, мне хочется плакать каждый раз, когда я вижу, как он плачет*». В этом примере говорящий делает комплимент актеру, играющему роль Хэ Цзыцю, а его актерское мастерство очень заразительно. Таких сообщений в блогах много, например: «*两个有毒的人, 太有趣了! – два токсичных человека, это так любопытно!*»; «*今天吃了四餐! 我真是个人! 没事, 心宽体胖!*» [s.weibo.com, 2021.04]. – *Я сегодня четыре раза ел! Я действительно токсичный человек! Все в порядке! Теперь я радостный и толстый!*». В приведенном контексте отчетливо просматриваются нейтральные и мелиоративные оценки токсичного человека. В характеристиках типажа «токсичный человек» на материале китайского языка как бы проявляются такие признаки, как *смешной, забавный, юмористический, привлекательный, самоуничижительный, насмешливый*. Но в данном случае речь идет исключительно о шуточном общении.

Таким образом, семантика прилагательного «токсичный» получила широкое развитие и активно используется в оценке межличностных отношений, происходящих как в рамках бытового дискурса (семья, друзья), так и институционального. Обращает на себя внимание, что в китайском коммуникативном пространстве в отличие от русского токсичному человеку приписываются *в шутливой форме позитивные* характеристики (*привлекательный* и т.п.). Но выявленные лексемы с позитивной (мелиоративной) семантикой обладают как таковой *вне* контекста. В конкретных примерах, которые были приведены, эти лексемы используются как ирония, сарказм, иногда как самоирония. Подчеркнем: речь идет о шутках.

Далее приведём диахронический обзор развития семантики слова

«токсичность» и его производных на материале китайского и русского языков с целью обоснования выбора лексемы для наименования лингвокультурного типажа «токсичный человек». Развитие современного общества, смена канала коммуникации, связанного с появлением виртуальной реальности, привели к тому, что в исследуемых нами языках во второй половине XX века лексема «токсичность» претерпела концептуальную эволюцию и приобрела метафорические значения. Установлено, что в новом метафорическом значении слово «токсичность» выражает как в русском, так и в китайском языке негативную оценку.

Лексический уровень языка наиболее чувствителен ко всем изменениям, происходящим в обществе. Изменение в любой сфере человеческого бытия довольно быстро находит отклик именно на этом языковом уровне, поскольку, согласно Е.С. Кубряковой, «постоянное развитие человеческого общества и человеческого познания ставит перед языком задачу обеспечить все стороны жизни и деятельности человека новыми наименованиями» [Кубрякова, 2010, с. 3]. Один из результатов номинативной функции языка в постоянно изменяющемся мире – это семантические преобразования в лексике (расширение значения, сужение и семантический сдвиг), при которых предыдущее значение слова начинает расходиться с новым. Иными словами, семантическое развитие представляет собой форму изменения языка, связанную с изменениями в использовании слов. В рамках данного параграфа будет представлен анализ развития семантики лексемы «токсичность» и его дериватов на материале русского и китайского языков.

В современном русском и китайском языках мы отмечаем изменение семантики, обусловленное внешними и внутренними (имманентными, языковыми) факторами языка. В качестве внешних выступают социальные, политические, экономические, культурные обычаи и т. д., внутренний фактор заключается в изменении самого языка в процессе функционирования, его усовершенствование. По мнению В.А. Белова, внутренними факторами

может стать расширение когнитивного пространства и словарного запаса [Белов, 2019, с. 84], а также изменения в лексике и грамматике, в частности в синтаксисе.

Т.П. Скорикова отметила, что интенсивное развитие русского языка, которое сегодня мы наблюдаем на фоне глобализационных процессов и роста информационных технологий, протекает по нескольким направлениям: размывание границ функциональных стилей, введение в современную журналистику новой научной терминологии, расшатывание норм литературного языка, апелляция к просторечию в журналистике, использование жаргонизмов в языке прессы, формирование нового функционального стиля в сфере интернет-общения [Скорикова, Орлов, 2018, с. 172] и т.д. Соответственно, под воздействием различных внутренних и внешних факторов изменение семантики лексики является общей тенденцией и касается как русского, так и китайского языков.

П.А. Щербо [Щербо, 2008], Е.В. Ганапольская [Ганапольская, 2023], Т.П. Скорикова [Скорикова, Орлов, 2018] провели ряд исследований по развитию семантики. Они проанализировали многозначные смысловые структуры, семантическое изменение слов, формирование словарного запаса, выработали методы семантического моделирования словарного запаса. В.А. Плунгян акцентировал внимание на том, что для выявления наиболее динамичной структуры живого языка и для анализа тенденций его развития в будущем необходимо обратиться к стихии устной речи, не скованной традицией и нормой [Плунгян, 2005, с. 8]. Язык интернет-общения также вызывает интерес с позиции уникальности своей структуры, поскольку, формально он представлен в письменной форме, в действительности он является спонтанной письменной устной речью. Стоит отметить, что соцсети (популярные сегодня формы общения) сближаются с массмедиа, поскольку, как отметили С. Растегари и Ч.З. Бахадиванд, часто в группах социальных сетей публикуются небольшие статьи, объявления и другая информация [Растегари, Бахадиванд, 2020, с. 288]. Безусловно, любые изменения

отражаются в языке, и в этом аспекте мы рассмотрели медиатексты.

Анализ блогосферы и массмедийных источников позволил предположить, что на сегодняшний день лексема *токсичный* приобрела статус квазинаучного термина, который используется профессиональными психиатрами и психологами, а также непрофессиональными коучами или блогерами. Слово «токсичный» содержит метафорические номинации, в основном из-за удобства обозначения различных психических расстройств или отклонений, болезней или поведения человека. Например, «токсичными» можно назвать внезапные вспышки гнева и регулярно повторяющиеся странные реакции больных шизофренией [Буряковская, Дмитриева, 2022, с. 137]. Несомненно, рекуррентность данной единицы вызвала и у российских, и у китайских лингвистов научный интерес.

В.А. Буряковская, О.А. Дмитриева, К.М. Шилихина, И. Лицюнь, Е. Хуипин (叶慧萍) и другие ученые посвятили свои исследования изучению имени существительного «токсичность» и прилагательного «токсичный» с позиции гендерной лингвистики, психолингвистики, культурологии, психологии межличностных отношениях (см. подробнее: [Дмитриева, Ху, 2022, с. 104]). Поэтому необходимо определить современное значение слова «токсичность» и его дериватов, а также диахроническую характеристику семантического развития этого понятия в современном русском и китайском языках.

В русском языке слово «токсичный» происходит от древнегреческого *toksikonpharmakon* и связано с ядом, который использовали для смазывания стрел. Согласно «Малому академическому словарю» А.П. Евгеньевой, слово «токсичность» имеет следующее определение: «свойство по знач. прил. токсичный. Токсичность газа» [Малый академический словарь, 1981-1984]. Проведя анализ Национального корпуса русского языка [НКРЯ: <https://ruscorpora.ru>], мы установили, что в прямом значении слово «токсичность» впервые было использовано в текстах по химии, медицине и экологии, связанных с описанием ядовитых веществ. Безусловно, стоит

отметить, что слово «токсичность» в этих сферах вызывает негативные ассоциации у людей. Проиллюстрируем примерами:

1) Доказана повышенная токсичность сыворотки и мочи шизофреников, в особенности спинномозговой жидкости (В.А. Гиляровский. Психиатрия. Гл. 20-29 (1935)) [НКРЯ: <https://ruscorpora.ru>].

2) Выяснилось также, что дальнейшее наращивание углеродной цепочки в молекуле нафарина снижает токсичность соединения, не уменьшая ее антикоагулирующего влияния на кровь. Клинические испытания нафарина закончены. Отработаны технологические процессы его получения. Синтез его сравнительно прост, все исходные продукты вырабатываются нашими химическими заводами (Е. Грузинов. Грызуны и ... сердечно-сосудистые заболевания // «Химия и жизнь», 1965) [НКРЯ: <https://ruscorpora.ru>].

К 1970-м годам семантика слова «токсичность» получила развитие в неожиданном направлении. Проследим контекст, в котором встречается прилагательное «токсичный». В Национальный корпус русского языка включены следующие контексты:

1) *А вот Антону Деникину в Воронеже – следовало бы; каждая тамошняя собака его забыла, а надо, чтобы помнила каждая собака. Короче, так. Этот гнусный ядовитый фанатик, этот токсичный старикашка, он – нет, он не дал мне полного снадобья от нравственных немощей, – но спас мне честь и дыхание (ни больше, ни меньше: честь и дыхание)* (Венедикт Ерофеев. Проза из журнала «Вече» (1973)) [НКРЯ: <https://ruscorpora.ru>].

2) *У нас его мало, поэтому завозят из-за границы, в частности из целомудренной Америки. Студия «Troma» выпускает смешные, полные блевотины, крови и дерьма ужастики. С добрым юмором и комическими извращениями. Фильм «Токсичный мститель» Ллойда Кауфмана – визитная карточка этого брэнда* (Александр Мешков. К нам привезли «ужасное помойное дерьмо» // Комсомольская правда, 2003.03.17) [НКРЯ: <https://ruscorpora.ru>].

Мы видим из примеров (второй пример относится к более позднему периоду), что прилагательное «токсичный» вышло за пределы своего традиционного значения, изменилась его сочетаемость: характеристика объекта (вещи) сменилось на характеристику субъекта (люди) (*старикашка, мститель*). Безусловно, согласно контекстуальному анализу материала, прилагательное «токсичный» здесь имеет ироническую образную коннотацию и транслирует негативную оценку. Однако в корпусе есть только два примера такого материала в наиболее ранний период, соответственно, употребление в переносном значении только зарождалось и не получило широкого распространения.

Несколько позже, в 2008 г., в США под влиянием финансового кризиса значение слова «токсичный» получило новый виток развития. В этот период лексема «токсичный» стала использоваться для характеристики имен существительных *экономика, облигации, активы, фонд*, а также объектов в материально-хозяйственной сфере в негативно-метафорическом смысле, что, безусловно, является свидетельством приобретенного семантического расширения анализируемого слова. Приведем пример из газетного подкорпуса НКРЯ:

Глобальный экономический кризис 2007-2010 годов «отметился» в Oxford Dictionary of English, в частности, терминами «токсичный долг» (toxicdebt) – задолженность с очень высоким риском невозврата, и «количественное ослабление» (смягчение) (quantitativeeasing) – денежно-кредитная политика государства, предполагающая наводнение рынка ликвидностью для стимулирования экономики. Компьютерный и интернет-сленг в новом издании представлены, например, «микроблоггингом», «нетбуком», а также глаголом «отфрендить» (defriend) – удалить человека из списка «друзей» в какой-либо социальной сети (Оксфордский словарь пополнился «вувузелой» и глаголом «отфрендить») // РИА Новости, 2010.08.19) [НКРЯ: <https://ruscorpora.ru>].

Со временем новая семантика слова «токсичный» стала проявляться в

политической и социальной сферах: токсичное общество, токсичное государство и др. Стоит отметить, что слово «токсичный» по-прежнему наследует отрицательную оценочную функцию в прямом значении в этих словосочетаниях. В качестве примера приведем цитату, взятую из газетного подкорпуса НКРЯ:

Специалисты из Массачусетского технологического института (МТИ) создали искусственный интеллект Nightmare Machine, который превращает обычные фотографии в изображения из фильмов ужасов. Алгоритм обрабатывает снимки людей и достопримечательностей в различных стилях: «дом с привидениями», «инферно» или «токсичный город». Результаты работы машины опубликованы на сайте Nightmare (Храм Василия Блаженного превратили в обитель призраков) // lenta.ru, 2016.10.24) [НКРЯ: <https://ruscorpora.ru>].

Согласно данным поисковых запросов Яндекса, лексема «токсичный» с начала 21 века все чаще появляется в контексте описания межличностных отношений. Среди наиболее распространенных имен существительных, используемых в сочетаниях с лексемой «токсичный», — *человек, друг, парень, подруга, отец, мать, жена, муж, мужчина, женщина, начальник, отношения, поведение, общение, общение* и т.д. По данным изучения корпуса, лексема «токсичность» и прилагательное «токсичный» приобрели в русском коммуникативно-массовом сознании ассоциации, смежные с прилагательными *негативный, заразный, деструктивный* и др., а его метафорическое значение получает более широкое развитие, став модным словом в речи и средствах массовой информации. При этом Интернет является одним из факторов, способствовавших этому семантическому развитию. В газетном подкорпусе НКРЯ встречаются следующие контексты:

1) *«Матвиенко подчеркнула, что и российские сенаторы неоднократно пытались выстроить конструктивный диалог с американскими коллегами, однако они не всегда идут на контакт. «Наш посол «токсичный», его погрузили в такой вакуум, что если кто-то с ним поговорит по телефону и*

поздоровается где-то на приеме, то человек попадает в черные списки – вот такая атмосфера сегодня», – отметила спикер Совфеда» (Матвиенко посетовала на контуженых американских политиков) // lenta.ru, 2017.04.20) [НКРЯ: <https://ruscorpora.ru>]. Легко заметить, что в приведенном высказывании слово «токсичный» обладает яркой коннотативной характеристикой.

2) *«Я была замужем. Я развелась», – коротко сказала актриса. По ее словам, причина разрыва была «очень нехорошая». Самбурская призналась, что боролась за больные и токсичные отношения. Однако всему виной была несовместимость. Актриса заявила, что если человек регулярно оскорбляет другого, то отношения лучше на этом закончить. Читайте также: Самбурская со скандалом покинула Московский драматический театр» (Самбурская рассказала, почему развалился ее первый брак) // Московский комсомолец, 2019.06.01) [НКРЯ: <https://ruscorpora.ru>]. Здесь токсичное поведение сопряжено с понятием оскорбления.*

Как мы видим, с развитием социальных объективных факторов семантика термина «токсичность» и его производного «токсичный» сильно изменилась. Помимо выражения своего основного значения, прилагательное «токсичный» реализует метафорическую функцию в сферах социальной политики, экономики, культуры, межличностных отношений, отражая негативную оценку явления или человека. В своем исследовании, посвященном анализу семантики слова «токсичный», К.М. Шилихина выделила контексты, в которых прилагательное «токсичный» в сочетании с существительным называют отношения, действия и их акторов, а также результаты этих действий. Иными словами, произошла метафоризация семантики слова. Так, в интернет-коммуникации используются словосочетания *токсичный текст, токсичная игра, токсичная благотворительность, токсичный менеджмент, токсичное поведение, токсичная маскулинность* [Шилихина, 2019, с. 91]. В русском языке имя существительное «токсичность» больше не используется только в области

химии и медицины, оно вошло в другие сферы употребления, как и прилагательное «токсичный». Это слово применяется часто как оценочный (негативный) эпитет, аксиологически характеризующий самый широкий спектр явлений мира – поведение человека, межличностные отношения, артефакты и т.п.

Что касается китайского языка, то слово «毒性» (токсичность) состоит из двух элементов: «毒» (яд) и «性» (свойство)». «毒» (яд) в древние времена также можно было произносить как *dài* (歹). Этот иероглиф впервые появился в книге «Шовэнь цзецзы (说文解字)» в период правления династии Восточная Хань и означал ядовитые растения. В Древнем Китае люди не различали лекарство и «毒» (яд), а смешивали их как «毒» (яд), считая, что это лекарство от болезней, это «毒» (яд). Со времен династий Вэй и Цзинь «毒» (яд), в основном, относится к тем препаратам с сильными лечебными свойствами, которые склонны к токсическим побочным эффектам после их приема. В «Словаре современного китайского языка» «毒» (яд) означает: 1) вещества, которые могут вызывать химические изменения в организме после попадания в него и разрушать ткани, нарушать физиологические функции организма; 2) относится к вещам, вредным для идеологии; 3) относится к компьютерным вирусам; 4) наркотики; 5) яд; 6) злобный, жестокий [现代汉语词典, 2016, с. 320] (Перевод здесь и ниже наш. – Ю.Х.). «性» (свойство) означает: 1) Характер: *личность, природа, терпение*; 2) свойства вещества; свойства вещества, обусловленные определенным ингредиентом: *вязкость, эластичность, действие (свойства) лекарства, щелочность и маслянистость*; 3) суффикс. Добавление к существительным, глаголам или прилагательным составляет абстрактные существительные или атрибутивные слова, выражающие определенную природу или характеристики вещей: *党性(партийный дух), 纪律性 (дисциплину), 创造性 (творчество), 适应性 (приспособляемость), 优越性 (превосходство), 普遍性*

(универсальность), 先天性 (врожденность), 流行性 (популярность); 4) размножение или сексуальное желание: 性器官 (половой орган), 性行为 (сексуальное поведение, половая жизнь), 性生活, 性知识 (сексуальные знания); 5) пол: 男性 (мужской пол), 女性 (женский пол); б) грамматическая категория, представляющая категорию существительных (а также местоимений и прилагательных) [现代汉语词典, 2016, с. 1469]. В прямом значении имя существительное «токсичность» употребляется так же, как и в русском языке, например:

«“暴露接触”的途径主要包括皮肤接触、饮水、呼吸、食用受污染土壤生长的食物。“毒性”，即化学属性，不同物质的不同毒性会影响我们的健康 (人民日报 2017 年 04 月 20 日)» – Пути «беззащитного общения» в основном включают контакт с кожей, питье воды, дыхание и употребление в пищу продуктов, выращенных на зараженной почве. «Токсичность» – это химическое свойство, разный уровень токсичности различных веществ может оказать то или иное влияние на наше здоровье (газета Жэньминь жибао, 20 апреля 2017 г.) [BCC: <http://bcc.blcu.edu.cn>].

«在回答中国非典病人死亡率为什么比较低的问题时，钟南山说，由于流行病学的毒性、染病人群不同等原因，以及中国对非典病人集中管理治疗是降低死亡率的重要措施，中西医结合治疗也起到一定作用 (人民日报海外版 2003 年 07 月 14 日)» — Отвечая на вопрос, почему уровень смертности больных атипичной пневмонией в Китае относительно низок, Чжун Наньшань сказал, что из-за таких причин, как эпидемиологическая токсичность, массовость инфекционных заражений, а также централизованное ведение и лечение больных атипичной пневмонией в Китае является важной мерой профилактики для снижения смертности, комплексное лечение традиционной китайской и западной медициной также играет свою роль в решении данной задачи (газета Жэньминь жибао за границей, 14 июля 2003 г.)» [BCC: <http://bcc.blcu.edu.cn>].

На основании изучения контекстов, содержащих языковую единицу «токсичность» и ее дериватов, выявленных нами в китайском корпусе ВСС, мы установили, что семантика термина «токсичность» впервые изменилась в период 40-80-х годов 20 века. Проиллюстрируем примерами:

1) *«过去也许还有些人因受帝国主义者歪曲事实的迷惑, 对于美国还存某种幻想, 或者因为心肠太软, 对于装腔作势的做法还不了解其帝国主义国家的阴毒性。因此, 美国政府在蒋介石反动政府无可挽救的时候想出新花样, 把这些人叫做“民主的个人主义者”, 想驱使他们做新中国的第五纵队, 利用他们做侵略的新工具, 来继续贯彻美帝国主义的一贯政策» (人民日报 1949 年 08 月 26 日). – Возможно, в прошлом были люди, которые были обмануты искаженными империалистами событиями, и имели некоторые иллюзии относительно Соединенных Штатов, а может быть, это было потому, что они были слишком мягкосердечны и не понимали порочной токсичности своих империалистических стран. Поэтому правительство США придумало новые уловки: когда реакционное правительство Чан Кай-ши стало безнадежно, людей данного правительства начали называть «демократическими индивидуалистами», пытаясь загнать их в пятую колонну нового Китая, используя их как новые инструменты агрессии, что стало продолжением последовательной политики американского империализма (газета Жэньминь жибао, 26 августа 1949 г.)» [ВСС: <http://bcc.blcu.edu.cn>]. В приведенном публицистическом текстовом фрагменте мы видим политическое обвинение в адрес США. Обращает на себя внимание своеобразная антитеза «мягкосердечность» и «порочная токсичность». Последним словом резко отрицательно характеризуется внешняя политика США.*

2) *«有些戏虽然不很健康, 毒性也不大的可以修改。坏的剧目经过批评讨论, 可以修改。有一点必须提出的, 今天的观众和艺人们的觉悟跟以前完全不同了» (人民日报 1957 年 03 月 19 日). – Хотя некоторые спектакли не очень здоровы, а токсичность не слишком велика, их можно*

модифицировать. Плохие пьесы могут быть пересмотрены после критики и обсуждения. Но одно надо отметить: сознание сегодняшней публики и артистов совершенно иное, чем прежде (газета Жэньминь жибао, 19 марта 1957 г.)» [BCC: <http://bcc.blcu.edu.cn>].

3) «打倒“四人帮”后, 这“毒性”仍在某些干部头脑中作祟, 在他们眼里, “权比法大”, 依仗自己有地位、有资历、有“后台”, 肆无忌惮, 为所欲为» (人民日报 1983 年 01 月 23 日). – После свержения «Банды четырех» эта «токсичность» все еще будоражила умы некоторых кадров. В их глазах «власть выше закона», они полагаются на свой статус, квалификацию и «закулистье», чтобы делать все, что хотят (газета Жэньминь жибао, 23 января 1983 г.)» [BCC: <http://bcc.blcu.edu.cn>].

Как видим, новая семантика лексемы «токсичность» начинает проявляться в политической и культурной сферах. Из контекста видно, что токсичность выражает негативное оценочное понятие при описании «империалистических государств», «оперы» и «политического поведения «Банды четырех». Использование слова «токсичность» для функции прагматической оценки является одной из характеристик политического дискурса, а также стало удобным средством описания определенных объектов.

С конца 1980-х годов, с развитием технологий, имя существительное «токсичность» стало употребляться в информационно-коммуникационной сфере. При обмене программным обеспечением между Китаем и зарубежными странами в Китай проник компьютерный вирус, что привело к расширению сферы употребления слова «токсичность». В этот период название компьютерных вирусов появилось и в русском языке, но анализ языкового материала показал, что слово «токсичность» еще не получило соответствующего прагматического применения, тогда как в китайском языке сфера употребления слова «токсичность» вновь расширяется. Приведем пример:

«用户中毒后，除了发送带毒网址外，还会发现：自己的任务管理器、鼠标右键以及音频设备等功能，被全盘禁止使用。“毒性”发作到最后，中央处理器被100%占用，计算机彻底死机»。(文汇报 2005年7月25日)。– После отравления учетной записи пользователя, в дополнение к автоматической отправке “токсичного URL”, пользователь также обнаружит, что такие функции, как диспетчер задач, правая кнопка мыши и аудиоустройство компьютера, полностью запрещены к использованию. Когда «токсичность» пройдет до конца, центральный процессор будет занят на 100%, и компьютер полностью выйдет из строя (газета Вэньхуэй бао, 25 июля 2005 г.) [BCC: <http://bcc.blcu.edu.cn>].

В 2008 году финансовый кризис, разразившийся в США, также оказал большое влияние на лексику китайского языка. Так же, как и в русском языке, в китайском языке слово «токсичность» и его производное «токсичный» появились в финансовой сфере, а в новостях стали встречаться новые словосочетания, такие как «有毒资产» (токсичные активы), «有毒债券» (токсичные облигации):

«收购万亿“有毒资产” 美元贬值预期加剧» – Приобретение триллионов «токсичных активов» усиливает ожидания обесценивания доллара; 美有毒资产剥离计划详解 – подробное объяснение плана продажи токсичных активов США [www.baidu.com].

В последние годы в Китае уровень жизни, сетевые информационные технологии и уровень общественного производства значительно улучшились, а население стало обращать внимание на личное достоинство, здоровый образ жизни, психологию отношений. Модные слова «токсичность» и «токсичный» стали использоваться в Интернете, социальных сетях и в повседневной разговорной речи. При этом поиск в китайской поисковой системе Baidu дал около 33 200 000 результатов при запросе «有毒的人» (токсичные люди), запрос «有毒的朋友» (токсичные друзья) – 12 400 000 результатов, что говорит об утрате первоначального значения. Слово

«токсичный» часто используется в метафорических описаниях, таких как «有毒的人» (токсичные люди), «有毒的朋友» (токсичные друзья), «有毒的老板» (токсичные лидеры), «有毒的父母» (токсичные родители), «有毒的婆婆» (токсичная свекровь), «有毒的男朋友» (токсичный бойфренд), «有毒的女朋友» (токсичная подруга) и т. д. Это слово можно применить даже ко всей сфере межличностных отношений. Приведём пример:

«这十种“有毒”的朋友还是敬而远之吧» – Эти десять видов «токсичных» друзей должны держаться подальше». / «小心! 这6种“有毒”的人可能就在你身边» — будь осторожен! Эти 6 видов «токсичных» людей могут быть на вашей стороне»; «什么是“有毒的人»? — Что такое “токсичный человек”?».

Подобные токсичные отношения рассматриваются как диагностированное психическое заболевание. В таких отношениях долгое время люди будут чувствовать дискомфорт, стресс, депрессию, снижение самооценки, страдать от неврастения и как крайний вариант думать о самоубийстве. Кроме того, словосочетания, такие как «有毒的网站» (токсичный веб-сайт), «有毒的玩具» (токсичная игрушка), «有毒的手机» (токсичный мобильный телефон), «有毒的舞蹈» (токсичный танец) и так далее, начали регулярно появляться в СМИ и разговорной речи, что также связано с быстрым развитием Интернета, современным сознанием пользователей, изменением канала коммуникации.

Следует отметить, что семантика слов «токсичность» или «токсичный» в китайском языке развивалась в ином направлении, чем в русском. Как указывает исследователь Е. Хуэйпин (叶慧萍), «有毒的» (токсичный), метафорически используется как «что-то причиняет боль, как вредное вещество» и «что-то вызывает привыкание». Такое семантическое развитие есть не только виртуальный смысловой процесс, но и метафорический процесс познания, выражающий познавательный модус от конкретного к

абстрактному [叶慧萍, 2017, с. 36]. В процессе развития прилагательное «токсичный» (有毒的) приобрело значения «заразительный» и «вредный» и получило употребление в культурной сфере, где сформировалась не только пейоративная и нейтральная, но и мелиоративная коннотации [И, 2019, с. 309; 苏雪敏, 2021, с. 93-95]. Мы также подтвердили этот факт, проанализировав соответствующие контексты. В дополнение к значениям «заразный», «вредный» и «вызывающий привыкание», на которые указал исследователь И. Лицунь, слово «токсичный» также включает в себя такие компоненты значения, как юмор и самоирония, неудовлетворенность и жалобы. Рассмотрим примеры:

«我的手有毒, 永远挑不到甜甜的西瓜, 好想哭» — У меня токсичные руки, я никогда не смогу сорвать сладкий арбуз, я хочу плакать.

«腾讯视频是有毒吧, 一个电视一个电视盒, 两个都打不开云视听, 一个闪退, 一个会导致重启, 真的无语!» — Видео Tencent ядовито, может включить облачную аудиовизуальную функцию, один рухнет, а другой вызовет перезагрузку, у меня нет слов!».

В первом примере очевидна самоирония. Во втором примере тоже используется лексема «токсичный», но она выражает жалобу, недовольство и иные негативные настроения.

Отметим, что в русском языке слова «токсичность» и «токсичный» всегда следовали своим первоначальным негативным понятиям с характеристиками «распространяющий» и «деструктивный».

Таким образом, проведенный анализ показывает, что социальное, политическое, экономическое и технологическое развитие является питательной средой для развития семантического значения слов. В русском и китайском языках лексемы «токсичность» / «毒性» широко используются в разнообразных контекстах. Имея различную этимологию, эти лексемы приобрели уникальные значения в соответствующих языках и культурах и получили метафорическое осмысление с очевидной оценочной функцией.

В данном параграфе приводятся результаты свободного ассоциативного эксперимента среди носителей русского и китайского языков, проведенного с целью составления ассоциативного поля, а также классификация и анализ полученных реакций. Под ассоциативным полем, вслед за А.А. Залевской, мы понимаем: «...Полный набор ассоциативных реакций (или ассоциатов) к некоторому предъявляемому в эксперименте слову» [Залевская, 2005, с. 68]. Необходимость проведения ассоциативного эксперимента вызвана тем, что словарные дефиниции не отражают метафорическое значение прилагательного «токсичный», поэтому возникает потребность выявления детализации понятийной составляющей коммуникативного типажа «токсичный человек» посредством построения ассоциативного поля с дальнейшей структуризацией и выявлением особенностей реализации в речевой практике лексемы «токсичность», специфики словоупотребления и этнокультурного своеобразия. Построенное ассоциативное поле выступает фрагментом представления о мире носителей русской и китайской лингвокультур. В разных национальных культурах ассоциативные поля, полученные при стимуляции одним и тем же словом, могут принадлежать двум национальным концептуальным полям, отражающим сознание людей на двух национальных языках и культурах. Именно по этой причине ассоциативный эксперимент дает богатый материал для межкультурных и междисциплинарных исследований, позволяя выявить как «общечеловеческие» характеристики свободных ассоциаций, так и ту неповторимость, которую им придает та или иная культура [Залевская, 2005, с. 46].

Для уточнения понятия «токсичность» нами был проведен эксперимент свободных ассоциаций, когда испытуемому предъявляется изолированное слово с заданием реагировать на него первым словом, пришедшим в голову в связи с полученным исходным словом. Получив реакции, мы провели исследование и сравнение характеристик лексемы «токсичный».

Модель построения ассоциативного поля строится по методике,

предложенной А.А. Залевской, выделяющей ядро ассоциативного поля, вокруг которого надстраиваются другие ассоциации — периферия [Залевская, 1990, с. 28].

Технология проведения эксперимента выглядела следующим образом. В опросе приняли участие 400 человек, по 200 носителей русского и китайского языков. Возраст испытуемых — от 25 лет до 76. Параметры половой и профессиональной принадлежности в данном исследовании не учитывались.

Респондентам было предложено написать первые пришедшие в голову ассоциации на предъявленный стимул «токсичный человек».

Все полученные реакции на выбранный стимул были упорядочены по частотности их употребления. Обработка собранного материала включала методы качественного, количественного и интерпретативного анализа.

Были построены следующие ассоциативные поля.

Ассоциативное поле на китайском языке содержит 210 ассоциаций: 有趣的 (интересный) (13); 思想奇特 (странное мышление) (13); 给别人带来不好的影响或麻烦 (плохо влиять на других, создавать проблемы) (12); 坏人 (плохие люди) (12); 奇怪的 (странные) (11); 搞笑的 (смешные) (10); 与众不同的 (своеобразный) (10); 有感染力的 (заразные) (10); 有病的 (больные) (8); 毒舌 (ядовитый язык) (8); 不符合常规 (несоответствие рутине) (6); 有吸引力 (привлекательный) (6); 有魔性的 (волшебный) (5); 出人意料 (неожиданный) (5); 独特的 (уникальный) (5); 脑子不正常 (аномальный мозг) (4); 办事有问题 (проблемная работа) (4); 精神病 (психическое заболевание) (3); 思维不正常 (ненормальное мышление) (3); 让人上瘾 (привыкание) (3); 偏执的 (параноик) (3); 让人无语的 (безмолвие) (3); 喜欢开玩笑 (любит шутить) (3); 有个性 (личность) (3); 传播负能量 (распространение отрицательной энергии) (3); 会带来好的影响 (принесет хорошие эффекты) (2); 有害的 (вредный) (2); 无理取闹 (устраивать базар)

(2); 让人意外或吃惊的 (удивительный) (2); 幽默 (юмор) (2); 奇葩 (чудак) (2); 乌鸦嘴 (человек, приносящий плохие новости) (2); 靠近他就会倒霉 (неудачник, если вы сблизитесь с ним) (2); 大众不认可 (общественность не одобряет) (2); 乐观 (оптимизм) (2); 无休止地教育或指责别人 (бесконечное поучение или обвинение других) (2); 可怕的 (ужасный) (2); 个人主义 (индивидуализм) (2); 厉害的 (сильный) (2); 迷人的 (очаровательный) (1); 不舒服的 (неудобный) (1); 说话很有特点 (говорить очень характерно) (1); 负面的 (отрицательный) (1); 消极的 (пассивный) (1); 语出惊人 (слова удивительные) (1); 不利于社会 (не на пользу обществу) (1); 行为不好 (плохое поведение) (1); 狠毒的 (порочный) (1); 让人记忆深刻 (впечатляющий) (1); 社会垃圾 (социальный мусор) (1); 快乐的 (весёлый) (1); 无聊的 (скучный) (1); 时尚的 (модный) (1); 低情商 (низкий эмоциональный интеллект) (1); 孤僻的 (замкнутый) (1).

Ассоциативное поле на русском языке насчитывает 282 реакции, в основном, негативного характера: вредный (17); манипулятор (15); всегда всем недовольный (15); едкий (13); грубый (12); негативный (12); завистник (12); властный (11); недотрога (11); язвительный (10); завистливый (9); конфликт (9); сплетничают (9); лгут (8); постоянно жалуется на кого-то, из себя делает жертву, чтобы ее жалели (8); эгоистичный (8); вторгаются в чужие личные границы (7); ненавистный (7); надменный (6); бескомпромиссный (6); авторитарный (5); противный (5); энергетический вампир (8); неискренний (5); двуличный (5); жалкое зрелище (4); чужая боль (4); отсутствие желания (3); невротика (3); серый кардинал (3); ревнивый (3); надоедливые (2); назойливый (2); хвастливый (2); душный (2); интриги (2); злой (2); разочарованный (2); навязчивый (2); заносчивый (1); жалкий (1); проблема им чужда (1); безосновательные оскорбления (1); злые глаза, которые он отводит (1); всегда прав во всем (1); высокомерный (1); тщеславный (1); навязывают свои ненужные оценки, мнения, советы (1);

«отравляют» жизнь других людей (1); разрушают жизнь другого человека: своего ребенка, родителей, подчиненных, друзей (1); человек злословный, желчный, любит смаковать неудачи других (1); он считает, что в его проблемах виноваты все, только не он сам (1).

Таким образом, можно сделать вывод, что китайские и русские респонденты по-разному воспринимают токсичного человека. Мы обнаружили, что ассоциации китайских участников эксперимента более вариативны, тогда как в русской картине мира токсичный человек ассоциируется сугубо с негативной оценкой, наиболее частотные ответы считаются культурно обусловленными. Китайская вариативность выражается в амбивалентности толкования токсичности.

Анализ языкового материала позволил выделить три макрокомпонента лингвокультурного типажа «токсичный человек»: образный компонент, понятийное содержание и интерпретационное поле.

К образным относятся немногочисленные реакции китайских респондентов: 毒舌 (ядовитый язык); 脑子不正常 (аномальный мозг). В качестве реакции на сочетание «токсичный человек» русскоязычные информанты использовали сочетание: злые глаза, вампир.

Понятийный компонент формируют ассоциаты-номинаторы, описывающие токсичного человека на основе трех признаков: «имя», «поведение» и «характер». Рассмотрим данные признаки.

«Имя». Китайские респонденты назвали 8 ассоциаций: 奇葩 (чудак) (2); 乌鸦嘴 (человек, приносящий плохие новости) (2); 偏执的 (параноик) (3), 社会垃圾 (социальный мусор) (1).

На русском языке получена 41 ассоциация: манипулятор (15); завистник (12), энергетический вампир (8); серый кардинал (3), невротики (3).

Как мы видим, токсичность ассоциируется с психологическими проблемами токсичного человека.

«Поведение». Были получены 24 ассоциации от китайских респондентов: 给别人带来不好的影响或麻烦 (плохо влиять на других, создавать проблемы) (12); 喜欢开玩笑 (любит шутить) (3); 传播负能量 (распространение отрицательной энергии) (3); 会带来好的影响 (принесет хорошие эффекты) (2); 无理取闹 (устраивать базар) (2); 无休止地教育或指责别人 (бесконечное поучение или обвинение других) (2). 41 ассоциация получена от русскоговорящих респондентов: сплетничают (9); лгут (8); постоянно жалуется на кого-то, из себя делает жертву, чтобы ее жалели (8); вторгаются в чужие личные границы (7); безосновательные оскорбления (1); отсутствие желания (3); навязывают свои ненужные оценки, мнения, советы (1); «отравляют» жизнь других людей (1); разрушают жизнь другого человека: своего ребенка, родителей, подчиненных, друзей (1); человек злословный, желчный, любит смаковать неудачи других (1); он считает, что в его проблемах виноваты все, только не он сам (1).

Китайские респонденты указали не только на негативные аспекты поведения токсичного человека, но и в ряде случаев на позитивность токсичности. Среди ответов русских респондентов получены ассоциации, содержащие исключительно негативную оценку.

«Характер». На китайском языке получено 93 ассоциации: 有趣的 (интересный) (13); 奇怪的 (странные) (11); 搞笑的 (смешные) (10); 与众不同的 (своеобразный) (10); 有感染力的 (заразные) (10); 有吸引力 (привлекательный) (6); 有魔性的 (волшебный) (5); 独特的 (уникальный) (5); 偏执的 (параноик) (3); 有害的 (вредный) (2); 幽默 (юмор) (2); 奇葩 (чудак) (2); 乐观 (оптимизм) (2); 可怕的 (ужасный) (2); 个人主义 (индивидуализм) (2); 厉害的 (сильный) (2); 迷人的 (очаровательный) (1); 负面的 (отрицательный) (1); 消极的 (пассивный) (1); 狠毒的 (порочный) (1); 快乐的 (весёлый) (1); 孤僻的 (замкнутый) (1).

На русском языке получено 137 ассоциаций: вредный (17); едкий (13);

грубый (12); негативный (12); завистник (12); завистливый (9); бескомпромиссный (6); авторитарный (5); властный (11); недотрога (11); эгоистичны (8); надменный (6); двуличный (5); надоедливые (2); тщеславный (1); хвастливый (2); душный (2); заносчивый (1); проблема им чужда (1); высокомерный (1).

Интерпретационное поле типажа «токсичный человек» включает когнитивные признаки. Нами были выделены оценочная, утилитарная и регулятивная зоны.

Оценочная зона объединяет когнитивные признаки, выражающие общую, эмоциональную, нравственную и интеллектуальную оценки типажа «токсичный человек». Китайцы назвали 87 ассоциаций: *奇怪的 (странные) (11); 与众不同的 (своеобразный) (10); 有感染力的 (заразные) (10); 有病的 (больные) (8); 有吸引力 (привлекательный) (6); 有魔性的 (вошебный) (5); 出人意料 (неожиданный) (5); 独特的 (уникальный) (5); 让人上瘾 (привыкание) (3); 让人无语的 (безмолвие) (3); 有个性 (личность) (3); 让人意外或吃惊的 (удивительный) (2); 幽默 (юмор) (2); 奇葩 (чудак) (2); 乌鸦嘴 (человек, приносящий плохие новости) (2); 靠近他就会倒霉 (неудачник, если вы сблизитесь с ним) (2); 个人主义 (индивидуализм) (2); 迷人的 (очаровательный) (1); 说话很有特点 (говорить очень характерно) (1); 负面的 (отрицательный) (1); 语出惊人 (слова удивительные) (1); 行为不好 (плохое поведение) (1); 让人记忆深刻 (впечатляющий) (1)*. На русском языке получено 99 ассоциаций: *манипулятор (15); всегда всем недовольный (15); грубый (12); конфликт (9); ненавистный (7); бескомпромиссный (6); противный (5); энергетический вампир (8); жалкое зрелище (4); чужая боль (4); серый кардинал (3); надоедливые (2); навязчивый (2); жалкий (1); всегда прав во всем (1); хвастливый (2); разочарованный (2); проблема им чужда (1)*.

Эмоциональная оценка в китайском языке (29): *有趣的 (интересный)*

(13); 搞笑的 (смешные) (10); 乐观 (оптимизм) (2); 不舒服的 (неудобный) (1); 消极的 (пассивный) (1); 快乐的 (весёлый) (1); 无聊的 (скучный) (1), на русском языке (23): негативный (12); недотрога (11).

Нравственная оценка: (25): 坏人 (плохие люди) (12); 不符合常规 (несоответствие рутине) (6); 有害的 (вредный) (2); 可怕的 (ужасный) (2); 不利于社会 (не на пользу обществу) (1); 狠毒的 (порочный) (1); 社会垃圾 (социальный мусор) (1); у русских (90): едкий (13); завистник (12); язвительный (10); завистливый (9); авторитарный (5); властный (11); эгоистичны (8); надменный (6); не искренний (5); ревнивый (3); назойливый (2); интриги (2); злой (2); заносчивый (1); высокомерный (1).

Интеллектуальная оценка на китайском языке (24): 思想奇特 (странное мышление) (13); 脑子不正常 (аномальный мозг) (4); 精神病 (психическое заболевание) (3); 思维不正常 (ненормальное мышление) (3); 低情商 (низкий эмоциональный интеллект) (1), в русском языке: невротики (3).

Утилитарную зону формируют когнитивные признаки «цель»: в китайском языке (31): 给别人带来不好的影响或麻烦 (плохо влиять на других, создавать проблемы) (12); 让人上瘾 (привыкание) (3); 让人无语的 (безмолвие) (3); 传播负能量 (распространение отрицательной энергии) (3); 会带来好的影响 (принесет хорошие эффекты) (2); 让人意外或吃惊的 (удивительный) (2); 靠近他就会倒霉 (неудачник, если вы сблизитесь с ним) (2); 无休止地教育或指责别人 (бесконечное поучение или обвинение других) (2); 不利于社会 (не на пользу обществу) (1); 让人记忆深刻 (впечатляющий) (1); в русском языке (31): манипулятор (15); конфликт (9); интриги (2); безосновательные оскорбления (1); навязывают свои ненужные оценки, мнения, советы (1); «отравляют» жизнь других людей (1); разрушают жизнь другого человека: своего ребенка, родителей, подчиненных, друзей (1); человек злословный, желчный, любит смаковать неудачи других (1).

Регулятивная зона характеризуется когнитивными признаками «отношение к окружающим»: на китайском языке (32): 给别人带来不好的影响或麻烦 (плохо влиять на других, создавать проблемы) (12); 毒舌 (ядовитый язык) (8); 偏执的 (параноик) (3); 让人无语的 (безмолвие) (3); 喜欢开玩笑 (любит шутить) (3); 传播负能量 (распространение отрицательной энергии) (3); 会带来好的影响 (принесет хорошие эффекты) (2); 无理取闹 (устраивать базар) (2); 让人意外或吃惊的 (удивительный) (2); 无休止地教育或指责别人 (бесконечное поучение или обвинение других) (2); 个人主义 (индивидуализм) (2); 狠毒的 (порочный) (1); 低情商 (низкий эмоциональный интеллект) (1). В русском языке (116): манипулятор (15); всегда всем недовольный (15); едкий (13); язвительный (10); бескомпромиссный (6); авторитарный (5); властный (11); вторгаются в чужие личные границы (7); надменный (6); противный (5); энергетический вампир (8); неискренний (5); всегда прав во всем (1); тщеславный (1); заносчивый (1); безосновательные оскорбления (1); высокомерный (1); навязывают свои ненужные оценки, мнения, советы (1); «отравляют» жизнь других людей (1); разрушают жизнь другого человека: своего ребенка, родителей, подчиненных, друзей (1); человек злословный, желчный, любит смаковать неудачи других (1); он считает, что в его проблемах виноваты все, только не он сам (1). Учитывая, что значительный процент реакций указывает на негативное отношение к окружающим, очень малая часть ассоциаций у китайцев характеризует токсичного человека с положительной стороны.

На основе анализа ассоциаций было смоделировано ядро номинативного поля «токсичный человек», включающее определенные когнитивные признаки. В русском языке выделены следующие признаки (68): вредный (17); манипулятор (15); едкий (13); грубый (12); негативный (12); завистник (12); язвительный (10); завистливый (9); властный (11); эгоистичны (8). В китайском языке выделены следующие признаки (119): 有趣的 (интересный) (13); 思想奇特 (странное мышление) (13); 坏人

(плохие люди) (12); 搞笑的 (смешные) (10); 与众不同的 (своеобразный) (10); 有感染力的 (заразные) (10); 有吸引力 (привлекательный) (6); 有魔性的 (волшебный) (5).

Периферия структурирована на основе следующих дифференциальных признаков. На русском языке (37): всегда всем недовольный (15); сплетничают (9); лгут (8); безосновательные оскорбления (1); навязывают свои ненужные оценки, мнения, советы (1); «отравляют» жизнь других людей (1); разрушают жизнь другого человека: своего ребенка, родителей, подчиненных, друзей (1); человек злословный, желчный, любит смаковать неудачи других (1). В китайском языке (25): 给别人带来不好的影响或麻烦 (плохо влиять на других, создавать проблемы) (12); 办事有问题 (проблемная работа) (4); 喜欢开玩笑 (любит шутить) (3); 传播负能量 (распространение отрицательной энергии) (3); 会带来好的影响 (принесет хорошие эффекты) (2); 行为不好 (плохое поведение) (1).

Итак, периферия ассоциативного поля типажа «токсичный человек» в русской картине мира отмечена ассоциациями пейоративного характера, в китайскую картину мира входят различные оценочные ассоциации.

Таким образом, при моделировании типажа «токсичный человек» проведенный ассоциативный эксперимент позволил выявить его наиболее коммуникативно-релевантные признаки. Макроструктурная организация ассоциативного поля состоит из трех макрокомпонентов: образно-перцептивного компонента, понятийного содержания и интерпретационного поля. Интерпретационное поле анализируемого типажа включает следующие зоны; оценочную (общая, эмоциональная, интеллектуальная, нравственная оценки), утилитарную, регулятивную. В Китае ассоциативное поле типажа «токсичный человек» включает, в основном, пейоративные и нейтральные признаки. В России лингвокультурный типаж ассоциируется с негативными признаками, характеризующимися регулярностью и повторяемостью разрушительного воздействия на жертву.

2.3. Феномен «лицо» как регулятив коммуникативного поведения

Коммуникативное поведение является реакцией на социальные нормы, установленные для определенной группы людей. Язык – важнейший инструмент формирования понятий и становления национального духа. Можно сказать, что национальное коммуникативное поведение тесно связано с языком и культурой и воплощает в себе нормы и традиции общения определенной лингвокультурной общности. Поведение человека лежит в границах дозволенного в социуме. При этом критериями, определяющими эти границы, служат нормы и правила, принятые в определенной социальной группе. Это может быть как этнос, так и социопрофессиональная группа.

В рамках лингвистических исследований ученые опираются на анализ коммуникативного поведения, позволяющий изучить проявление «человека в языке» и в социуме, а также определить границы норм приемлемого, конструктивного и деструктивного поведения. В свете этого лингвистика проявляет большой интерес к широкому кругу проблем, связанных с выделением коммуникативных норм и вариантов их нарушения. В число таких норм входит такое социально-психологическое явление, как *лицо* или «*面子* (мянцзы–лицо)», играющее важную роль в культурной картине мира и во многом определяющее индивидуальный поведенческий выбор, а также влияющее на социальное взаимодействие людей. В различных сферах общения языковая личность реализует разнообразные социальные роли в зависимости от динамичных характеристик коммуникативной ситуации (сфера, статус, возраст, пол и т. д.) и создает свой образ перед участниками общения с целью демонстрации своих как моральных характеристик (честь, достоинство, доверие), так и материальных достижений (статусные вещи, респектабельный внешний вид). Вне коммуникации, наедине, человек не может создать «лицо», оно может быть реализовано только в межличностном общении. На процесс моделирования или создания «лица» влияют ценностные доминанты социума, соответственно, поведение человека

отражает то общественное сознание и культуру, к которым он принадлежит. Таким образом, в межличностном общении «лицо» ассоциируется с идентичностью, статусом и ролью, личными достижениями, завоеванным престижем и нормами социального коммуникативного взаимодействия.

Традиционно понятие «лицо» связывают с китайской культурой. «面子» (лицо) – абстрактная, неуловимая и в то же время наиболее тонкая норма, в соответствии с которой происходит социальное общение в Китае [林语堂, 1994].

Феномен «面子» (лицо) привлекал внимание китайских ученых из различных областей гуманитарного знания: социологии (Чжао Жуоцзя (赵卓嘉) и др.), психологии (Хэ Юхуэй (何友晖), Хуан Гуанго (黄光国), Чэнь Чжижао (陈之昭), Чжоу Мэйлин (周美伶) и др.), социальной психологии (Ху Сяньцзинь (胡先晋), Цзинь Яоцзи (金耀基) и др.). Для китайской культуры понятие «面子» (лицо) исторически обусловлено. На протяжении более четырех тысячелетней истории в китайском обществе подавлялись идеи индивидуализма и подчеркивалось превосходство семьи и группы людей. Стратегия гомогенизировать людей, заставить их мыслить и поступать одинаково привела к тому, что индивидуализм считался аморальным и некитайским явлением, а чувство собственного достоинства минимизировалось до такой степени, что оно фактически не существовало. Общество функционировало скорее на основе личных отношений, чем объективных обычаев и законов, которые служили интересам власти и не обеспечивали людям возможность ведения дел на основе законных прав и практической целесообразности. В этих условиях стало целесообразно создавать и укреплять обширную сеть личных связей, позволяющих получить желаемое или необходимое. Блага и средства к существованию стали зависеть от наличия «социального доверия», в связи с чем появляется понятие «лицо». Все, что могло «запятнать лицо», оказывало негативное влияние на способность использовать «социальное доверие». В этих

условиях положение человека в социуме практически полностью определялось коллективом, зависело от окружающих. Соответственно, забота о собственном лице становилась единственной областью, над которой человек имел власть [Баженов, 2009, с. 263].

Китайские литературоведы Лао Шэ (老舍), Лу Сюнь (鲁迅) и Ба Цзинь (巴金) предлагают рассматривать «面子» (лицо) как явление феодальной системы, предназначенное для повышения статуса и авторитета в семье или государстве, приравнивания человека к разряду божества [周美伶, 何友晖, 2006, с. 187-188].

Будучи одной из глубинных структур культурной психологии китайцев [Спешнев, 2014, с. 81] и культурно-психологическим феноменом [Селезнева, 2021], «лицо» получило языковое оформление еще в Древнем Китае. Иероглиф «面(мян)» был впервые обнаружен на костях оракула династии Шан еще за тысячу лет до нашей эры. В современном китайском языке иероглиф «面 (мян)» встречается в ряде языковых единиц: в именах существительных: 脸 (лицо – передняя часть головы), 面貌 (лицо), 脸面 (лицо): 脸面发光 (лоснящееся лицо); указывает ориентацию: 上面 (выше), 下面 (ниже), 对面 (напротив); указывает на еду: 面条 (лапша), 面粉 (мука); в глаголах: 面对 (взглянуть в лицо), 面临 (находиться перед), 面谈 (лично беседовать) и т. д.; в прилагательных: 面 (низкое содержание клетчатки и мягкий), например: 这个土豆真面 (этот картофель такой мягкий), 面善 (добрый (с виду)); в устойчивых словосочетаниях: 面向世界 (букв. «лицо направлено к миру» – приобщаться к мировому сообществу); в наречиях: 面谈 / 面议 (беседовать лицом к лицу) [Даулет, 2019, с. 160-161; 现代汉语词典, 2016]. В первоначальном значении «面 (мян)» / «лицо» относится к соматизмам, то есть называет одну из частей тела. Позже при присоединении суффикса «子» иероглиф «面子 (мянцзы)» приобрел более широкое значение.

Чжу Жуйлин (朱瑞玲), проанализировав китайские древние тексты «Шицзин», «Цзю Таншу» («Старая история Тан»), «Книгу Тан» («История Тан») и «Юань ши», обнаружила, что две языковые единицы, содержащие иероглиф «面 (мян)» – «面目 (лицо)» и «颜面 (лицо)», с давних времен использовались для описания поведения или соблюдения моральных норм, а также эмоциональной реакции на угрозу потери репутации [朱瑞玲, 1985]. Значение лексемы «面子 (лицо)» меняется в зависимости от контекста. Оно может относиться к власти и престижу, к чести и репутации, к человеческим отношениям.

Кроме слова «面子» (лицо), в китайском языке есть лексема «脸 (лиан)», также обозначающая «лицо». «脸 (лиан)» – это более новый термин. Он относится ко времени правления династии Юань (1227-1367 г.), появился на севере Китая и стал постепенно вытеснять лексему «面子 (лицо)». Согласно точке зрения социолога Ху Сяньцзинь (胡先晋), «面 (миан)» обозначает престиж, который достигает индивид благодаря видимым достижениям и хвастовству, а «脸 (лиан)» – это уважение, которое окружающие выражают тем, кто имеет репутацию нравственного человека [胡先晋, 1988]. В то же время Хэ Юхуэй (何友晖) выразил иное мнение, подчеркнув, что «面子 (лицо)» действительно включает в себя моральные стороны и достижения человека, но не может быть классифицировано как «脸 (лиан)» и «面 (миан)», заявляя, что «面子 (лицо)» – это уважение и почтение, которые проявляют окружающие к индивиду, соответствующее поведение, определяемое социальной ролью. «面子 (лицо)», приобретенное индивидом, зависит от того, соответствует ли его поведение социальным ожиданиям; в случае коммуникации двух человек, «面子 (лицо)» описывается как взаимное подчинение, уважение и почтение, к которым готовы обе стороны [王轶楠, 2006, с. 102-103]. Для различения «脸 (лиан)» и «面子 (лицо)» введены два понятия - «социальное лицо (社会面子)» и

«моральное лицо (道德面子)» [Спешнев, 2014, с. 128]. В повседневном общении «面子 (лицо)» и «脸 (лиан)» часто используются синонимически, например: 丢脸/丢面子 (потерять лицо), 要脸/要面子 (сохранять лицо).

Чэн Чжуньин (成中英) считает, что «面子» (лицо) – это форма уважения, которую человек требует от других [成中英, 欧阳晓明, 翟学伟, 2006]. «面子» (лицо) не обязательно связано с моральными качествами [Спешнев, 2014, с. 133]. По большей части оно зависит от умения производить впечатление, от оценки окружающих [Стародубцева, 2023, с. 228]. «面子» (лицо) меняется в зависимости от социального статуса человека, чем выше положение, которое занимает индивид в социуме, тем больше у него «面子» (лицо), соответственно, чем выше положительные факторы, такие как репутация, награды и слава, тем больше у него «面子» (лицо). Наоборот, при потере положительных дополнительных факторов, теряется «面子» (лицо) в глазах окружающих. Человек может изменять к лучшему свой моральный облик с целью «увеличения» своего и чужого «лица», например: *в метро ребенок уступает место пожилому человеку, в этот момент окружающие смотрят на ребенка с восхищением*. В это время ребенок чувствует, что у него есть лицо, а родители ребенка чувствуют, что они приобрели лицо благодаря поведению ребенка. Такое «лицо» является выражением моральных качеств и радости быть признанным другими. В определенной степени «面子» (лицо) выступает в качестве самоидентификации личности [陈之昭, 2006], связано с чувством собственного достоинства и имиджем [Стародубцева, 2023].

«面子» (лицо) в китайском обществе – это еще и средство, с помощью которого лидеры дисциплинируют мысли и поведение людей [赵卓嘉, 2012, с. 128]. В.С. Юрлов, изучив «властные игры китайцев», отметил, что «面子 (лицо) как эффективная норма социального поведения является неотъемлемой частью поддержания социального порядка и играет

определенную роль в защите репутации участников диалога [Юрлов, 2023, с. 11-12].

Итак, согласно имеющимся определениям лексемы «面子» (лицо), можно выделить ее четыре значения: первое – это форма социального признания, уважение, престиж, статус и т. д.; второе – моральные качества личности; третье – психологическая характеристика личности, связанная с самооценкой и самоидентификацией; четвертое – механизм регулирования социального порядка.

Будучи стержневым концептом китайской культуры «面子» (лицо) получило языковое выражение в идиомах: «丢脸/丢面子» (потерять лицо), «要面子» (стремиться сохранить лицо), «给面子» (сделать лицо), «保护面子» (защитить лицо), которые демонстрируют ценностно-оценочные характеристики понятия «面子» (лицо) в китайской аксиологической картине мира. С точки зрения ценностной нагрузки, «面子» (лицо) однозначно представляет собой лингвокультурный концепт. По мнению Ф.Н. Даулета, объяснительное поле концепта «лицо» в китайском языковом сознании представляется как ряд психологических и оценочных стереотипных суждений, содержащих разные ценностные предикаты и относящихся к разным когнитивным уровням концепта. «Лицо» является одним из основных социально-психологических понятий, связанных с передачей знаний о китайском языке и китайской культуре. Языковые единицы имеют в своей семантике специфические культурные значения, а образы этих единиц кодируют важные культурные смыслы и источники мотивации, связанные с носителями китайского языка и культуры [Даулет, 2020, с. 23-33]. Состояние, объективированное идиомой «丢脸/丢面子» (потерять лицо), является не только одним из уникальным культурно-психологическим феноменов китайского народа, но и важной лингвокогнитивной единицей, которая широко отражена в лексике, словосочетаниях, фразеологизмах и служит ключом к пониманию картины мира китайского языка, например:

«颜面尽失» – потерять лицо;

«丢人现眼» – потерять лицо, выставить себя дураком;

«僧来看佛面» – развлекать посетителей или гостей в соответствии с «лицом» соответствующих людей;

«死要面子,活受罪» – относится к страданиям из-за сохранения лица;

«人有脸,树有皮» – означает, что у человека есть лицо, как у дерева есть кора. Это метафора того, что все люди обладают чувством стыда и не могут потерять свое лицо;

«命丢得,脸丢不得» – означает, что можно потерять жизнь, но не лицо [汉语大辞典] и т.д.

Если нормированное, типичное взаимодействие в китайской культуре определяется как «面子» (лицо) и «要面子» (сохранение лица), то «丢面子» (потеря лица) расценивается крайне негативно и влечет за собой неуважение, потерю статуса, непопулярность, стыд и смущение со стороны свидетелей из-за прилюдной демонстрации человеческих недостатков [王轶楠, 2006, с. 105].

Можно сказать, что понятие «面子» (лицо) имеет широкий спектр социальных, моральных и психологических характеристик. Оно утилитарно, формируется и реализуется в процессе межличностного общения. Современные китайцы в высшей степени испытывают потребность в «лице» и придают этому понятию большое значение. Понятие «лицо» в китайском обществе тесно связано с понятием «丢脸/丢面子» (потерять лицо). Речь идет не только о потере репутации или славы, но здесь имеет место и психологическое ощущение самости. Поэтому, чтобы сохранить лицо, люди применяют соответствующие меры, точнее – стремятся вести себя с соблюдением поведенческих норм, «прописанных» в этнокультурном кодексе.

Китайский ученый Чжао Чжуоцзя (赵卓嘉), проанализировав научные источники, посвященные феномену «面子» (лицо), пришел к выводу, что

традиционные исследования этого понятия ведутся по двум направлениям: «面子» (лицо) рассматривается как универсальное общечеловеческое явление и «面子» (лицо) рассматривается как специфически китайский этнокультурный концепт, как продукт культурного наследия и уникальное явление в китайском обществе [赵卓嘉, 2012, с. 128]. Западные, в том числе и российские ученые, также исследовали природу «лица», содержание и функции этой нормы и пришли к неоднозначным выводам.

Научная работа «Politeness: some universals in language usage», изданная в 1987 году американскими социолингвистами П. Браун и С. Левинсоном [Brown, Levinson, 1987], получила критику со стороны китайского специалиста Гу Юэго, который отметил, что представление теорий вежливости, претендующая на универсальность в применении к языкам западной и восточной культур не понятна с позиции китайской языковой культуры [Gu, 1990, с. 243-255]. Китайское представление о «лице» как центральном элементе вежливости связано с конфуцианством, согласно которому вежливость рассматривается в аспекте иерархии общества, т. е. уважения по отношению к старшим. И в современном Китае данное представление выдвинуло на первый план понятия «самопринижение» и «уважение по отношению к другим», которые легли в основу современного понимания вежливости в китайской культуре [Рубан, 2018, с. 1338]. Будучи универсальным явлением, «лицо» не может рассматриваться синонимично «вежливости», т. к. представляет собой сугубо китайский социокультурный феномен и этнокультурный концепт. В своем исследовании мы придерживаемся позиции, согласно которой «лицо» – важнейший культурно-коммуникативный вектор коммуникации в Китае [Нагибина, 2017, с. 104-105]. Оно представляет собой значимый концепт как для носителей китайской, так и для носителей русской лингвокультур. Однако существуют значительные отличия: китайский концепт включает только благородные, социально одобряемые нормы и реальные свойства человека и его поведения,

в то время как в трактовке и реализации русского концепта могут встречаться как позитивные, социально одобряемые качества и поступки, так и негативные [Просеков, 2020, с. 197]. Под «лицом» в российской научной традиции понимается «правильное поведение, скрывающее твою сущность. Это и личная твоя стратегия, то есть умение демонстрировать внешнее, оставляя внутреннее невидимым. «Лицо» – это то, что «дают» тебе другие, признавая, что ты включен в общую жизнь» [Ивченко, 2014]. В русской коммуникативной культуре концепт «лицо» скрыт и менее значим. Он находит свое выражение в требовании уважительного отношения к собеседнику. Поэтому ситуация потери «лица» в русской коммуникативной культуре не страшна: достаточно извиниться лично или публично, и «лицо» будет восстановлено [Ван-Чан-жоу, 2017, с. 25-26].

В русской культуре, помимо основных понятий, в «Фразеологическом словаре русского языка» лексема «лицо» определяется как способность «не терять собственное достоинство, сберечь свою репутацию. Имеется в виду, что лицу, группе лиц, социальной организации, несмотря на неприятности, грозящие утратой уважения в глазах окружающих, удаётся отстоять свой общественный авторитет, социальный статус и т.п.» [Большой фразеологический словарь русского языка, 2006]. В понятии «лицо» отождествлены характеристики индивидуальности и совести [Богданова, 2022; Клименко, 2019], например: *становиться непохожим на себя, терять свои отличительные, индивидуальные особенности, свою самостоятельность* [Большой словарь русских поговорок, 2007]. Эта особенность показывает тенденцию того, что лексема «лицо» выражает оценочное значение: безликость – «плохо», наличие индивидуальности – «хорошо», обман – «плохо», честь, сохранить репутацию – «хорошо» и так далее [Клименко, 2019, с. 226]. Если не хватает индивидуальности, чести и т.д., человек будет негативно оценен обществом.

Обратимся к русскому словосочетанию «потерять лицо». Основываясь на исследованиях ученых, мы резюмировали следующее: концепция «потеря

лица» связана с эмоциональным всплеском, неконтролируемым физическим проявлением, сопровождается боязнью быть смешным и нелепым в глазах окружающих, обнаружением перед другими слабости, связанной с физиологией и утратой внешней привлекательности [Богданова, 2022], «потерять лицо» – потерять самообладание, утратить уважение и индивидуальность [Зиновьева, Кузнецов, 2018, с. 325]. Таким образом, очевидно, что перспектива «потерять лицо» в русской культуре воспринимается негативно, но имеет различие с отношением к потере лица в китайской культуре. В Китае с физиологической точки зрения «потеря лица» является сенсорной реакцией организма. При этом в разных культурах реакция на «потерю лица» неодинаковая, как и непосредственные ситуации, оцениваемые носителями лингвокультур как потенциально опасные для потери лица. Выяснилось, что «потеря лица» в китайском обществе ассоциируется со «стыдом»; в культуре западного общества – с «неудобством» [金耀基, 2006, с. 53-54]. По мнению С.В. Волошиной и М.А. Толстовой, в психологии явление стыда связано с определенными когнитивными процессами, ядром которых является сформированное представление человека о «Я» [Волошина, Толстова, 2020, с. 30], то есть, потеря «лица» тесно связана с психологическим ощущением самости. «Сохранение лица» определяется как универсальное явление на индивидуальном и реляционном уровнях и не может рассматриваться в отрыве от объектов и контекстов коммуникации. Обычно меры «сохранять лицо» применяются, когда «лицо» уменьшается или теряется. В данном случае сохранение лица означает повышение статуса, укрепление имиджа и репутации в глазах общества.

В рамках анализа деструктивного коммуникативного поведения для нас важно обозначить роль «лица» в китайской и русской культурах, поскольку реакция жертвы агрессора на один и тот же стимул будет различной у представителей сравниваемых культур. Соответственно, тактики, которые выбирает агрессор, отражают этнокультурное своеобразие

деструктивного поведения.

2.4. Репрезентация образных и ценностных признаков лингвокультурного типажа «токсичный человек» в китайском и русском массмедийном дискурсах

Описание лингвокультурного типажа «токсичный человек» нами проводится с учетом так называемого «паспорта», включающего следующие параметры: внешность, гендерный признак, жилище, деятельность/работа, окружение, семья, досуг, образование, коммуникативное поведение (см. подробнее: [Дмитриева, 2007, с. 128-133]). Перечень параметров факультативен и зависит от специфики типажа, не все элементы «паспорта» релевантны для описания и выявления своеобразия моделируемого типажа. В ряде случаев оправдано расширение «паспорта», а иногда наоборот, сокращение, при этом сохраняется наиболее яркая типизированная характеристика. В нашем случае при моделировании лингвокультурного типажа «токсичный человек» наиболее репрезентативным является именно анализ коммуникативного проявления типажа. Что касается остальных параметров «паспорта», то при их моделировании мы опирались на сочетаемость слов в контекстах, содержащих описание токсичного человека.

Перейдем к анализу первого пункта «паспорта» лингвокультурного типажа «токсичный человек» — внешности. Подчеркнем, что речь идет о внешних характеристиках данного типажа *со стороны жертвы*, т.е. каким видится токсичный человек извне.

Внешность

Анализ практического материала позволяет описать некоторые элементы внешности, отрефлексированные в языке как токсичные.

Наиболее часто (76% из всей выборки примеров, содержащих описание внешности) в русском языке встречается сочетание *токсичная улыбка*, которая трактуется носителями русского языка как *фальшивая улыбка* или

дежурная улыбка. Характерно, что описание неискренней улыбки токсичного человека встречается в сочетании с таким понятием, как *токсичная позитивность или позитив*, что означает преднамеренное неискреннее выражение радости на лице. Соответственно, для выражения оптимизма и радости человек демонстрирует улыбку. Рассмотрим примеры.

1) *«Токсичная позитивность – попытка заглушить негативные эмоции, прикрываясь оптимизмом»* [daily.afisha.ru, 2021.08].

2) *«К сожалению, фальшивая улыбка во многих случаях — явление прямиком из детства. Это тяжелое наследство, которое мы несем с собой и продолжаем распространять, когда настаиваем на том, чтобы малыши любой ценой улыбались или казались красивыми»* [parents.ru, 2021.05].

3) *«Что такое токсичная позитивность? Если сформулировать кратко, то это преувеличенно оптимистичное отношение к жизни. С ним мы сталкиваемся как в общении с другими людьми, так и в своей голове, когда подавляем негативные эмоции и убеждаем себя в том, что они неуместны. Когда стыдимся грустить и прячем свою боль за улыбкой. В эпоху интернета токсичная позитивность окружила нас плотным «коконом» сахарной ваты. Достаточно просто зайти в любую социальную сеть и обновить ленту, чтобы попасть под целый шквал постов, в которых все кому не лень, учат любить жизнь и настраиваться на позитив для того, чтобы добиться успеха. Мотивирующие цитаты, аффирмации, картинка идеальной жизни без проблем – все это резко контрастирует с реальностью и вызывает чувство неполноценности. Сегодня пессимизм считается недостатком, и поэтому нам кажется, что умение бороться в себе негативные мысли и эмоции показывает нас с сильной стороны. Ведь все любят позитивных людей и стыдят «нытиков». На самом же деле постоянное притворство и фальшивая улыбка негативно сказываются на психологическом состоянии»*

[<https://blog.tutoronline.ru/-dumaj-o-horoshem-kak-toksichnaja-pozitivnost-vredit-nam> 29.12.2024].

4) «Токсичным людям сложно радоваться за других, потому что они убеждены, что хорошие вещи должны происходить только с ними. Например, если что-то хорошее происходит с их друзьями, они скажут «Поздравляю!» с натянутой улыбкой, но внутри их будет пожирать зависть. Они начнут сокрушаться о том, как несправедлив мир, и задаваться вопросом, почему те, кто не заслужил этого, так счастливы, а они сами нет» [https://www.b17.ru/article/toxic_environment/ 29.12.2024].

5) «Поговорим про токсичных подруг и их разновидности. Почему они называются “токсичными”? За улыбкой верной подруги может скрываться волчий оскал, который вы в упор не хотите видеть» [https://yandexwebcache.net/yandbtm?fmode=inject&tm=1735493674&tld=ru&lang=ru&la=1705646080&text=токсичная+подруга+оскал&url=https%3A//vk.com/wall277985931_532&l10n=ru&mime=html&sign=3a835ae1a541fe7641d82cc70ae111f6&keyno=0? 29/12/2024].

Мы видим из примеров, что улыбка при токсичной позитивности используется для сокрытия отрицательных эмоций. Фальшивая улыбка или токсичная улыбка может даже считаться нормой общения, и в некоторых семьях детей могут принуждать к ее соблюдению, а с другой стороны, такой способ поддержания имиджа также был оценен общественностью в определенной степени негативно. Видимо, здесь уместно вести речь об имитации положительных эмоций, о неискренности коммуникантов. Укажем, что искренность общения – одно из условий позитивной коммуникации, в особенности в русской лингвокультуре.

В русском языке типаж «токсичный человек» представлен обоими гендерами. В качестве примера приведем словосочетания: *токсичная женщина, девушка, бабушка, бабка, тетка, секретарша, соседка, девчонка; токсичный парень, дедушка, начальник, бос, папа/отец* и др. Иными словами, токсичность не «привязана» к биологическому полу, к возрасту человека, его статусу. Ярким образным признаком лингвокультурного типажа выступает улыбка – токсичная, дежурная, неискренняя,

имитированная.

Достаточно репрезентативен и другой образный признак рассматриваемого типажа – глаза, являющиеся, как известно, «зеркалом души» человека. Уточним: речь идет о злых глазах, злобном взгляде токсичного человека.

1) *«Ядовитая женщина. Я думаю, вы встречали таких женщин. С колким взглядом, злыми глазами и перекошенным от гнева лицом. Такое ощущение, что все ее существо пропитано ядом, и она только ищет повод, чтобы этот яд на кого-нибудь вылить. Ждет свою добычу, разглядывая потенциальных жертв своим пронизывающим взглядом»* [https://vk.com/wall-23611958_385789?ysclid=m59sy0opr944975546, 29.12.2024].

2) *«Какие внешние признаки ядовитых людей? Взгляд с прищуром, улыбочка перекошенная. Но сначала они попытаются вас обаять и влезть в доверие...»*

[<https://otvet.mail.ru/question/236652829?ysclid=m59v5592ki777702709>, 29.12.2024].

3) *«В глазах - недобрые взгляды...»*
[<https://otvet.mail.ru/question/236652829?ysclid=m59v5592ki777702709>, 29.12.2024].

Злые глаза, колкий взгляд – показатель ядовитости человека. В приведенных примерах из СМИ очевидна корреляция злых глаз и яда, который человек вынашивает и готов вылить его на окружающих.

Уместно привести размещенные в интернете стихи Галины Горяковой о ядовитых (токсичных) людях, их характеристике.

Ядовитым людям.

...Из уст кривых змеиным ядом

Речь невоспитанных людей.

Стоять опасно с этой язвой

И ждать полезных светлых дней [<https://stihi.ru/2009/08/01/5505>, 29.10.2024].

Поэтессой ярко и экспрессивно рисуется образ токсичного человека: «кривые

уста» (эпитет с отрицательной коннотацией), «змеиный яд» (отрицательно-оценочный эпитет, сравнивающий змею, обладающую зловещей символикой в русской лингвокультуре, с человеком, его внешностью и поведением, поступками, осуждаемыми в обществе).

Яд и желчь – близкородственные понятия. Слова, их выражающие, обладают в языке отрицательной коннотацией, что легко заметить в следующих примерах:

Ядовитым людям. Галина Горякова

О, сколько желчи в людях злобных!

Сверкают молнии из глаз.

Обидеть праведных способных

Встречались в жизни, и не раз! [<https://stihi.ru/2009/08/01/5505>, 19.11.2024].

Желчь ассоциирована со злобным характером человека, чье поведение токсично и деструктивно, направлено на разрушение человеческих взаимоотношений, нанесение морального вреда окружающим. Метафорой «сверкают молнии из глаз» образно эксплицировано агрессивное состояние токсичного человека, равно как и его непривлекательная, вызывающая осуждение внешность.

Перейдем далее к анализу примеров на китайском языке.

«他的笑容中透着一丝邪恶，让人难以忍受，仿佛会被卷入其中无法自拔». – В его невыносимой улыбке был намек на зло, как будто он вот-вот затянется в нее и не сможет выбраться [hanyu.baidu.com, 2024].

Очевидно, что в деструктивных рамках токсичная улыбка считается связанной с отрицательной оценкой и является синонимом «邪恶的笑容» (злая улыбка). В приведенном примере яркой, индивидуально-авторской метафорой рисуется улыбка токсичного человека. Зло, возможно и злорадство, затягивают его в отрицательную зону эмоций. Признак интенсивности злобной улыбки выражен эпитетом «невыносимая» (*难以忍受*).

Злая улыбка как мимическая реакция человека может свидетельствовать о токсичности человека, его деструктивных действиях. Описание гневного человека (глаза налиты кровью), злая улыбка на лице – признак ненависти к окружающим, признак человекофобии, наносящей непоправимый вред людям, вызывающих у них страдания. Более того, ненависть и гнев могут заражать других людей, которые могут поступать аналогично, внося в общение с людьми дисгармонию.

«*Роман описывает эту ситуацию: «那男人面容憔悴,眼神中透露着疯狂,他的嘴角挂着诡异的笑容,仿佛整个世界都是他的玩物。他的眼中布满了血丝,仿佛多年的仇恨已经将他的内心彻底扭曲»。 [www.hongxiu.com, 04.09.2024] – Роман описывает эту ситуацию: «Лицо мужчины было осунувшимся, глаза выражали безумие, а на губах была злая улыбка, как будто весь мир был его игрушкой. Его глаза были налиты кровью, как будто годы ненависти полностью исказили его сердце.*

Злая улыбка, как следует из нижеприведенного примера, вызывает страх у окружающих. Она экспрессивно сопоставляется с ядом, с ядовитой змеей:

«*他点点头,脸上露出阴险的笑容,如同毒蛇般让人不寒而栗。说:“第九席,找到他,若是愿意加入我们最好不过,若是不愿意那就杀了他»。 [www.fuximiye.net, 05.11.2024]. – Он кивнул со злой улыбкой на лице, леденящей душу, как ядовитая змея. Он сказал: «Ди Цзюси, найди его. Если он готов присоединиться к нам, это будет лучше всего. Если нет, то убей его.*

Глаза в китайской лингвокультуре, так же как и в русской, как следует из выше приведенных примеров, выдают подлинные эмоции, чувства, в целом ментальное состояние человека: глаза были налиты кровью (眼中布满了血丝), глаза выражали безумие (眼中透露着疯狂).

Так же, как и в русском языке, в китайском языке обнаружены словосочетания «*有毒的男性气质/有毒的男子气质/有毒的男子气概/有毒的男*

性气概» (токсичная мужественность), «有毒的女性气质/有毒的女子气质 (токсичная женственность)». Они построены аналогичным образом и состоят из структуры «прилагательное + словосочетание». В текстах массмедиа данные словосочетания выражают один и тот же смысл, но для обозначения мужчин используется словосочетание «男性气质» (мужественность), «男子气质» (мужественность), «男性气概» (мужественность) и «男子气概» (мужественность), а для женщин словосочетание «女性气质» (женственность) и «女子气质» (женственность). Китайские иероглифы в словосочетаниях различны. Проиллюстрируем примерами:

«有毒的男性气质”: 不可以哭, 不可以表现脆弱; 要豪爽、粗糙, 不能温柔、细腻; 要学会用拳头和暴力解决问题, 无论是肢体的、语言的还是精神的。 – «有毒的男性气质» (токсичная мужественность): не должны плакать или проявлять уязвимость; должны быть смелыми и грубыми, а не нежными и деликатными; должны научиться использовать кулаки и силу для решения проблем, будь то физические, словесные или психические [www.jiemian.com, 2020.05].

«正是这种有毒的男子气概, 导致了自己的不幸, 也造成了身边人的不幸。作为一个正常健康的男人, 可以允许脆弱, 允许自己柔软, 允许自己没那么强大» – Именно такого рода «有毒的男子气概» (токсичная мужественность) приводит к его собственным несчастьям и несчастьям окружающих. Как нормальный и здоровый мужчина, вы можете позволить себе быть уязвимым, позволить себе быть мягким и позволить себе быть менее сильным [baijiahao.baidu.com, 2023.07]. Как показывают примеры, все приведенные выше словосочетания описывают токсичные представления о мужском поведении, и язык может оказаться критическим, отражающим антагонизм, который люди испытывают по отношению к этому аспекту поведения. В приведенных примерах очевидно амбивалентное отношение к

мужской токсичности. Во втором примере имеет место прескрипция для мужчин не быть агрессивным в общении с другими, оставить неприкрытыми свои уязвимости в силу маскулинности.

Рассмотрим примеры, описывающие женщин.

«玛格也表现出“有毒的女性气质”：骄纵、偏执、充满不安全感» – Марго также демонстрирует «有毒的女性气质» (токсичную женственность): гордыню, параноидальную и полную неуверенности [www.163.com, 2022.12].

«这就是有毒女子气质，因为她的言谈举止，穿着打扮，包括情趣爱好» – Это «有毒女子气质» (токсичная женственность), из-за ее речи, поведения, одежды, в том числе и ее сексуальных увлечений [www.zhihu.com, 2024.05]. Как мы видим, оба приведенных выше примера описывают стереотипы о токсичной женственности: один касается личности, а другой – внешности. В первом примере токсичность типажа включает в себя такие порицаемые в социуме характеристики, как гордыня (видимо, и высокомерие), неуверенное поведение в обществе, в общении с людьми и как результат такого поведения закрытость, воспринимаемая другими как гордыня, нежелание коммуницировать, быть открытой. Во втором примере, как можно заметить, женская токсичность характеризуется по таким признакам, как манера речи, одежда, стремление к увлечениям интимного характера. Здесь образные признаки типажа лишены конкретики, они не наделены перцептивностью.

Как и в русском языке, токсичные люди в китайском языке также описываются в двух гендерах, в том числе: токсичный мужчина (有毒的男人), токсичная женщина (有毒的女人), токсичный муж (有毒的丈夫), токсичная жена (有毒的妻子), токсичная девушка (有毒的女朋友), токсичный парень (有毒的男朋友) и т.д.

Говоря о возрасте лингвокультурного типажа «токсичный человек», отметим, что этот признак нерелевантный. В контекстах встречаются

описания *токсичных бабушек, дедушек, токсичных детей, токсичных девушек и парней*. В китайском языке: *有毒的小孩* (токсичный ребенок), *有毒的老人* (токсичный старик), *有毒的爷爷* (токсичный дедушка), *有毒的奶奶* (токсичная бабушка). Установленный лингвистический факт свидетельствует о всеобъемлющем характере токсичности – токсичным может быть любой человек вне зависимости от его половой и возрастной принадлежности как в русской, так и в китайской лингвокультурах.

Перечисленные лексемы характеризуют семейные отношения в свете моделирования типажа «токсичный человек».

В русском языке активно используется словосочетание *токсичная семья*, означающая совокупность неблагоприятных внутрисемейных отношений. Члены семьи также характеризуются как токсичные: *токсичные родители, токсичные предки, токсичная мать, токсичный отец, токсичная свекровь, токсичная теща, токсичный свекр, токсичный тесть, токсичный племянник*. Мы видим, что перечисленные основные наименования родства в русском языке маркированы признаком «токсичность». Это говорит о распространенности феномена «токсичность» в русскоязычном социуме.

В китайском языке также существует словосочетание «токсичная семья», которое обычно используется для описания неблагополучных семей. Обычно членов семьи также можно назвать «токсичными»: *有毒的父母* (токсичный родитель), *有毒的婆婆* (токсичная свекровь), *有毒的公公* (токсичный тесть), *有毒的丈夫* (токсичный муж), *有毒的妻子* (токсичная жена), *有毒的孩子* (токсичный ребенок), *有毒的亲戚* (токсичный родственник), *有毒的丈母娘* (токсичная теща) и *有毒的老丈人* (токсичный тесть). Как и в русском языке, в китайском языке приведено наименование степени родства, отмеченное признаком «токсичность», что свидетельствует о распространенности разрушительных отношений между членами семьи в китайской лингвокультуре. Какой-либо этнокультурной специфики применительно к рассматриваемому типуажу здесь не выявлено.

Жилище

Для иллюстрации описания места жительства токсичного человека в русскоязычном сегменте массмедийного дискурса приведем пример, характеризующий «токсичный дом»: *Балкон завален не трофеями, а разбитыми детскими санками и старыми колготками с луком, лежащими там уже много лет. Кровать, на которой умирал отец от рака, чашка, из которой пила мать перед смертью, скандалы, пропитывающие стены вот уже 3 поколения - токсичный, токсичный дом! Он окружает и высасывает* [www.b17.ru, 2019.05]. В приведенном отрывке «токсичность» жилища выражается в беспорядке, наличии старых вещей, а также в моральной атмосфере, негативно влияющей на жильцов дома. Судя по контексту, у того, кто владеет токсичного дома/квартиры, токсичен и характер. Иначе говоря, состояние жилища характеризует и самого человека.

В следующем примере токсичность представлена как захламленность жилища: *«Вещи, которые делают твой дом "токсичным". Давайте пробежимся внутренним взором по своему дому и вспомним, нет ли в нем избытка следующих вещей. Если вам жалко их выкинуть, либо вы оправдываете их затянувшееся пребывание рядом с вами тем, что "руки не доходят", подумайте о том, что они делают ваше жилище менее здоровым, свежим, дружелюбным вам. Итак, список: вещи, которые ты не используешь; одежда, которая тебе не нравится или которую ты давно не носишь; некрасивые предметы; сломанные вещи; старые письма; умершие, увядающие или больные растения; старые квитанции, газеты и журналы; старое нижнее белье; поврежденная обувь; всякие безделушки, связанные с прошлым»* [vk.com, 2023.10]. Очевидно, что для описания такого рода токсичного дома используются такие слова, как *беспорядочный, старый, грязный* и т.д. Эти оценочные эпитеты проецируются и на самого человека. Кроме того, в эту категорию попадает и дом, в котором люди чувствуют себя некомфортно. В нашей выборке описания «токсичного дома» на китайском языке отсутствуют.

Как мы видим, признак «токсичность» проявляется и в описании жилища. Необходимо отметить, что «токсичный дом», как кажется, не обязательно принадлежит токсичному человеку, скорее всего, речь идет о жертве, проживающей в токсичном доме. С другой стороны, невозможно отрицать тот факт, что в токсичном доме не проживают токсичные люди. В нашем исследовании мы даем описание негативно воздействующих элементов окружающей среды, маркированные признаком «токсичность».

В китайском языке существует словосочетание «токсичный дом», но в отличие от русского языка судя по материалам, выявленным в Интернете, данное сочетание не имеет метафорического значения. Приведем пример:

«现在，三四线城市也有许多甲醛超标的房子。这些有毒的房子，真的会引发白血病吗?» — Сейчас в городах третьего и четвертого эшелона много домов с избытком формальдегида. Действительно ли эти токсичные дома вызывают лейкемию? [baijiahao.baidu.com, 2022.01].

Как видим, в отличие от русского прилагательное *токсичный*, описывающее слово *дом*, в китайском языке не развилось в метафорическое описание, а последовало своему первоначальному значению. Очевидно, *токсичность* по-китайски в этом пункте обозначает химические свойства веществ.

Деятельность

Выявленные нами многочисленные лексемы (*токсичный босс, подчиненный, секретарь, начальник, руководитель, коллега*) свидетельствуют о широком распространении в социуме такого типа/психотипа, как токсичные люди. Данный факт подтверждает тезис о коммуникативно востребованной оценочной функции *Ното loquens*. Познание мира облигаторно сопряжено с его оценкой и ценностью оцениваемого объекта мира или субъекта нашего внутреннего мира. «Ценности характеризуют цивилизацию и отдельную личность. Они фиксируют систему приоритетов социума либо индивида, чем обусловлен повышенный интерес к их выявлению и описанию в гуманитарных науках, в том числе и в

лингвоконцептологии <...>. С категорией ценности непосредственно связан феномен оценки. В своей деятельности человек оценивает окружающий мир, приписывая его объектам положительные либо отрицательные значения. Исходит при этом человек из самых различных критериев этического, эстетического, функционального свойства. <...>. Ценностным признается, следовательно, всё то, что отвечает интересам человека, способно удовлетворить его как материальные, так и духовные потребности», - утверждает Н.А. Красавский [Красавский, 2023, с. 5-6]. Д.А. Леонтьев указывает: «И философ, и социолог, и психолог, и совсем далекий от науки человек согласится с утверждением, что проблемы, связанные с человеческими ценностями, относятся к числу важнейших для любой из наук, занимающихся человеком и обществом. Важнейших прежде всего в силу того, что ценности выступают интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой малой или большой социальной группы, культуры, нации, наконец, для человечества в целом» [Леонтьев, приводится по: Красавский, 2023, с. 6].

Обращение к анализу деятельностного аспекта применительно к токсичности обнаруживает указание на конкретные профессиональные сферы человека: *токсичный врач, терапевт, учитель, психолог, журналист, политик*. Как видим, все перечисленные профессии связаны с общением, где проявляется и распространяется токсичное межличностное взаимодействие.

«Токсичный начальник – это и беда для коллектива, и большая проблема для продуктивного рабочего процесса. К сожалению, руководителями как в частном, так и в государственном секторе не всегда становятся высококвалифицированные, грамотные, эмоционально устойчивые люди. И вместо заботы о производительности труда и улучшения климата в коллективе они занимаются психологическим подавлением сотрудников, заставляют их чувствовать себя напряженно и неуютно» [dzen.ru, 2021.06].

Широкое распространение токсичных отношений в коллективе

наглядно демонстрируется в данном примере: *«негатив от низов к верхам и от верхов к низам, сплетни и информация, не относящаяся к работе, каждый сам за себя, буллинг и моббинг»* [dzen.ru, 2022.09].

Непосредственно профессиональная деятельность также может характеризоваться как «токсичная». Проиллюстрируем примером из масс-медиа на русском языке: *«Выражение токсичная продуктивность обозначает трудоголизм, который негативно влияет на здоровье человека»* [invoicemedia.ru, 2023.08]. В китайском языке мы подобных примеров не обнаружили.

Сферы, в которых распространены токсичные отношения между сотрудниками, представлены довольно широко: медицина, образование, бизнес, то есть все те сферы, в которых присутствует регулярное взаимодействие между сотрудниками или между сотрудниками и клиентами. Приведем пример описания «токсичного врача».

«Токсичный врач видит себя в роли наставника, нравоучителя или даже родителя в отношениях со своими пациентами. Такой специалист отчитывает пациента за его образ жизни, обесценивает его потребности и чувства, комментирует внешность и поведение. Смех или неоднозначные реакции на подробности интимной жизни, некорректные вопросы по типу «И вот так всю жизнь проходите?» людям с тату или «С таким цветом волос на работу вообще принимают?», а также «любимая» многими девушками и женщинами рекомендация — «родишь и пройдет» [www.psychologies.ru, 2023.06]. На основании приведенного выше контекста мы обнаружили, что токсичные описания деятельности негативны и отражают отрицательные аспекты работы.

Выражение «токсичная продуктивность» обозначает трудоголизм, который негативно влияет на здоровье человека [invoicemedia.ru, 2023.08].

Как и в русском языке перечисленные выше эквивалентные лексемы существуют и в китайском языке, в том числе: 有毒的老板 (токсичный бос), 有毒的上司 (токсичный начальник), 有毒的下属 (токсичный подчиненный),

有毒的员工 (токсичный сотрудник), 有毒的领导 (токсичный лидер), 有毒的同事 (токсичный коллега) и используются в различных профессиях и сферах: учителя, юристы, врачи, психологи и т.д.

Аналогичные примеры мы встречаем в китайском языке:

«有毒”的老板们认为, 员工拿到薪水就行了, 其他一切都不关他们的事» – Токсичные начальники считают, что пока сотрудникам платят, все остальное их не касается [baijiahao.baidu.com, 2023.07].

«在工作中, 大多数人不得不在很多场合忍受“有毒员工» – На работе большинству людей часто приходится мириться с токсичными сотрудниками [baike.baidu.com, 2019.04]. Как мы видим, здесь термин «токсичный» используется для описания плохого поведения человека.

Окружение

Проанализированные контексты свидетельствуют о том, что для наименования взаимоотношений с токсичным человеком в русском языке используются выражения *«токсичные отношения», «токсичное окружение»*. Например, *«Токсичный будет "выливать" свои заботы в окружение» [dzen.ru, 2023.08].*

Токсичные отношения деструктивны: *«Здоровые отношения наполняют нас, обогащают и приносят пользу. Токсичные, наоборот, разрушают и вредят. Все, что есть в здоровых отношениях, в токсичных либо искажено, либо вообще отсутствует. В них распространена манипуляция виной. Люди боятся, ощущают давление, чувствуют, что им приходится делать то, что не хочется» [kontur.ru, 2021.03].* Примечательно в данном случае указание возможной жертвы токсичного поведения другого человека на манипулятивную тактику вины. Полагаем, что здесь имеет место и выраженная в эксплицитной форме тактика принуждения токсичным человеком его жертвы к выполнению определенных действий вопреки воли последнего. Согласно проанализированным примерам, отношение с окружающими могут из здоровых перерасти в токсичные:

«Когда человек вступает в отношения, он не всегда видит реальное положение вещей и идеализирует партнера. Однако со временем оказывается, что не все так радужно. Люди начинают притираться, начинаются негативные эмоции. Справляться с конфликтами и негативными эмоциями умеют не все, и в итоге начинаются токсичные отношения» [www.b17.ru, 2024.07]. В целом, как мы уже указали выше при характеристике деятельности токсичного человека, в качестве его окружения могут быть коллеги, члены семьи и другие лица, которые проводят вместе определенное время. Приведем соответствующие примеры.

«Уже около нескольких месяцев я замечаю за собой, что я стал диким токсиком. Раньше, когда ловил лузстрик, я дико радовался, когда тима просто не фидила, а играла, даже пофиг, как играла. А в последнее время я стал очень часто матерится и изливать желчь тогда, когда без этого еще можно обойтись» [<https://dota2.ru/forum/threads/ja-toksik.1212909/> 29.10.2024]. Излияние желчи, ее выброс в окружающий мир – признак явной токсичности человека.

«Токсичный человек отталкивает от себя окружающих. У ядовитого поведения есть причины. Избавиться от токсичности возможно, стоит только приложить усилия. Результат избавления от желчного поведения — обретение продуктивных отношений с окружающими и психологический покой» [<https://www.b17.ru/article/458963/> 29.10.2024]. В приведенных высказываниях ставится знак равенства между токсичностью и желчным поведением людей, отмечается факт деструктивного поведения токсичного человека, дается совет, как исправить свое поведение.

«Склонность все драматизировать, нагнетать. Все события, поступки, слова — все, что их окружает, токсичные люди воспринимают в негативном свете. И распространяют вокруг себя эту «черную» ауру — навязывают собственное мнение, отпускают желчные комментарии, злые шутки, во всем ищут какой-то подвох, подозревают всех в недобрых намерениях, преувеличивают драматичность, трагичность происходящего.

Одобрить что-то, положительно оценить — это не про токсичных людей»
[<https://nadpo.ru/academy/blog/kto-takie-toksichnye-lyudi/#1> 20.12.2024].
Эпитеты «черный», «желчный» оценочно характеризуют рассматриваемый нами типаж «токсичный человек».

Интересен следующий пример, в котором лингвокультурному типуажу даны такие образные характеристики, как «распространение яда», «ядовитая тень». Обращают на себя внимание экспрессивное сравнение с ядовитым вечнозеленым деревом анчар, равно как и косвенное сопоставление токсичного человека с глистами и клещами, вызывающими у человека отвращение, брезгливость и страх.

«Истинно токсичный человек распространяет яд, как пушкинский анчар, бессознательно, - он таким родился. И трудно обвинять глиста или клеща в том, что составляет их сущность. Но трудно и не посочувствовать тем, кто находится рядом с «анчаром», особенно – если это дети, у которых нет ни осознания ситуации, ни возможности выбраться из его ядовитой тени»

[https://pikabu.ru/story/bezoshihochnyiy_priznak_toksicheskogo_obshcheniya_6535111 29.12.2024]. Способность заражать людей ядом обнаруживаем и в следующем примере: *«Токсик — это ядовитый человек, который способен заразить своим состоянием окружающих, меняя их настроение и поведение»*
[<https://iz.ru/1701802/evgeniia-borodina/dushi-kompaniiu-kakie-liudi-schitaiutsia-toksichnymi> 29.12.2024]. Еще более полную негативную характеристику токсичным людям, их способности наносить вред окружающим обнаруживаем в следующих высказываниях эксперта: *«Токсичные люди, по мнению Анны Гусевой, делятся на две категории. Первые извергают яд всегда и везде, их злобность зашкаливает. Они постоянно пребывают в состоянии недоверия, агрессии, зависти. Эти токсики такие зануды, что их можно назвать душилами, говорит эксперт. Даже когда они признают свои недостатки и работают над собой со специалистом, то заявляют, что знают больше наставника и указывают ему на ошибки»*

[<https://iz.ru/1701802/evgeniia-borodina/dushi-kompaniiu-kakie-liudi-schitaiutsia-toksichnymi> 29.12.2024]. Оценочные лексемы «зануда» и «душнила» подчеркивают невыносимость общения с токсичными людьми, не признающими критики в их адрес и обвиняющих во всем и вся других.

Проанализированный русскоязычный материал обнаружил сопоставление токсичного человека с вампиром.

«Токсические отношения могут возникать с токсичными людьми – в просторечии утвердился термин «энергетический вампир». На вид это вполне нормальные люди, довольно успешно функционирующие в социуме; вот только для жизнедеятельности они используют чужую энергию» [https://pikabu.ru/story/bezoshibochniy_priznak_toksicheskogo_obshcheniya_6535111? 29.12.2024].

«Токсичных людей еще называют энергетическими вампирами. Они питаются вашими ресурсами, обзывая вас, используя ложь, сплетни, физическое и моральное насилие. После общения с ними вы выжаты, как лимон, и у вас совершенно не остается сил на свою собственную жизнь» [<https://adme.media/articles/13-signalov-v-obschenii-kotorye-ukazyvayut-na-to-chto-nuzhno-bezhat-potomu-chto-ryadom-s-vami-energeticheskij-vampir-2505165/> 29.11.2024].

«Поэтому токс и нападает на живых людей, – как вампир, который может питаться только чужой кровью» [<https://dzen.ru/a/X1nLj--5WEqC9F2h> 29.12.2024].

Данные высказывания, как мы можем судить, приписывают лингвокультурному типу в российском социуме целый ряд негативных характеристик (признаков): использование чужой энергии и психологических ресурсов, осуществление морального и физического насилия. Рассматриваемый типаж применяет деструктивные коммуникативные тактики (ложь, сплетни, оскорбления), наносящие ущерб ментальному и физическому здоровью окружающих.

Помимо вампиризма токсичный человек нередко обладает такой

характеристикой, как нарциссизм. Приведем ниже развернутое высказывание в качестве аргумента.

«Но в этой статье сделаю акцент именно на токсичности нарциссов. Это такая грань нарцисса, которую стоит распознавать и верно себе интерпретировать, чтобы не навешивать не себя лишней вины или не считать себя ненормальным. Вот проявления токсичности нарцисса, которые негативно сказываются на самых близких. Как раз из-за такого токсичного фона у партнеров нарцисса постоянный упадок сил, снижение мотивации, перманентное ощущение тревоги и много других сопутствующих негативных состояний» [https://dzen.ru/a/ZHrVEZNzMAvLqy1r, 29.12.2024]. Как можно видеть, нарциссизм не менее вреден для окружающих, чем вампиризм.

Многим людям (видимо, жертвам токсичности) токсичный человек видится как тот, кто сеет в обществе отравляющие его токсины.

«Токсины общения проявляются в «обволакивающей агрессии», которую на первый взгляд трудно распознать» [https://pikabu.ru/story/bezoshihochnyiy_priznak_toksicheskogo_obshcheniya_6535111 29.12.2024].

«Токсичные отношения (ядовитые, отравляющие отношения). Термин возник относительно недавно, у него есть много синонимов, например, «деструктивные отношения», «невротические отношения». Но само слово «токсин» (яд) прекрасно отражают суть таких отношений. Часто такие отношения являются токсичными для одного из пары. Один – источник «яда», а второй – тот, кто этот токсин получает. Здесь речь не идет только о любовных взаимоотношениях. Это могут быть любые отношения: родственники, родители, супруги, коллеги, начальник-подчиненный, друзья и т.д. Токсичные отношения всегда манипулятивны. Часто в таких отношениях вам дают понять, что с вами что-то не так, но не говорят это открыто» [https://pikabu.ru/story/toksichnyie_otnosheniya_6111080 21.12.2024]. В приведенных выше примерах, с одной стороны, указывается

на скрытость действий токсичного человека, т.е. трудность сразу распознать его «токсичный» замысел, а с другой – отмечается близость понятий токсичности и деструктивности, характерных для самых различных коммуникативных ситуаций, ситуаций разного формата.

Токсичность изучаемого нами типажа нередко характеризуется как его отравляющее окружающих поведение.

«Токсик» — это человек, чьё поведение и слова «отравляют» атмосферу вокруг. Он негативно влияет на окружающих своими действиями, создавая дискомфорт и напряжение в общении. Этот термин стал особенно популярным в соцсетях, где токсичных людей осуждают за их поведение» [<https://dzen.ru/a/ZuevymOpGQхуk9NE> 29.12.2024]. Автором высказывания указывается на частотность использования слова «токсик» в современном российском коммуникативном пространстве и отмечается осуждение тех, кто отравляет общественную атмосферу своими поступками (как речевыми, так и реальными).

«Конечно, каждый человек уникален, в том числе, токсичный. Поэтому в каждом случае набор «отравляющих» качеств будет свой. Обозначим несколько ключевых признаков, которые могут служить «сигнальными огнями» — подскажут, что перед нами токсичная личность и стоит быть начеку» [<https://nadpo.ru/academy/blog/kto-takie-toksichnye-lyudi/#1> 29.12.2024]. Автор данных строк предупреждает всех о негативных последствиях общения с токсичными людьми.

Отравление токсинами во многом сопоставимо по эффекту с удушьем. Определение «удушающий» характеризует нередко родителей, непреднамеренно наносящих вред своему ребенку неправильными, диктаторскими методиками воспитания:

«Удушающая забота в детско-родительских взаимоотношениях работает по тем же механизмам. Пока ребенок маленький, родитель излишне опекает его, часто переходя его личные границы: без стука входит в комнату, не учитывает желания, читает личную переписку, деформируя

таким образом личность ребенка. В будущем такие дети так и остаются в детской позиции — они становятся обладателями подавленной психики и с трудом могут позаботиться о себе самостоятельно. Как следствие, они продолжают находиться под опекой своих родителей еще долгое время, а после переходят под крыло жены/мужа» [<https://www.marieclaire.ru/psychology/udushayushaya-zabota-kak-otlichit-lyubov-ot-psikhologicheskogo-nasiliya/> 29.12.2024].

«С ребенком родитель-нарцисс ведет себя по-хозяйски. Активно занимается планированием жизни чада, на возражения реагирует негативно. Последствия удушающего контроля во внимание не принимаются. Если что-то идет не так, виноват «исполнитель». «Неважно, чье решение правильное, твое или мое. Главное, чтобы не твое», — вот главный девиз токсичного родителя» [https://pikabu.ru/story/10_priznakov_toksichnyikh_roditeley_kotoryie_portyat_zhizn_detyam_ne_osoznavaya_yetogo_6167296 29.12.2024].

Перейдем далее к анализу материала на китайском языке.

Подобно русскому китайское словосочетание «有毒的关系» (токсичные отношения) часто используется при описании окружения и в Китае, например:

«人生中 90%以上的烦恼源自人际关系，尤其是有毒的关系»。 – Более 90% жизненных неприятностей происходят из-за межличностных отношений, особенно токсичных отношений [baijiahao.baidu.com, 12. 2023];

«在探讨最有毒的亲密关系时，我们不得不面对一个事实：这种关系往往是一种不健康、不平衡的人际关系，其中一方或双方表现出攻击性、控制欲、嫉妒和独占欲等负面行为»。 – Обсуждая самые токсичные отношения, мы должны признать факт: эти отношения часто являются нездоровыми, несбалансированными межличностными отношениями, в которых один или оба партнера демонстрируют негативное поведение, такое как агрессия, контроль, ревность и собственничество [baijiahao.baidu.com, 2024.10]. Как

мы видим, в китайском социуме окружение также характеризуется параметром «токсичный». Обратим внимание на развернутую характеристику токсичного человека: агрессия, контроль ситуации, ревность и эгоизм. Данные признаки, осуждаемые в этносе, приписываются токсичному человеку. Их проявление имеет своим результатом деструктивность. Первые два из них – это своеобразное, оказывающее негативное воздействие на окружающих поведение (в том числе и коммуникативное поведение). Ревность и эгоизм следует квалифицировать, на наш взгляд, как черты характера человека, также отрицательно оцениваемые в обществе (не только в китайском).

Образные признаки лингвокультурного типажа «токсичный человек», как показывает проанализированный материал, в китайской лингвокультуре следующие: «отравляющий/отрава», «распространяющий токсины», «дьявол», «злая улыбка», «ядовитый язык», «мусор», «аномальный мозг».

Признак «отравляющий человек/отрава».

Приведем примеры, выявленные в текстах СМИ.

«总爱指责别人的人，心里是有毒的。这种人一旦遇到事情，总是选择逃避责任，张口就怪罪和指责别人。半年前，她老公因为公司效益不好，被列入了裁员名单。离职回家那天，老公就对她大发脾气，说：“都是因为你，本来几年前我就准备跳槽，你劝我要稳定，现在被辞了，你满意了吧！”美玲听着丈夫蛮横的指责，只能偷偷抹泪。失业后丈夫找工作屡屡碰壁，每天回来总带着一肚子怨气。有一次丈夫回到家，看到孩子乱扔的玩具，突然又爆发了，冲着美玲说：“一天天连孩子都带不好，家里这么乱，真没用。”美玲听完，既生气又委屈。就这样，最终，美玲忍无可忍，只能选择离婚»。
。 [baijiahao.baidu.com, 23.02.2024]. – *Люди, которые всегда любят обвинять других, имеют в сердце что-то отравляющее (т.е. отраву, отравляющее вещество). Когда с таким человеком что-то случается, он всегда предпочитает уйти от ответственности и обвинить других. Полгода назад ее мужа включили в список увольнений из-за плохой работы компании. В тот день, когда он ушел с работы и вернулся домой, он вышел из себя и сказал*

(жене): «Это все из-за тебя. Я планировал сменить работу несколько лет назад. Ты советовала мне быть стабильным. Теперь я уволен. Ты довольна?». Жена Мэйлин могла только тайно вытирать слезы, слушая высокомерные обвинения своего мужа. Потеряв работу, муж неоднократно сталкивался с препятствиями в поиске новой работы и каждый день приходил домой с обидой. Однажды, когда муж пришел домой и увидел разбросанные детьми игрушки, он вдруг снова вспыхнул и сказал Мэйлин: «Каждый день ты даже не можешь позаботиться о своих детях. В доме такой беспорядок. Ты действительно бесполезна». Услышав это, Мэйлин рассердилась и огорчилась. Таким образом, в конце концов Мэйлин больше не могла этого терпеть, и у нее не было другого выбора, кроме как развестись.

Использование в тексте примера слова (有毒物质) (отравляющее вещество) со всей очевидностью указывает на ассоциативную связь отравы и деструктивного поведения одного из действующих лиц в этой семейной истории (мужа). Семейная жизнь отравлена постоянными упреками и недовольством главы семьи. Он деструктивен, не умеет сдерживать эмоции, незаслуженно обвиняет супругу во всех бедах, по сути, токсичен, по крайней мере, в данной конкретной ситуации. Не можем не обратить внимания на локус отрицательных эмоций и место «хранения отравы» мужа – сердце. Согласно «наивной» анатомии, именно в сердце «прописана» эмоциональная жизнь человека. Сердце мужа отправлено, и он «выливает» отраву, яд на жену, пытаясь, как мы думаем, избавиться от них.

Второй пример уже из области взаимоотношений коллег. Он рассказывает о появившихся трудностях в отношениях добросердечной, открытой Сяотун и ее коллеги Ли Мин, эксплуатирующей доброту и злоупотребляющей готовностью помочь своей знакомой.

«对于中毒的关系，晓彤有这样的经历：大学刚毕业时，她工资不高，但心地善良。一次，她的一位同事李明以母亲生病为由向她借钱。晓彤出于同情，毫不犹豫地借出了自己积攒了几个月的积蓄。然而，几个月过去了，李明不仅没有还钱的意思，反而在朋友圈里晒各种吃喝玩乐的照片。晓彤忍

不住询问，对方却开始找各种借口推脱，最后甚至直接将她拉黑。晓彤没办法，不仅钱要不回来，还伤心了很久»。 [zhuanlan.zhihu.com, 19.12.2024]. – *Что касается отравляющих отношений (中毒的关系), то у Сяотун есть такой опыт: после того как она окончила университет, ее зарплата была невысокой, но она была добросердечной. Однажды один из ее коллег, Ли Мин, занял у нее деньги, потому что его мать заболела. Из сочувствия Сяотун без колебаний одолжила сбережения, которые она копила несколько месяцев. Однако несколько месяцев спустя Ли Мин не только не собирался возвращать деньги, но вместо этого он выложил на ленту новостей различные фотографии еды, питья и развлечений в кругу друзей. Сяотун не могла не спросить про долг, но он начал искать различные оправдания, чтобы уклониться, и, наконец, он даже перестал с ней общаться. У Сяотун не было выбора. Она не только не вернула свои деньги, но и долго грустила.*

Как видим, межличностные отношения характеризуются как «отравляющие». Как и в предыдущем примере, отравляющая сторона во взаимоотношениях привносится одним из коммуникантов. От него исходит токсичность.

Распространение токсинов, т.е. ядовитых веществ – еще одна из образных характеристик лингвокультурного типажа «токсичный человек» в китайской лингвокультуре.

«博主描述说：无论是通过不必要的戏剧性事件，还是持续的负面交流，“有毒”的人都会将他们的能量传播给周围的人，拖累每个人»。 [news.qq.com, 21.12.2023]. – *Блогер написал: Будь то ненужная драма или постоянное негативное общение, токсичные люди распространяют свою энергию на окружающих, тянут всех вниз.*

Здесь дана краткая оценочная характеристика токсичного человека. Он создает негативную атмосферу вокруг себя, способен распространять в кругу своего общения злую энергию, мешающую позитивной коммуникации. Дисгармоничность и вред токсичного человека четко выражена в утверждении «тянут всех вниз» (拖累每个人). Общеизвестно, что во многих культурах идея низа в отличие от верха эксплицирует низменный мир.

Аналогичен и нижеследующий пример, иллюстрирующий пагубность действий (в том числе, и речевых) человека, распространяющего вокруг себя токсины.

«博主描述说：有毒的人往往会不断地批评和抱怨，他们看不到事物的积极一面，总是将注意力放在问题和缺点上会传播他们的毒。他们的负能量会影响你的思维方式，让你变得消极和自我怀疑»。 [m.baidu.com, 26.08.2023]. – *Блогер написал: Токсичные люди склонны постоянно критиковать и жаловаться, они не могут видеть положительную сторону вещей, а постоянное сосредоточение внимания на проблемах и недостатках распространяет свою токсичность. Их негативная энергия может повлиять на ваше мышление и сделать вас негативным и неуверенным в себе.*

Согласно мнению блогера, с которым трудно не согласиться, негативная энергия, которую несет в себе токсичный человек, выражается в чрезмерной критике (в том числе, и неуместной и незаслуженной критике окружающих), неумении видеть позитивные стороны в жизни, фактах, событиях, в самих людях.

Следующей характеристикой токсичного человека является образ дьявола.

В истории, которая приводится ниже, рассказывается об ошибочном поведении руководителя первоначально успешно работавшей фабрики, которая в результате деструктивного поведения друзей ее директора фактически обанкротилась. Деструктивность и токсичность в данном примере характеризуются посредством упоминания образа дьявола (愚蠢的人), который всегда приводит к крушению хороших замыслов и дел. Он заразен и стоит, судя по приведенному примеру, в одном ряду с неудачниками, с неуспешными людьми. Показательна коммуникативная тактика манипуляции так называемых друзей пострадавшего морально и экономически руководителя фабрики: «Если ты не пойдешь, ты будешь смотреть на нас свысока» (不去就是看不起我们). Видимо, из чувства

солидарности и боязни быть обвиненным в высокомерии директор предприятия следовал советам своих токсичных коллег-друзей.

«我表哥开了一家工厂，收益不错。后来来了他的两个朋友进入工厂工作，这两人天天将我表哥夸得天花乱坠，带着我表哥喝酒赌博，还说：不去就是看不起我们。我表哥就这样跟着他们参与一次又一次赌博，导致工厂订单处理不及时，老客户不再与他合作，也没有新客户，最后工厂倒闭了。对此，我就想说：“失败和愚蠢是会传染的!!!”。你总是和又失败又愚蠢的人接触，你也会被他们同化。最可怕的是他们有毒的思维，不良的生活习惯和低劣的人品会把你变成同样的人»。 [zhuanlan.zhihu.com, 02.11.2024]. – *Мой двоюродный брат открыл фабрику и получал хорошую прибыль. Позже двое его друзей пришли работать на фабрику. Эти двое каждый день безгранично хвалили моего двоюродного брата, водили моего двоюродного брата пить и играть в азартные игры, и они также сказали: «Если ты не пойдешь, ты будешь смотреть на нас свысока». Мой двоюродный брат следовал их советам и снова и снова участвовал в азартных играх. В результате заказы фабрики не выполнялись своевременно, прежние клиенты перестали с ним сотрудничать, а новых клиентов в итоге не появилось. В конце концов фабрика закрылась. На это я просто хочу сказать: «Неудачи и глупость заразительны!!!». Ты всегда контактируешь с неудачниками и дьяволами, и ты будешь ими ассимилирован. Самое страшное, что их токсичное мышление, плохой образ жизни и плохой характер превратят вас в такого же человека.*

Дьявол упоминается как характеристика деструктивности и токсичности, на наш взгляд, и в следующем примере.

«总有一天你会发现，愚蠢的人比恶毒更可恨。妈妈因为无知拆了女儿的档案袋，女儿崩溃大喊，妈妈不但没有意识到事情的严重性，反而理直气壮地说：“我又不知道！”最可气的是事情闹大后她还在网上阴阳怪气地发到网上说：“不小心动了大小姐的东西，吓死我了。”档案袋按照法律规定不能自己打开，打开了里面的所有关于自己从小到大的学籍都作废。她差点毁了她女儿的前程，竟然还能说出这番话。对于她的愚蠢和无知，网友们气愤不

已»。 [baijiahao.baidu.com, 22.06.2024]. – Однажды вы обнаружите, что дьяволы более ненавистны, чем порочны. Мать по незнанию открыла архивную папку дочери, дочь не выдержала и закричала. Мать не только не осознала всей серьезности дела, но и полным голосом сказала: «Я не знаю!». Самое обидное, что после того, как инцидент стал серьезным, она все равно гневно выложила это в Интернет: «Я случайно задела вещи леди, что меня до смерти напугало». По закону архивную папку нельзя открывать самостоятельно. Если ее открыть, то все ваши школьные записи с детства до взрослой жизни будут признаны недействительными. Она (мать) чуть не разрушила будущее своей дочери, но всё же смогла сказать эти слова. Пользователи сети были в ярости от ее глупости и невежества.

Рассматриваемому лингвокультурному типу «токсичный человек» приписывается такой признак, как «аномальный мозг». В китайских примерах обнаружены речевые высказывания, в метафорической форме описывающие, по сути, искаженное (т.е. токсичное) сознание человека. Токсичность может затуманить мозг как хранилище когнитивных и эмоциональных способностей.

«在社交平台微博中博主针对“坏人就像毒蛇”这类言语发表评论说：“现实生活中一遇小人运气变差变得爱生气，晚上就会做梦被大蛇或者一群小蛇追着咬。由此可见，远离有毒、脑子有病的人，多么重要，且不分年龄性别。有毒的人始终就是有毒的，哪怕隔了十几二十年，脑子依然很坏»。 [s.weibo.com, 28.06.2022]. – На социальной платформе Weibo блогер прокомментировал такие слова, как «плохие люди подобны ядовитым змеям» и сказал: «В реальной жизни, когда злодею не везет и он злится, ему снится, что его ночью преследует и кусает большая змея или группа маленьких змей. Это показывает, насколько важно держаться подальше от токсичных и аномальных мозгов людей, независимо от возраста и пола. Токсичные люди всегда токсичны. Даже спустя более десяти или двадцати лет их мозг все еще очень плох».

Автор приведенных строк метафорически рисует образ токсичного

человека, сравнивая его мышление, оценочные рассуждения с ядовитыми змеями (毒蛇), отправившими его сознание. Выражение «аномальный мозг» (脑子有病) показывает негативное отношение к поступкам одного из руководителей благотворительного фонда:

«*有一个慈善总会副会长，这个人脑瓜子有病，属于有毒类型的。他说：“每名公民向慈善机构捐款，对拒绝履行义务捐款的人应采取法律手段严肃处理。”他那种打着所谓慈善捐款的名誉，肆无忌惮地敛财，最后落入他自己手中。对于这种人网友表示负面态度，评论到：“这家伙说的，和抢钱有什么区别？这些话已经不是“喝多了”说的胡话了，简直就是“混蛋”。没安好心，坏！慈善这种东西是自愿的，任何人都不可强迫*»。

[www.zhuhu.com, 23.08.2024]. – *Есть вице-президент благотворительного учреждения. У него аномальный мозг, он относится к токсичному типу. Он сказал: «Каждый гражданин делает пожертвование на благотворительность, а с теми, кто отказывается выполнять свои обязательства по пожертвованию, следует серьезно обращаться законными средствами». Он использовал предлог так называемых благотворительных пожертвований, чтобы бессовестно накопить деньги и, в конце концов, получил деньги сам. Пользователи сети выразили негативное отношение к такого рода людям, прокомментировав: «В чем разница между тем, что сказал этот человек, и ограблением денег? Эти слова больше не являются чепухой, сказанной "пить слишком много", он просто "*удак". Нет добрых намерений, только плохие! Благотворительность является добровольной и не может быть никем навязана».*

В китайской языковой картине мира, судя по материалу, лингвокультурному типу «токсичный человек» приписывается яркий образ – образ мусора. Мусор выступает как символ нечистоты, неправильного поведения людей, вносящих в человеческое общение негатив, наносящих ему нравственный вред. Отсюда и желание жертв токсичного вербального и невербального поведения уклониться от общения с подобными людьми.

«Четыре года назад мне сделали экстренную операцию, которая спасла мне жизнь. Во время выздоровления я, наконец, смог по-настоящему задуматься о факторах стресса в моей жизни, которые влияли на мое здоровье и даже мешали мне наслаждаться жизнью в полной мере. Но самый большой источник стресса в моей жизни – эти «люди-мусор», например, кто-то, кого легко расстроить, и кому трудно угодить, кто снова и снова меня подводит, кто не желает сотрудничать и играть честно, или кто постоянно ищет доводов, чтобы обвинить других. В тот момент, лежа на больничной койке, я принял решение держаться подальше от этих людей в своей жизни.

Не менее показателен и следующий пример, в котором жертва токсичности видит и чувствует себя «мусорным баком»:

«Удалось избежать жизни с «токсичными людьми»! Я как человек, который часто играет роль «мусорного бака» перед своими друзьями, меня действительно раздражают всякие неподобающие вещи. Помню, когда-то у меня был друг, который всегда любил говорить плохо о других за их спиной. Каждый раз, когда я слышу, как он жалуется, мне становится очень не по себе. Однажды он даже отозвался обо мне за моей спиной, и я его услышал. Тогда я был очень зол, но в конце концов решил держаться подальше от такого «мусора», как

он.

Токсичность китайцам видится в образе человека с ядовитым языком. В китайской лингвокультуре ярко выражена оценочная характеристика токсичности посредством речевых высказываний, понижающих статус коммуниканта, т.е. выражений, не направленных на сохранение «лица» участника общения, что крайне болезненно воспринимается в китайском социуме.

«心眼坏的人，往往会用毒舌来伤害别人，但是又不会直接表现出来，而是会用一些伪善的话来掩盖自己的恶意。会用一些“关心”的话来暗示别人的缺点或者失败，让别人感到自卑或者沮丧。他们会说：“你的衣服很有个性啊，是不是买不起新的了？”、“你的成绩还不错啊，是不是靠着老师的偏爱了？”这让我感到不舒服» [baijiahao.baidu.com,06.01.2024]. – Люди со злыми намерениями часто используют ядовитый язык, чтобы причинить вред другим, но они не показывают этого прямо, вместо этого они используют лицемерные слова, чтобы прикрыть свою злобу. И они используют некоторые «осторожные» слова, чтобы намекнуть на недостатки или неудачи других людей, заставляя других чувствовать себя неполноценными или подавленными. Они скажут: «Твоя одежда очень уникальна. Разве ты не можешь позволить себе новую?», «У тебя очень хорошие оценки. Это из-за предпочтений учителя?». Это заставляет меня чувствовать себя некомфортно.

В приведенном примере употреблены совсем не лicosберегающие высказывания. «Ядовитый язык» проявляется в косвенном оскорблении другого человека. Ему дается понять, что имеющиеся заслуги и достижения сомнительны (是靠着老师的偏爱? - «Это из-за предпочтений учителя?»), совсем не заслужены. Язвительность подобных реплик очевидна. Тактики критики и принижения статуса коммуниканта приводят к дискомфорту. Они портят атмосферу позитивного общения.

Приведенный ниже пример также показывает грубое речевое поведение. Он иллюстрирует злобный характер человека (фермера), который

ведет себя вербально достаточно агрессивно и может быть оценен как токсичный и деструктивный человек, которого все стараются избежать. Грубые выражения («Разве у тебя нет глаз? Разве ты не видишь меня?» / “没长眼睛吗? 看不见本大爷?”) – убедительное свидетельство внешне немотивированного гнева фермера.

«Удалите язык у токсичных людей. Однажды, когда у меня было дело, друг из фермерского хозяйства подошел ко мне. Он хотел сказать что-то, но в конце концов развернулся и убежал, ничего не сказав. Фермер очень рассердился, погнался за ним и ругался: «Куда летишь? Ты даже не здороваешься». Неожиданно он развернулся и наткнулся на другого человека. Затем он выругался: «Разве у тебя нет глаз? Разве ты не видишь меня?». Затем он пошел домой с выражением гнева на лице. Он всегда создает проблемы без причины и прокликает людей по своему желанию, что вызывает у всех отвращение. Со временем каждый предпочел бы обойти его стороной, чем пройти возле его двери.»

[baijiahaobaidu.com, 18.12.2023]. – Держитесь подальше от токсичных людей с ядовитыми языками. Однажды другу нужно было что-то сделать, и он поспешил мимо двери фермера. Фермер поспешил остановить его. Увидев вопросительный взгляд на лице фермера, друг хотел объясниться, но, в конце концов, развернулся и убежал, ничего не сказав. Фермер очень рассердился, погнался за ним и ругался: «Куда летишь? Ты даже не здороваешься». Неожиданно он развернулся и наткнулся на другого человека. Затем он выругался: «Разве у тебя нет глаз? Разве ты не видишь меня?». Затем он пошел домой с выражением гнева на лице. Он всегда создает проблемы без причины и прокликает людей по своему желанию, что вызывает у всех отвращение. Со временем каждый предпочел бы обойти его стороной, чем пройти возле его двери.

Досуг

Досуг также описывается как токсичный. В качестве свободного времяпрепровождения могут выступать токсичное хобби, токсичное увлечение, токсичные туры, чтение токсичных книг, посещение токсичного контента, изучение токсичной информации, просмотр токсичных фильмов. Токсичными могут быть персонажи и роли. Приведем пример:

«Некоторые популярные игры «токсичны», судя по разрушительному

действию на психику и организм ребёнка. Очень опасны онлайн-групповые многоуровневые игры, на которых построена целая индустрия (фильмы, одежда, посуда, фигурки). Ребёнка преследуют атрибуты игры. Опасны программы и фильмы, несущие киберагрессию» [np.aif.ru, 2016.10]. В этом отрывке описывается вред, наносимый детской психике и здоровью компьютерными играми. Помимо игр токсичными могут быть и книги:

«Но есть абсолютно токсичные книги, невероятно бездарные сюжеты, прославляющие неправильные идеалы, идеализирующие образы и стандарты, которые будут мешать вам трезво смотреть на мир и социум» [dzen.ru, 2020.11]. Токсичность книг сводится к формированию нездоровой шкалы приоритетов. В целом, мы можем говорить о том, что различные виды досуга в повседневной жизни могут стать «токсичными». Эта токсичность заключается в разрушении мыслей и поведения людей и превращении их в деструктивные.

В китайской выборке мы также обнаружили многочисленные примеры описания токсичных видов досуга: 有毒的爱好 (токсичные хобби), 有毒的游戏 (токсичные игры), 有毒的读物 (токсичный материал для чтения (книги, журналы, газеты и т. д.)), 看有毒的视频、电影 (просмотр токсичных видеороликов, фильмов) и т. д. Приведем пример: *«别让孩子碰3类图书, 每一本都是毒药, 对孩子的未来影响极大: 妖魔鬼怪类, 低俗、成人类, 黑暗童话类»*. – Не позволяйте своим детям прикасаться к этому виду книг, каждая из которых токсична и окажет большое влияние на будущее вашего ребенка: книги оборотней и бесов, вульгарные, взрослые книги и мрачные сказки [www.163.com, 2019.01]. Как и в случае с описанием досуга на материале русского языка, в китайской выборке примеров мы видим описание компьютерной игры: *«警惕孩子身边有毒的游戏。 – Остерегайтесь токсичных игр вокруг своих детей»* [mbd.baidu.com, 2024.03]. Очевидно, что, по мнению китайцев, эти токсичные виды досуга оказывают большое негативное воздействие на детей, в связи с чем необходимо предотвращать

возможность воздействия игры на психику ребенка.

Происхождение типажа объясняется с позиции психологии, выходит за рамки лингвистики и не рассматривается нами. Деструктивное явление не лишено причины: индивидуальные черты личности, детские переживания, бедность, социальные условия, личное познание и т.д. стали факторами, определяющими подобный стиль общения [Ху, 2023, с. 710].

Что касается такого пункта «паспорта типажа», как «образование», то он также не является релевантным для лингвокультурного типажа «токсичный человек»: в процессе анализа практического материала мы не обнаружили системообразующих признаков, характеризующих уровень образования токсичного человека.

Далее перейдем к рассмотрению токсичного человека в представлении его жертвы с позиций используемых стратегий и тактик.

2.5. Приписываемые жертвой коммуникативные тактики деструктивного поведения лингвокультурному типуажу «токсичный человек»

В данном параграфе мы рассмотрим коммуникативное поведение лингвокультурного типажа «токсичный человек» сквозь призму выделения коммуникативных тактик деструктивного поведения в контекстах с позиции окружения типажа. В проанализированных контекстах мы обнаружили описания коммуникативных ситуаций с позиции *жертвы* агрессора / псевдоагрессора. При этом в качестве доминантной стратегии актора выступает доминирование, выражающееся рядом коммуникативных тактик, квалифицируемые как таковые самой *жертвой*.

Анализ контекстов, в которых было актуализовано с позиции жертвы (т.е. извне) коммуникативное поведение этого типажа, показал, что в реальной коммуникации лингвокультурный типаж «токсичный человек» прибегает преимущественно к множеству разнообразных тактик в

соответствии с коммуникативной целью негативного воздействия на жертву, для достижения которой токсичный человек часто придерживается стратегии доминирования.

В процессе исследования мы установили распространенность деструктивной коммуникации в различных сферах общения – институциональной и персональной. Приведем иллюстративные примеры, репрезентирующие коммуникативное поведение лингвокультурного типажа «токсичный человек».

В русском языке есть словосочетания «токсичная женственность»/«токсичная феминность», «токсичная маскулинность»/«токсичная мужественность»/«ядовитая мужественность». Внутренняя форма каждой пары словосочетаний идентична, отличается только выбор имени существительного. Лексемы «феминность» и «маскулинность» относятся к научному стилю речи, тогда как «мужественность» и «женственность» к разговорному. Здесь мы также наблюдаем современную тенденцию в русском языке – языковую моду на апелляцию к научным, в том числе и психологическим, терминам. Несмотря на разную стилевую принадлежность и различия в семантике существительных, о которых упомянула О.В. Котлярова в статье «Мужественность и женственность, маскулинность и феминность как фундаментальные свойства в формате гендеристики» [Котлярова, 2015, с. 4], в текстах масс-медиа эти словосочетания использованы как синонимы. Проиллюстрируем это утверждение примером:

«Токсичная маскулинность простыми словами – это такая концепция поведения мужчины, которая наносит вред обществу, следование представлениям «о настоящем мужике». Альфа-самец – это как раз пример токсичной маскулинности. Сюда относят женоненавистничество, гомофобию, насилие, харассмент и прочие стереотипы, направленные против женщин, других мужчин, общества в целом» [4brain.ru, 2023.01].

«Термин «токсичная мужественность» означает цепляние за

традиционно мужские образы мышления и поведения, при которых мужчины могут причинить вред себе и другим людям» [www.b17.ru, 2024.01]. Как мы видим, в обоих контекстах описывается вредоносный комплекс поведения мужчины. По сути, мужчины обвиняются в их стремлении доминировать, не осознавая объема вреда, причиняемого не только женщинам, но всему социуму, более того, и себе. Желание мужчин быть на первых ролях в обществе приводит к деструктивным результатам, к нежеланию женщин (видимо, не только их) к общению с подобным типом мужчин.

Феномен мужского доминирования проявляется в следующем примере.

«Присаживаюсь на подоконник в романтической позе и, дурачась, томно говорю в трубку:

– Алло-э?

– Дина... привет, – отвечает мне мрачный голос босса.

От неожиданности у меня перехватывает дыхание. Резко выпрямляюсь, чуть не стукнувшись головой об оконную раму, и пару мгновений просто хватаю ртом воздух. Откуда он узнал мой номер?! Неужели меня сдал Алекс? Поверить не могу. Да я его за это...

– Здравствуйте, Тимур Аркадьевич, – говорю, кое-как справившись с потрясением.

– Ты не девушка, а загадка ходячая. А знаешь, что мне пришлось сделать, чтобы добыть твои контакты?

Опасливо прислушиваюсь к его интонациям. Вроде там все ровно, без особой агрессии.

– Что?

– Залезть в телефон Алекса! – рявкает босс, и я вздрагиваю. Нет, все-таки он еще злится. – Как будто я карманник какой-то малолетний, а не взрослый мужик! Может, подскажешь, какого черта Алекс тебя прячет? Ты что... встречаешься с ним?

– Нет, конечно! – ужасаюсь я подобной перспективе. – Я вообще не

уверена даже...

– Вот что, дерзкая ты моя! – перебивает Лебеда. – Чтобы завтра утром была у меня в кабинете с портфолио и при полном параде.

– Э-э... вы знаете, Тимур Аркадьевич, я не могу завтра, – блею я в трубку торопливо. – У меня другие планы и...

– Тебя что, карьера совсем не интересует?

– Ну, как вам сказать... – от паники меня переклинивает, и язык сам собой начинает нести какую-то околесицу: – Я тут подумала на досуге, переосмыслила свою жизнь... и решила, что надо все менять. Быть моделью так сложно, краситься надо каждый день... жить впроголодь... каблуки эти дурацкие опять же... раздражают. В-общем, я решила уйти... э-э... в секретарши.

Лебеда выслушивает мой лепет очень внимательно, а затем медленно повторяет:

– В секретарши, значит, решила.

– Ну да, – подтверждаю я. – Там хоть сидеть можно, сколько захочешь, и вообще...

– Дина... – босс произносит мое полуфальшивое имя с опасной мягкостью. – Если ты завтра утром не явишься на кастинг, то я уволю Алекса ко всем чертям. А потом найду тебя сам.

От его тяжелого угрожающего тона по спине у меня ползут мурашки. Умом я понимаю, что в случае неявки ничего такого уж страшного не произойдет... но внутреннее чутье сигнализирует об опасности, как безумное. Наверное, тут на подсознательном уровне срабатывает инстинктивное желание подчиниться закону сильнейшего»

[<https://www.psychologies.ru/articles/bol-tak-sladka-kak-sovremennye-avtory-opisyvayut-abyuz-razbor-s-primerami/>]. Если в данном случае мужское доминирование может быть объяснено институциональным характером общения коммуникантов (мужчина в роли начальника), то в следующем примере имеет место персональное (внутрисемейное) общение, что, как

представляется, более показательны:

«Женщина уверена, что муж ей изменяет. Она замечает на его рубашке длинный волос, на шее – следы от помады. Мужчина все чаще задерживается на работе и не берет трубку. При этом на ее подозрения он говорит: «У тебя паранойя! Вместо того чтобы накормить меня ужином, ты задаешь глупые вопросы. Обратись к психологу и не отвлекай меня от работы!». Итог: спустя некоторое время женщина теряет способность точно оценивать происходящее. Она начинает сомневаться в своих выводах, винит себя за излишнюю подозрительность и в конце концов извиняется перед мужем за беспочвенные обвинения» [<https://style.rbc.ru/life/604f05fe9a79477b66054b35#p4>].

Что касается феминного гендера, то и здесь все приведенные словосочетания трактуются идентично в сравниваемых лингвокультурах. Рассмотрим примеры.

«Токсичная женственность – это позиция ребенка, которому нужен взрослый, способный взять все его проблемы на себя, эта манипуляция, которая и приводит, в конце концов, к негативному отношению окружающих» [www.b17.ru, 2023.01].

«Токсичная феминность – набор женских практик манипулирования мужчинами на основе патриархальных идей» [royalcheese.ru, 2019.08].

Очевидно, что оба вышеупомянутых контекста описывают негативные эмоции, связанные с токсичными женщинами, и связаны со многими популярными стереотипами о женщинах. Женщины, относимые к группе токсичных, обвиняются в применении манипулятивных коммуникативных техник. Женщины сравниваются с поведением ребенка, т.е. человека с неустоявшимися убеждениями, социально незрелостью, капризами. Очевидна в данном случае низкостатусная, следовательно, негативная характеристика женщин, понимаемых как токсичные индивиды.

Рассмотрим иллюстрацию токсичных отношений (оценочные высказывания взяты из результатов опроса и массмедийных источников) в

бытовом общении, в семье. Для описания поведения токсичной матери в русской лингвокультуре используются следующие выражения: *осуществляет контроль, нарушает личностные границы, манипулирует, игнорирует, проявляет эмоциональную холодность, критикует ребенка, обесценивает ребенка, обвиняет ребенка во всех бедах, эгоцентрична, воинственна, непостоянна, необязательна, деспотична.* Образные характеристики токсичной матери сводятся к ее стремлению подчинять окружающих себе, своей воли, врывать в их персональное пространство (в особенности, в пространство ребенка), пренебрегать интересами детей. Воинственность и деспотичность токсичной женщины часто граничит с агрессивностью.

Материал показывает, что нередко феномены деструктивности и непреднамеренной токсичности имеют место в системе воспитания детей. Тактики подавления, критики, обвинения и осуждения поступков детей типичны для целого ряда семей. Этими тактиками реализуется стратегия доминирования взрослых (родителей).

В следующем примере мы видим, какие последствия может иметь деструктивное поведение матери в отношении дочери, считающей себя жертвой преступника и, по сути, в дальнейшем токсичными действиями собственной матери.

«Меня, хрупкую девочку, играющую во дворе со змеем в многослойной осенней одежде, позвал куда-то какой-то парень с просьбой помочь. Я откликнулась, потому что в нашем дворе дети в основном друг друга знали и доверяли незнакомым. Я никогда бы не подумала, что парень, которого бы я отнесла скорее к старшим ровесникам, а не к взрослым мужчинам, окажется насильником. Не хочу вдаваться в детали, но я оказалась изнасилована с угрозами расправы при сопротивлении. Это произошло в 150 метрах от дома. Сразу после произошедшего я в слезах вернулась домой и поверхностно всё описала маме. Та сначала разрыдалась, но потом начались обвинения, что я сама виновата в том, что попала в такую ситуацию. Она

говорила, что я глупая и наивная. Когда я подросла и собиралась с кем-то погулять, мне укоризненно говорили: «Ты что, хочешь, чтобы тебя опять изнасиловали?» Долгое время я чувствовала себя действительно виноватой. Мол, я слишком доверчивая, добрая, наивная. Да и мне же было всего 10, в конце концов. Я верила в свою вину лет до 19 лет. Меня невероятно задевал тот факт, что я получала от матери не поддержку, а пассивно-агрессивные обвинения в случившемся. Это был один из первых моментов в наших отношениях, когда я поняла, что не могу положиться на неё в моральном плане. Из-за отношения к этой ситуации со стороны матери я стала весьма забитой — из-за чувства вины. Начала носить мешковатую закрытую одежду в много слоёв, и меня начали травить в школе. Каждое новое обвинение в том, что я сама сделала это со своей жизнью, ввергало меня в лютый ад. На своём опыте я убедилась в том, что подростки в уязвимом возрасте не способны на критическое мышление, когда все вокруг говорят им, какие они плохие и глупые. Поняла я это только совсем недавно» [<https://howtogreen.ru/posts/10780-victim/>].

В приведенной выше трагической истории жертвой в высшей степени деструктивного поведения выступает девушка-подросток, не нашедшая поддержки в семье со стороны матери, выбравшей тактики осуждения и обвинения дочери в случившемся. Поведение матери и в последующем было токсичным, о чем свидетельствуют ее бесконечные упреки и напоминания дочери о случившемся. Девушка как жертва токсичного поведения матери живет с комплексом вины, ее жизнь отравлена.

В китайском языке токсичные матери обычно прибегает к контролю, оскорблениям, телесным наказаниям:

«习惯控制孩子；言语刻薄；进行不合理的体罚»。 – Привычки контролировать детей; использовать резкие слова; необоснованные телесные наказания [www.baidu.com, 2023.02].

Приведем далее примеры из китайских СМИ.

«小明是一个初中生，他的母亲一直采用的是一种严厉的教育方式。她认为孩子应该听父母的话，不应该反抗，否则就应该被惩罚。因此，小明的母亲经常打骂他，甚至有时还会采用体罚的方式。这种教育方式让小明感到非常沮丧和无助，他开始对学习失去了兴趣，甚至开始逃学。他的母亲认为这是孩子不听话的结果，于是她更加加强了对小明的管制和控制。然而，这种做法让小明更加反感和抵制，他开始有了逆反心理，不再理会母亲的任何话» [wenku.baidu.com, 12.03.2023]. — *Сяо Мин учится в младших классах средней школы. Его мать всегда придерживалась строгих методов воспитания. Она считает, что дети должны подчиняться родителям и не должны сопротивляться, иначе их следует наказывать. Поэтому мать Сяо Мина часто избивала и ругала его, а иногда даже применяла телесные наказания. Такой метод воспитания заставил Сяо Мина почувствовать себя очень расстроенным и беспомощным. Он начал терять интерес к учебе и даже перестал ходить на занятия. Его мать считала, что это результат непослушания ребенка, поэтому ужесточила контроль над Сяо Мином. Однако такой подход вызвал у Сяо Мина еще большее отвращение и сопротивление. Он начал проявлять бунтарский настрой и больше не обращал внимания на то, что говорила его мать.*

Как можно видеть, жесткая воспитательная работа матери приводит к крайне нежелательным результатам – недоверию во взаимоотношениях детей и их родителей, психологическому дискомфорту обеих сторон, депрессии, угнетенному состоянию ребенка. В данном случае базовыми тактиками токсичной матери выступают осуждение, обвинение, угроза, вербальное и физическое давление на ребенка.

Токсичный отец описывается следующим образом: *критикует, запрещает выражать эмоции, нарушает личные границы, принижает достижения ребенка, манипулирует, формирует чувство вины, выражает свое превосходство над детскими интересами.*

Как можно видеть, характеристики токсичного отца во многом совпадают с характеристиками токсичной матери. В эксплицитной форме

представлен образ токсичного отца, обозначающего демонстративно свое превосходство, выражающееся в тактиках принижения статуса другого, критики.

Описание перлокутивного эффекта от общения с токсичными родителями представлено следующими словами и словосочетаниями: *чувство вины, опустошенность, стремление избегать контактов, ощущение тревожности, депрессия.*

Как мы видим, и токсичная мать, и токсичный отец игнорируют ребенка, не воспринимают его как отдельную личность, как индивида, тем самым нарушая его личностные границы, рассматривая ребенка как идеальный объект манипулирования. На основании приведенных выше примеров мы выявили универсальную тактику контроля и манипуляции, а также выражения негативных эмоций. Однако токсичные отцы демонстрируют чаще такие тактики, как «демонстрация силы (власти, авторитета)», «уход от ответственности», например: «Кто так подтягивается, слабак, иди еще занимайся», «Не хнычь, ты же мальчик!», «Ты маме позвонила первой, значит, ее ты сильнее любишь» и т. д. Напротив, токсичные матери обычно играют роль «слабой жертвы» и вызывают чувство вины у ребенка (см. подробнее: [Ху, 2023, с. 710]).

Типичное поведение токсичного отца описывается следующим образом: «怒吼, 发脾气, 暴力; 不尊重孩子, 对孩子强势; 对孩子不负责任, 忽视孩子» [baijiahao.baidu.com, 2022.07]. – Кричать, терять самообладание и применять физическое насилие; проявлять неуважение к детям и осуществлять насилие над детьми; быть безответственным и демонстрировать пренебрежение детьми. Шумное поведение, крик, неумение держать себя в руках, отсутствие выдержки, угроза, агрессивные выпады – таков в общих чертах «портрет» китайского токсичного отца. По сути, мы имеем дело с образными характеристиками лингвокультурного типажа «токсичный человек» (маскулинный гендер).

Анализ примеров на китайском языке показал общую тактику для

токсичных родителей – *физическую агрессию*. Исходя из критерия частотности употребления, заметим, что распространенность этой тактики среди токсичных матерей ниже. Согласно проанализированному материалу, токсичная мать осуществляет тотальный контроль над ребенком и прибегает к оскорблениям. Для токсичных отцов характерно проявление власти, демонстрация собственного авторитета, молчание, уход от ответственности, например: *«为了逃离父亲的家暴，靳天柱离家出走过» – Чтобы избежать домашнего насилия со стороны своего отца, Цзинь Тяньчжу сбежал из дома* [baijiahao.baidu.com, 2023.12].

Следующие примеры ярко иллюстрируют токсичное поведение китайских родителей в отношении своих детей.

«小王在家庭中就一直处于这样的困境。他的父母总是对他的成绩不满意，无论他怎么努力，考得再好，父母也会说：“这有什么好骄傲的，你离第一名还差得远呢，你看看人家多厉害。”在这种持续的否定下，小王变得越来越敏感、多疑，总是担心自己做得不够好，害怕再次遭到父母的否定。他的学习积极性也受到了极大的打击，成绩反而出现了下滑，同时，他的心理状态也变得很差，经常陷入焦虑和抑郁的情绪中无法自拔» [https://baijiahao.baidu.com/s?id=1817257599797223968&wfr=spider&for=pc]。

(煤气灯效应)。 – Сяо Ван в своей семье всегда стоял перед такой дилеммой. Его родители всегда недовольны его оценками. Как бы усердно он ни работал и как бы хорошо не сдавал экзамены, родители скажут: «Гордиться нечем. Тебе еще далеко до первого места. Посмотрите, какие они хорошие». Из-за этого постоянного отрицания Сяо Ван становился все более мнительным, чувствительным и подозрительным. Он всегда беспокоился о том, что у него дела идут недостаточно хорошо, и боялся снова подвергнуться критике со стороны родителей. Его энтузиазм к учебе также сильно уменьшился, и его оценки снизились. В то же время его психическое состояние также стало очень плохим, и он часто впадает в тревожное состояние и депрессию.

История школьника Сяо Ван, как представляется, достаточно распространенная. Старательный школьник не находит поддержки и похвалы со стороны родителей. Их поведение по этой причине можно назвать ненамеренно деструктивным и токсичным. Оно, как можно предположить, объясняется низким уровнем образования и воспитания родителей. Мы можем видеть реализацию их непреднамеренных коммуникативных тактик «критика», «понижение статуса собеседника», «обвинение» (“这有什么好骄傲的”, т.е. «гордиться нечем»). Неосознанное применение этих тактик приводит к косвенному обвинению со стороны родителей их сына в недостаточном трудолюбии или же ограниченности его интеллектуального потенциала, что имеет своим результатом угнетенное состояние жертвы токсичности.

Растерянность и тревога молодого человека четко представлены в следующем материале. В нем речь идет об успешно обучавшемся в школе юноше, во всем и вся подчинявшемся воле родителей. Позже молодой человек стал одним из заместителей директора фирмы. Однако родители не оценили профессиональный рост сына и стали (видимо, в силу их токсичного характера, в целом дисгармоничных внутрисемейных отношений) упрекать его в холостяцком образе жизни, даже в недостаточном усердии на работе и в небольшой зарплате (“都 32 岁了, 钱挣得不多, 没有对象, 你天天活着都干什么?”, «Тебе 32 года, мало зарабатываешь и у тебя нет девушки. Чем ты занимаешься каждый день?»). Токсичные, если так можно выразиться, речевые действия родителей приводят к глубокому депрессивному состоянию молодого человека. Налицо дисгармония отношений между ними и их сыном. Она проявляется в осознаваемой или неосознаваемой родительской тактике обвинения и осуждения сына, выступающего в роли жертвы токсичности.

«我有个朋友被诊断出患有抑郁症。他在学校成绩优异, 毕业后想创业, 但家长们却打击他说: “你是我生的, 几斤几两我们能不知道? 你不是老

板的料。去找份工作吧。”最后听从父母的建议，他在一家公司实习，直到最近他被提升为分公司的副总裁。但他的父母仍然不满意，说：“都 32 岁了，钱挣得不多，没有对象，你天天活着都干什么？”我去看他时，他告诉我：“从小到大，无论是测验满分还是大奖，父母总是不满意、不喜欢。”这样日复一日，他不知所措»。

[<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1688244598157755599&wfr=spider&for=pc>]. –

У меня есть друг, у которого диагностирована депрессия. Он получал отличные оценки в школе и хотел после окончания школы заняться бизнесом, но родители отговаривали его и мать сказала: «Я тебя родила, можем ли мы не знать, какой ты? Ты не подходишь для начальника. Найди другую работу». В конце концов он последовал совету своих родителей и стажировался в компании, недавно его повысили в должности до вице-президента филиала. Но его родители по-прежнему недовольны им: «Тебе 32 года, мало зарабатываешь и у тебя нет девушки. Чем ты занимаешься каждый день?». Когда я пришел навестить его, он сказал мне: «С детства и до моего взрослого возраста, будь то высший балл за контрольную в школе или первое место, родители всегда недовольны мною и им все это не нравится». Днями он был в растерянности [泼冷水].

Перейдем далее к анализу токсичных отношений модели «жена – муж».

Характерное коммуникативное поведение токсичного мужа выражается в российских масс-медиа следующим образом: *ограничение круга общения супруги, необоснованная ревность; тотальный контроль под видом заботы; критика стремлений, целей, образования, интеллектуальных способностей; частая ложь даже в мелочах под подачей шутки; угрозы разорвать отношения по любому поводу; обесценивание чувств супруги («ты просто не выспалась», «ты сама не знаешь, чего хочешь»); сокрытие истинных чувств; доминирование в сексе, неприятие пожеланий партнерши; неприятие своих ошибок даже если они очевидны [dzen.ru, 2020.01].*

Приведенные многочисленные словосочетания позволяют даже без широкого

контекста их употребления фиксировать определенные коммуникативные тактики, а именно: обвинение в разной тональности, осуждение, принижение статуса партнерши, игнорирование ее интересами.

Поведение токсичных жен представлено следующим образом: *навязчивость, стремление залезть в жизнь супруга, непрошенные советы по любому поводу; торжество, демонстрация собственной правоты и прозорливости при неудачах у мужа; акцент на проблемах и несделанной работе, игнорирование выполненных задач; постоянное стремление руководить мужем, непоколебимая уверенность в собственной правоте; демонстративный отказ от мужской помощи, полная уверенность в несостоятельности мужа; указание на то, как можно было сделать лучше, если муж делится своими успехами; постоянная критика внешности мужчины, его манеры одеваться, выбора парфюмерии и т.п.* [gadalkindom.ru, 2021.08]. Исходя из данного материала, правомерно сделать следующий вывод в отношении используемых женских тактик: осуждение, критика, необъективность в суждениях, самоуверенность, принижение заслуг партнера.

В токсичных отношениях супругов имеет место, как нами установлено, проявление мачизма со стороны токсичного мужа: *«Я мужчина, готовить и стирать вообще не мое!», «Ну, это же женская работа!"», «Я – мужик, я буду делать мужскую работу», «Уборка – это для девочек»* [www.thevoicemag.ru, 2021.05]. Актуальными оказываются такие коммуникативные мужские тактики, как игнорирование просьбы жены, обвинение. В нижеследующем текстовом фрагменте его автор как сторонний наблюдатель или как эксперт, анализирующий взаимоотношения супружеской пары, диагностирует применение мужем тактики контроля и манипуляции в отношении жены: *«Юлия и Владимир состоят в браке уже несколько лет. Владимир регулярно использует бредкрамбинг, отказываясь дать ясные ответы на вопросы Юлии или отмалчиваясь после намеков на возможные проблемы в их отношениях. Он создает атмосферу*

неопределенности и неуверенности Такой подход позволяет Владимиру контролировать и манипулировать ситуацией в отношениях с Юлией» [<https://www.b17.ru/article/467246/?ysclid=m4ig7n16nd524921302>].

На наш взгляд, использование здесь английского слова «бредкрамбинг» показательно. Оно направлено на то, чтобы охарактеризовать манипулятивное поведение Владимира как поведение, полное неопределенности, непоследовательности. Владимир пытается дезориентировать Юлию. В специальном источнике «Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века» читаем следующее определение: «Бредкрамбинг, брэдкарамбинг – англ. «разбрасывание хлебных крошек» – непоследовательны и непредсказуемы в выражении своего интереса к партнеру» [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 16]. Манипуляции Владимира дезориентируют Юлию, эмоционально истощают ее, лишают уверенности в жизни. Их следует квалифицировать как токсичные, а самого Владимира токсичным типажом.

В примере, который мы приведем ниже, так же, как и в предыдущем, речь идет о супружеских взаимоотношениях.

«Вот что рассказывает 37-летняя Саша: «Возвращаясь мысленно назад и прокручивая историю наших отношений с мужем, я понимаю, что первые тревожные звоночки начали звучать очень рано. Например, еще во время «конфетно-букетного» периода он мог оставить меня одну в баре и молча уйти, если ему не нравилось, что я слишком дружелюбно общаюсь с другими мужчинами, а потом несколько дней не отвечать на мои сообщения и не брать трубку.

И знаете что? Я привыкла чувствовать себя виноватой. За то, что не так посмотрела, не то сделала, не подумала там, не предугадала желаний тут. Супружеская жизнь превратилась для меня в хождение по минному полю, а я этого даже не осознавала. Иногда даже хотелось, чтобы он просто на меня накричал – тогда бы я хоть поняла, что не так. Но нет. Вместо этого я целыми днями, а то и неделями натыкалась на глухую стену

молчания. Муж переставал ко мне прикасаться и либо вовсе не разговаривал со мной, либо обращался в таком ледяном тоне, что я снова чувствовала себя маленькой девочкой...» [<https://www.psychologies.ru/articles/viskholding-igra-v-molchanku-kak-vid-psikhologicheskogo-nasiliya/>]. Молодая женщина жалуется на потерю прежних хороших отношений с мужем. Она использует несколько коммуникативных тактик: тактику объяснения осложнившихся отношений, тактику манипулирования ею со стороны мужа (пользуясь английской терминологией, висхолдингом, т.е. отказом слушать коммуниканта, собеседника, отказом, по сути, общаться с ним как наказание), тактику непрямого, «мягкого» обвинения мужа. Ощущение вины она объясняет поведением ставшего деструктивным в общении мужа. При этом молодая женщина Саша с целью экспрессивного изложения семейной проблемы пользуется образным сравнением «хождение по минному полю», подчеркивающим некомфортность своего положения, субстантивную метафору «стена молчания», указывающую на блокировку ее попытки контактировать с супругом, эпитетом «ледяной», характеризующим голос мужа, его тональность, следовательно, в целом его поведение. Оно в глазах Саши видится токсичным.

Следующий пример проявления токсичности поведения человека также из области семейных отношений.

«Муж увлёкся другой девушкой... Шутит с ней, платит за неё в ресторане, внимательно ее слушает, бежит на встречу с друзьями как только узнаёт, что Кира будет находиться сегодня в компании. Муж принимает в её внешности то, что в принципе не принимает во внешности других женщин. Подарил ей смартфон, хотя из-за этого ему пришлось отложить ремонт нашей машины, я нахожусь в декрете, денег не много у нас. Самое обидное, что в присутствии Кире муж игнорирует меня: не заговаривает со мной, не уделяет внимания. Как будто меня не существует. А у меня нет человека, который относился бы ко мне также, как он к ней. Думаю о причинах чувств мужа к этой девушке. Возможно, муж проникся

её несчастливым детством - родители избавились от неё, передав на воспитание в детский дом. Я не нахожу в этой девушке привлекательности. Мне не нравится ни её внешность, тем более внешность действительно далека от идеала, ни её характер. Себя я считаю очень даже привлекательной женщиной. Да что там, эта Кира меня просто бесит! Муж не признаёт передо мной своё особое отношение к этой девушке. Говорит, что у меня разыгралось воображение и я на пустом месте выдумываю то, чего нет. Муж говорит, что любит меня, а мне кажется, что не любит» [<https://dzen.ru/a/ZAcAB6YoEzE6fcsp?ysclid=m4fv9cjavk629998216>]. Здесь, как можно видеть, приписываемая супругу токсичность выражается в применении им тактики игнорирования, пренебрежения одним партнером другим. Жена обвиняет мужа, во-первых, в тотальном невнимании к ней, во-вторых, в неискренности и лживости его слов, по сути, в супружеской неверности, в-третьих, жена критикует внешность ее конкурентки., т.е. принижает ее как личность. В данном случае, как мы думаем, имеет место своеобразная триангуляция, т.е. косвенное вовлечение в отношения двух конфликтантов третьего лица. Типажу «токсичный человек», в роли которого выступает супруг в глазах жертвы-жены, приписывается оценочная характеристика обмана и неискренности. Эти качества характера человека, как известно, осуждаются в социуме.

Токсичные жены, как показывает материал, выражают нередко подозрительность и недовольство мужьями: *«ты должен», «это твои проблемы», «почему ты не можешь просто...»* [uznayvse.ru, 2021.11] и т.д. В данном случае речь идет о такой тактике, как обвинение, осуждение и игнорирование интересами другого.

Следующий материал из китайских СМИ иллюстрирует, как деструктивные коммуникативные тактики Чжай Синьсинь, вышедшей замуж за Су Сянмао, доводят его до суицида. Жена беспощадно эксплуатирует чувство любви мужа, подчиняет его своей воле, манипулирует им без зазрения совести, причиняя ему глубокие моральные страдания.

«苏享茂和翟欣欣通过婚恋平台相识，苏享茂对翟欣欣一见钟情，并迅速与其确立了恋爱关系。在交往过程中，翟欣欣先对苏享茂进行打压，让他感到自己一无是处，然后再适时地展现出温柔和关爱，让苏享茂陷入她的情感控制之中。这种情感操控使得苏享茂一次又一次地心甘情愿地为她花费大量金钱。在维持了 41 天的婚姻后，翟欣欣以苏享茂的企业经营问题为要挟，逼迫他支付 660 万元赔偿金和海南的房产。最终，苏享茂在巨大的经济和心理压力下，选择了自杀»
[<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1814425002630769212&wfr=spider&for=pc>]。

(PUA). – Су Сянмао и Чжай Синьсинь познакомились на сайте знакомств. Су Сянмао влюбился в Чжай Синьсиня с первого взгляда и быстро установил с ней отношения. Будучи влюбленной Чжай Синьсинь сначала подавила Су Сянмао, заставив его почувствовать себя никчемным, а затем проявила своевременную нежность и заботу о нем, заставив Су Сянмао попасть под ее эмоциональный контроль. Подобные эмоциональные манипуляции заставили Су Сянмао снова и снова тратить на нее много денег. После того как брак продлился 41 день, Чжай Синьсинь использовала проблемную ситуацию Су Сянмао в управлении бизнесом как угрозу и заставила его выплатить ей 6,6 миллиона юаней в качестве компенсации и передать недвижимость на Хайнане. В конце концов, Су Сянмао решил покончить жизнь самоубийством, оказавшись под большим финансовым и психологическим давлением.

Очевиден тот факт, что Чжай Синьсинь относится к классическому лингвокультурному типу «токсичный человек». Посредством умело использованных тактик «принижение статуса человека» (заставила почувствовать его никчемным), «контроль, ментальное управление человеком», «осуждение» и «обвинение». «шантаж» она «уничтожила» мужа как самостоятельного индивида, довела его до самоубийства.

В Китае токсичный муж часто агрессивно демонстрирует доминирующую роль в семье (тактика демонстрации лидерства), проявляет

власть в семейных отношениях (тактика демонстрации власти). Для токсичной жены характерны проявления жалоб и словесных оскорблений в адрес супруга.

Коммуникативное поведение токсичных супругов характеризуется *властностью и нарциссизмом*. Гендерная специфика выражается в следующем: «Мужская токсичность»: доминирование в сексе, неприятие пожеланий партнерш, угрозы разорвать отношения (т.е. нередко шантаж) и т.д. базируется на стереотипах настоящего мужского поведения, а именно, на проявлении власти, авторитета, рациональности, силы и т.д. Женская токсичность проявляется в постоянных жалобах и критических замечаниях, использующих язык как средство с целью занять лидирующую позицию в отношениях между мужем и женой и доказать свою правоту.

Следующие примеры касаются взаимоотношений мужчин и женщин, официально не состоящих в браке. Тактика игнорирования интересами и желаниями другого человека очевидно прослеживается и в следующем примере.

Дарья и ее бойфренд съехались почти сразу после начала отношений. Спустя три месяца Кирилл стал ее игнорировать – мог сесть завтракать, не разбудив Дарью, отправиться на рабочую встречу, не сообщив ей об этом, пренебрегал совместным досугом.

«Сначала я молча соглашалась с происходящим. Потом стала спрашивать, не хочет ли он пойти погулять, поесть, полежать, посмотреть кино вместе. Как правило, он отказывался, ссылаясь на то, что его жизнь не может крутиться вокруг меня. Время, которое он тратил на меня, превратилось в „между делом“. А если я хотела побыть с ним, то могла разве что сопроводить его от дома до места встречи с деловым партнером», – рассказывает девушка.

«Самое страшное началось, когда он перестал со мной спать, – продолжает Дарья. – Целовать и прикасаться тоже перестал. Совсем. Мои попытки соблазнить его он нарочито не замечал. Когда я задала вопрос в

лоб, он ответил, что эта тема не достойна обсуждения: «Давай поговорим о чем-то полезном. Обсудим политику, например. У меня куча других интересов, помимо секса и тем более выяснения отношений»».

Первое время Дарья реагировала спокойно, по принципу «не хочешь говорить – не будем».

«Потом моя тревожность стала расти: он отстраняется – мне страшно – я завожусь – преследую его и задаю всё больше вопросов. Позже я начала плакать, кричать и буквально топтать ногами, как маленький ребенок в супермаркете, – рассказывает девушка.

– Я ведь хотела просто поговорить, а он выходил из конфликта буквально на улицу. Я выбрасывала его вещи из окна и однажды кинула в него стеклянный чайник. Чайник разбился об коленку, кусочки стекла оставили шрамы на его ногах.

Я чувствовала себя очень одиноко, стала себя жалеть и ругать. Была уверена, что он меня игнорирует, потому что я этого заслуживаю. Мне было стыдно за себя и казалось, что так будет всегда» [<https://knife.media/withholding/>]. Попытки партнерши наладить отношения с возлюбленным, в том числе и романтические, оказались безуспешными. Дарья, заметившая пренебрежительное отношение к ней бой-френда и стремящаяся выстроить с ним прежние позитивные отношения, терпит фиаско и сама себя винит в этом поражении. Пребывающая под гнетом комплекса вины она агрессивно реагирует на деструктивное поведение партнера («кинула в него стеклянный чайник»), что можно расценивать как токсичность молодого человека, отравляющего жизнь другому. Игнорирование другим человеком, пренебрежение им – очевидный показатель обесценивание одного индивида другим.

Стратегии доминирования служит бредкрамбинг как манипулятивная техника. Она применяется в следующем примере.

«Алексей работает с Марией в одном офисе. Мария применяет бредкрамбинг, рассылая электронные письма с двусмысленным

содержанием и намеками относительно его работы и прошлых событий. Она намеренно дает незавершенную информацию и отвечает на вопросы с загадочностью или отказом предоставить полные ответы. Такое поведение Марии заставляет Алексея чувствовать себя нервным и испытывать постоянные сомнения вокруг своей работы и способностей» [<https://www.b17.ru/article/467246/?ysclid=m4ig7n16nd524921302>]. Поведение Марии, как можно судить по тексту, деструктивно, оно приносит дискомфорт ее знакомому Алексею. Заметим, что ряд английских слов, квалифицируемых, согласно составителям вышеупомянутого словаря «языка вражды» (см.: [Леонтьева, Щетинина, 2021]), нередко используются при характеристике токсичного человека, токсичных межличностных отношений. Приведем пример со словом «гостинг», который употребляется в преамбуле к любовной истории в значении «резкое прекращение отношений с кем-либо».

«Наталья столкнулась с гостингом несколько лет назад. Девушка познакомилась с парнем в Tinder, у них завязалась очень классная, живая и интересная переписка. Первое свидание прошло хорошо: и общение, и секс девушке понравились. Второе свидание тоже прошло отлично. А вот до третьего дело так и не дошло.

– За два часа до назначенного третьего свидания он мне написал, что подвернулась возможность выступить (он музыкант) и он не может отказаться. «So sorry to do this to you», – и после этого тишина. В течение следующей недели я отправила ему несколько сообщений, на которые он так и не ответил. Я вообще не ожидала такого, но заставила себя перестать ему писать.

Было очень обидно. Думала, что я сделала что-то не так, раз он пропал. Хотя сейчас, пару лет спустя, смотрю на ситуацию более трезво. Да, у нас было много общих тем для разговоров и общих интересов, но он работает в совсем другой индустрии, по вечерам и выходным, когда я отдыхаю. Плюс у него совсем другой социальный круг, и вряд ли бы я

сошлась с его друзьями. То есть точек соприкосновения у нас с ним было маловато, поэтому даже несколько хороших свиданий не гарантировали бы хороших отношений.

Спустя два года Наталья из любопытства снова написала этому парню – и он даже ответил. Сказал, что трудоголик и не смог тогда толком найти баланс между работой и личной жизнью. Зато за это время раскрутился и открыл свое заведение по профилю.

– Я спросила, не хочет ли он снова увидеться. Он сначала ответил «Да, с удовольствием», а чуть позже написал, что сейчас общается с другой девушкой и если встретится со мной, то это будет нечестно по отношению к нам обеим. Так что с коммуникацией у него, похоже, стало получше, – улыбается Наталья. – И я перестала переживать, что же я такого сделала, что он пропал» [<https://citydog.io/post/ghosting-stories/>].

Наталья, морально пострадавшая от внезапного, первоначально немотивированного отказа ее партнера в общении, чувствует себя первое время обманутой, испытывает воздействие его деструктивного поведения. Деструктивность в этом случае, судя по переданным ощущениям ее жертвы, не имеет значительных пагубных последствий. Однако сама тактика гостинга молодого человека отрицательно санкционируема в обществе. Подобное поведение нарушает правила этики. В нем очевидна токсичность, если даже она в интенцию конкретного индивида и не входит.

Приведем далее примеры из китайских СМИ.

Ниже приводится житейская история о несчастной любви девушки, которую разлюбил ее возлюбленный. Его коммуникативная тактика – обвинение девушки в потере им свободы («С тобой я чувствую, что нет пространства и свободы»). Своим поведением (невниманием к ней, даже пренебрежением) молодой человек провоцирует девушку на конфликт: она теряет самообладание, контроль над собой, чем и пользуется молодой человек как предлогом для расставания. Незаслуженные обвинения и упреки – один из возможных признаков токсичности.

«女生 A 被一个大帅哥追求了，女生很快就答应了。

刚在一起时，男友对女生关怀备至，送花、送礼物、陪她逛街看电影，女生沉浸在这份甜蜜的爱情中，觉得自己是世界上最幸福的女孩。她对男友的爱越来越深，毫无保留地付出着自己的真心。

一周年纪念日之后，男友突然对女生说：“和你在一起，我觉得没有空间和自由。”逐渐地，他不怎么回复女生信息了。女生起初以为男友是工作忙碌，压力大，所以没有在意。她还是一如既往地热情，试图用自己的爱去温暖男友。可是，男友的冷漠却越来越明显。他开始故意挑剔女生的毛病，对她的穿着打扮、言行举止都表示不满。女生感到委屈和困惑，她不明白为什么曾经那么相爱的人会变成这样。她试图和男友沟通，却总是被男友冷漠地拒绝或者不耐烦地打断。在男友的冷漠逼迫下，女生终于忍不住失态了。她开始哭闹、争吵，试图让男友给她一个解释。而男友却趁着这个机会，提出了分手。然后拉黑了女生的所有联系方式。

[https://news.sohu.com/a/824300210_491737]» (断崖式分手). – *За девушкой А ухаживал красивый парень, и девушка быстро согласилась на общение с ним). Они влюбились друг в друга, парень очень заботился о девушке, посылал ей цветы, подарки, ходил с ней по магазинам и смотрел с ней фильмы. Девушка была погружена в эту милую любовь и чувствовала, что она самая счастливая на свете. Ее любовь к бойфренду становилась все глубже и глубже, и она безоговорочно и искренно отдавала ей. После того как они уже встречались целый год парень вдруг сказал девушке: «С тобой я чувствую, что нет пространства и свободы». Постепенно он перестал отвечать на сообщения девушки. Сначала девушка подумала, что парень занят на работе и находится под большим давлением, поэтому не обратила на это внимания. Она по-прежнему была полна энтузиазма, пытаясь согреть парня своей любовью. Однако равнодушие парня становилось все более очевидным. Он стал сознательно придираться к недостаткам девушки и выражал недовольство ее платьем, словами и поступками. Девушка чувствовала себя обиженной и растерянной. Она не понимала,*

почему парень, которого она когда-то так любила, стал таким. Она пыталась общаться с парнем, но он ее постоянно равнодушно отвергал или нетерпеливо перебивал. Под безразличием и принуждением своего парня девушка окончательно не смогла не потерять самообладания. Она начала плакать и спорить с ним, пытаясь добиться от парня объяснений. Но ее парень воспользовался этой возможностью, чтобы расстаться. Затем он заблокировал все контактные данные девушки.

В нижеприведенном примере из истории жизни мальчика-подростка с избыточным весом имеет место его травля со стороны одноклассников. Страдающий под прессом буллинга одноклассников он переходит в другую школу. Как оскорбление мальчик воспринимает некорректное (по сути, деструктивное) поведение его учителей в новой школе. В результате юноша становится социофобом.

«До седьмого класса меня травили меня из-за лишнего веса: толкали, тыкали пальцем и говорили, что я люблю полную одноклассницу и стану ее мужем. Я из небогатой семьи, и когда в пятом классе родители подарили мне новый сотовый телефон, одноклассники смеялись: «Ты у кого своровал этот телефон? Или банк ограбил?» Травила «элита» класса и даже те одноклассники, которых я считал друзьями. Было много разговоров с родителями, классным руководителем. Завуч и психолог даже разговаривали с зачинщиками травли, но это не помогло. Мне еще и предъявляли за стукачество; хорошо хоть до драки не дошло.

В конце концов я перевелся в школу в другом районе. Там меня никто не трогал, но проучился я всего две четверти. Мне пришлось вернуться обратно; из-за того, что новая школа была слишком далеко, я постоянно опаздывал на уроки и не тянул программу. Как ни странно, одноклассники больше меня не травили. Зато стали издеваться учителя: они говорили, что все парни попадут в тюрьму или станут дворниками, а девушки будут проститутками. Все это перемежалось монологами о потерянном поколении. Мне очень обидно, хотя я и не показываю. Сейчас, в 9-м классе, у

меня нет ни малейшего желания появляться в школе. Я часто прогуливаю. Друзей у меня нет, ни с кем не общаюсь: я считал нескольких одноклассников друзьями, но после их подстав и пакостей стал социофобом» [<https://snob.ru/entry/157029/>].

Тактика буллинга проявляется не менее очевидно и в следующем примере.

«Одноклассники всегда считали меня странным ребенком: я не стремилась общаться и играть с ровесниками, мне было интереснее со взрослыми. В 12 лет меня перевели в другой класс. Из старого класса со мной перешел мальчик, который мне нравился. Я была толстой замкнутой девочкой, мое внимание его напрягало. Мальчик был общительный и, в отличие от меня, легко подружился с новыми одноклассниками, при этом наговорив им не лучшие вещи обо мне. Поначалу дело не заходило дальше насмешек, обзывательств, грубых шуток. Однако я не смогла защититься от этого, что и развязало одноклассникам руки. Они портили, ломали, отбирали мои вещи, играли сумкой в футбол, плевали на волосы или одежду, тайно фотографировали в раздевалке перед физкультурой и распространяли фото по школе, могли бить — сначала по одному, затем группой.

Родителей волновали не задиры, а моя сильно упавшая успеваемость. Они решили разобраться с травлей, только когда я однажды вернулась из школы с синяками и в грязной одежде. Классный руководитель и администрация школы пытались все скрыть: им не нужны были лишние проблемы, поэтому они говорили, что я сама провоцирую агрессию. Поначалу родители верили учителям, ругали меня за якобы плохое поведение и низкие отметки. Во время второго визита мамы в школу к ней подошла девочка, в травле не участвовавшая, и рассказала, что происходит на самом деле. Тогда мама поняла, что с учителями разговаривать бесполезно, и после окончания учебного года перевела меня в другую школу. Всех проблем это не решило: я тогда жила в маленьком городе, где все обо всех знали, но, к счастью, травля не повторилась. Я ни с кем не общалась, сильно замкнулась

в себе, была обижена на родителей из-за их недоверия и часто с ними ссорилась. В дальнейшем моя подавленность вылилась в депрессию, которая потребовала медикаментозного лечения и психотерапии. Последствия той травмы я периодически ощущаю до сих пор: я слишком застенчивая, мне трудно общаться с незнакомыми людьми» [<https://snob.ru/entry/157029/>]. В приведенном примере жертвой токсичного поведения становится девочка с избыточным весом («Я была толстой замкнутой девочкой»), подвергшаяся травле в классе. Следствием пережитого в школьные годы буллинга стали большие психологические проблемы повзрослевшей девушки, испытывающей страх в общении с людьми.

Рассмотрим далее сферу профессиональных взаимоотношений. Лидеры (руководители) в коллективе, как правило, занимают высокое социальное положение, им необходимо управлять подчиненными и принимать решения. И в этой сфере мы наблюдаем гендерное своеобразие поведения токсичного начальника и токсичной начальницы.

Приведем пример описания токсичной начальницы:

«У нее склочный характер. Ее повседневное поведение характеризует пословица «лучшая защита – нападение». Она атакует по надобности и без. Ее мнение – единственно правильное, она будет это доказывать с пеной у рта до тех пор, пока не согласишься. У нее никогда не хватает терпения дослушать собеседника до конца, всегда перебивает с интонацией превосходства. Если кто-то выказывает недостаточную компетенцию или где-то ошибся – придумывает обидные прозвища типа «лоботряс», либо шутит, что будет «бить». Таких ситуаций множество. Доминирование, унижительные шутки и внушение вины касается не только меня, но и других ее коллег и подчиненных» [www.kleo.ru, 2019.12].

В этом развернутом описании жертвы токсичности присутствует ряд тактик: обвинение, доказательство своей правоты, игнорирование мнения подчиненного, оскорбления, высмеивание.

В следующем примере мы также видим тактики, реализуемые

токсичной начальницей:

«Второго токсичного человека я встретила в банке. Это была шикарная стильная женщина, очень красивая, прекрасный спикер, с богатым жизненным опытом и отличным чувством юмора. Для топ-менеджеров отдел выглядел безупречно, наверное. Единственное, что вызывало вопросы – это большая текучка. Человек одновременно и предъявлял высокие требования, и обесценивал, потом хвалил, потом унижал, потом манипулировал, угрожал...» [checkperson.ru, 2020.01].

Лингвокультурный феминный типаж «токсичный человек» представлен целой серией коммуникативных тактик: обвинение, вербальное нападение, принижение коммуниканта (подчиненного), критика, граничащая с угрозами.

Рассмотрим далее пример описания токсичного начальника, т.е. маскулинного лингвокультурного типажа «токсичный человек».

«Директор был очень эмоциональным человеком и постоянно кричал на подчиненных. Поскольку я сидела от него через стенку, поневоле слышала эти крики. У него была такая странная манера общаться – он всё время гневался, спрашивал, будто бросал вызов, старался напасть неожиданно. Когда он резко шел к моему столу, мне казалось, это дикий зверь на меня надвигается. Он и выглядел также: высокий, поджарый, сильный мужчина с рычащим голосом. В итоге, мне стали сниться страшные сны с его участием, и проработав примерно полгода, я сдалась и уволилась» [checkperson.ru, 2020.01]. В описании использован ряд тактик: а) словесное нападение на подчиненных; б) выражение гнева; 3) демонстрация лидерства. Наиболее яркими здесь являются такие образные признаки мужчины-начальника, как рычащий голос, неоправданно громкий голос, резкость движений. Примечательно образное сравнение мужчины-начальника с диким зверем.

Как мы видим из приведенных примеров, маскулинный токсичный начальник демонстрирует жесткость, силу и власть, в то время как токсичная начальница использует язык как инструмент подавления подчиненных с

помощью похвалы, критики, унижения, угроз и др. Вместо крика, как мы установили ранее, они используют тактику «преодоления жесткости мягкостью», чтобы доминировать и контролировать своих подчиненных.

В приведенном ниже отрывке молодая журналистка считает себя жертвой своего токсичного начальника, чьи действия направлены на ее «выдавливание» с места работы посредством применения таких тактик, как игнорирование начинающего специалиста, сомнение в его компетентности и трудолюбии, обвинение в низком качестве работы. Пренебрежительное отношение начальника самой девушке-жертве видится как его желание избавиться от нее. В данном случае деструктивность руководителя вербально слабо выражена. Жертве же он видится как токсичный человек, не стремящийся наладить каких-либо хороших производственных отношений с ней. Молодая сотрудница в качестве своего оправдания приводит аргумент небольшого объема работы, ей вверенного. Тактика косвенного самооправдания у нее сочетается с обвинением в косвенной форме ее начальника (Сам ничего не делал).

«Это было мое первое место работы. Должность – специалист по связям с общественностью. После вуза хотелось свернуть горы, желание работать было огромным. Была счастлива попасть в такую крупную компанию и устроиться по специальности. Но, к сожалению, моя радость была недолгой. В моем отделе были я и мой начальник. Очень важный момент: на моей кандидатуре настояла именно директор департамента, а не он... Получилось, мой непосредственный руководитель был вынужден принять ее точку зрения. Я хваталась за каждое поручение, каждую задачу. Быстро выполняла, отчитывалась о результатах. Меня, конечно же, насторожил небольшой спектр должностных обязанностей. Но я думала и надеялась, что ситуация изменится, и мне дадут более важные направления. Но время шло... Начальник на работе практически ничего не делал. А я была предоставлена самой себе. Редактирование корпоративного издания (основная моя задача) занимало у меня 30% рабочего времени.

Остальные 70% я почти сама искала себе занятие. Бегать к начальнику за поручениями, которые он отдавал так, как будто делал огромное одолжение, мне надоело на второй месяц. Было скучно. На работе я читала книги. Я понимала, что теряю здесь время. Но уйти не могла. Это первое место работы, и надо было остаться минимум на год. Плюс, так была неплохая зарплата для молодого специалиста.

Сидели мы рядом, но связь поддерживали только электронной почтой. Кстати, я часто слышала, как мой руководитель общался с директором департамента насчет моей работы, говоря такие фразы: «Она ничего не делает. У нее нет способностей к журналистике». Часть задач, которые я выполняла, просто не доходили до вышестоящего, а мой начальник ссылался на то, что я ничего не успеваю. Последней каплей стала ситуация перед Новым годом, когда руководитель сообщил о том, что я ничего не подготовила к Новому году. Оказывается, я должна была придумать сценарий праздника. А пришлось все делать моему начальнику. Я была в бешенстве, но мне никто не верил. Естественно, никаких заданий от него я не получала. Я уволилась, продержавшись год. В день подачи заявления я была счастлива» [www.mobbingu.net, 15.01.2015].

Следующий пример также из производственной сферы.

«Когда я пришел в компанию руководителем группы, там уже был свой сложившийся коллектив. Моя задача была вывести отдел на новый уровень продаж. Кстати, особенность ситуации была в том, что руководитель данного подразделения поднялся до начальника и стал моим боссом. Со многими бывшими подчиненными у него сложились дружеские отношения. Сначала все было хорошо. Но потом я понял, что многие сотрудники так и не привыкли к новой должности своего бывшего начальника и по-прежнему за советом ходили к нему. Несложно догадаться, какие чувства это вызывало у меня. Я подошел с этим вопросом к нему с просьбой как-то решить этот вопрос, на что получил ответ: «Ваша задача – заслужить авторитет. Они же видят, что вы не можете решить вопросы, поэтому и

обращаются ко мне». Я попытался поговорить с сотрудниками, применив директивный стиль управления. Ничего не получилось. Вместо этого руководитель вызвал меня к себе и достаточно жестко сообщил, что я не умею управлять, два человека подало заявление: «Либо ситуацию вы решаете, либо увольняйтесь сами». В итоге я уволился» [www.mobbingu.net, 15.01.2015]. Вынужденный уволиться сотрудник чувствует себя жертвой своего руководителя, который обвинил его в неумении управлять коллективом, в неумении в нем заслужить авторитет. Тактику обвинения жертва достаточно болезненно воспринимает. В восприятии вынужденного уволиться лица вина лежит на руководителе, не посчитавшего нужным оказать ему помощь.

В Китае, как правило, токсичные начальники используют тактику «демонстрация силы», например: «如果今天完成不了工作, 就不要干了, 滚回家吧!» (Если ты не можешь закончить свою работу сегодня, не делайте этого, идите домой!), «我三天就能干好的事情, 你到现在还没有完成!» (То, что я могу сделать за три дня, ты еще не закончил!), «我说的话, 难道你听不懂吗?» (Ты что, не понял, что я сказал?)» и так далее. Токсичная начальница выбирает тактику «мягкая политика», например: «你的能力一直都很强, 这些工作今天应该就能完成!» (Твои способности всегда были на высоте, эти задачи нужно выполнить сегодня!), «你的项目计划地不错, 但是还是需要按照我的要求, 重新再做一份!» (План у тебя хороший, но все же мне нужно сделайте еще один по моей просьбе!), «我知道你累, 我也累, 但我依然坚持工作, 因为我们是一个团队, 所以我也希望你能留下来继续加班!» (Я знаю, что ты устал, и я тоже устала, но я все еще настаиваю на работе, потому что мы команда, поэтому я надеюсь, что ты может остаться и продолжать работать сверхурочно!) [www.baidu]. Мы видим, что в плане языковой агрессии начальник-мужчина более склонен к прямой агрессии, а женщина-начальница более тактична и предпочитает подавлять

сотрудников психологически. На первый взгляд это мотивирует сотрудников, но на самом деле подавляет идеи и свободу сотрудников с моральной точки зрения.

Мы рассмотрели примеры, которые демонстрируют типичные деструктивные коммуникативные ситуации в российском и в китайском социумах и возможные сферы, в которых реализуется деструктивное поведение. При этом в русской и китайской лингвокультурах отмечается гендерное своеобразие языкового проявления токсичности. В коммуникативном поведении токсичного мужчины и токсичной женщины имеет место стратегия доминирования в отношениях. Для маскулинной токсичности характерны проявления таких качеств, как «власть», «авторитет» и «рациональность», а для феминной токсичности – «разговорчивость (жалуются, критикуют и т.д.)», «проявление женской слабости» и «демонстрация чувствительности» [Ху, 2023, с. 713].

Таким образом, коммуникативное поведение типажа «токсичный человек» в русской и китайской лингвокультурах определяет коммуникативная стратегия доминирования, которая реализуется с помощью коммуникативной тактики демонстрации власти, тактики демонстрации силы, тактика обвинения, тактика доказательства своей правоты, тактика игнорирования мнения собеседника, тактика оскорбления, тактика высмеивания, тактики словесного нападения, тактика демонстрации лидерства. В китайской лингвокультуре гендерная специфика использования коммуникативных тактик заключается в проявлении жалоб и словесных оскорблений со стороны феминного типажа «токсичный человек». Также для реализации коммуникативной стратегии доминирования китайские женщины-начальники могут прибегать к тактике «мягкая политика». Коммуникативное поведение маскулинного лингвокультурного типажа «токсичный человек» характеризуется т.н. тактикой «мачизма», т.е. тактикой демонстрации мужской исключительности.

Ценностные характеристики (в данном случае оценочные

высказывания) демонстрируют негативную оценку токсичных отношений, поскольку они связаны с физическим и моральным страданием жертвы.

Выводы по второй главе

Во второй главе было проведено моделирование понятийной, образной и ценностной составляющих лингвокультурного типажа «токсичный человек». В главе были рассмотрены особенности коммуникативного поведения исследуемого типажа, приписываемые ему со стороны жертвы.

Лексема «токсичность» (毒性) служит основной языковой единицей в системе обозначений токсичного человека. Для этих слов и их производных, рассмотренных в диахронической плоскости, характерно расширение семантики. Объем их значения изменился, они употребляются в метафорическом значении, приобрели оценочные коннотации, выполняют аксиологическую функции в русском и китайском языках.

Системообразующие (конститутивные) признаки лингвокультурного типажа «токсичный человек» в целом совпадают в китайской и русской лингвокультурах – «человек, стремящийся к контролю над окружающими», «человек, создающий негативную атмосферу, вызывающую болезненные переживания у собеседника в течение длительного периода», «человек, сосредоточенный на собственных желаниях и интересах». Отсутствие лингвокультурной специфики на уровне конститутивных признаков рассматриваемого типажа объясняется, на наш взгляд, самой природой феномена токсичности, которая выступает, как мы можем предположить, психологической универсалией, отражающей деструктивность в межличностном общении людей вне зависимости от их этнической принадлежности. Данный вывод, однако, не значит, что деструктивное поведение как фундамент токсичности этнических индивидов не обладает некоторыми специфическими чертами применительно к образным характеристиками, приписываемым, в частности жертвами токсичности,

носителям и распространителям токсичности.

При сравнении параметров «паспорта» лингвокультурного типажа «токсичный человек» была выявлена его определенная лингвокультурная специфика. Признак «токсичность» проявляется в описании внешности, жилища, деятельности, окружения, досуга типизируемой личности «токсичный человек». Например, при оценке внешности человека отрицательная оценка так называемой «токсичной позитивности» в русской лингвокультуре проявляется в фальшивой, дежурной, неискренней улыбке. В русском лингвокультурном типаже, помимо данного образного признака, выявлен признак «злые глаза», негативно характеризующий человека как носителя деструктивности. В российском социуме этот типаж ассоциирован с желчью, символизирующей озлобленного, злорадствующего человека, нередко агрессивно настроенного в представлении жертвы. В едином ассоциативном ряду оказались, судя по результатам анализа русскоязычного материала, мифологический персонаж «вампир», питающийся энергией других людей, и психотип «нарцисс», лишенный способности к эмпатии, как носители осуждаемых в обществе качеств характера индивида.

К специфическим образным признакам китайского лингвокультурного типажа «токсичный человек» относятся «злая улыбка», мифологический персонаж «дьявол» как воплощение зла, «ядовитый язык» как вербальный «инструмент» распространения сплетен и средство очернения других людей, «аномальный мозг» как показатель неадекватности поведения, речевых поступков, приносящих моральный ущерб окружающим, «мусор» как негативная оценка нравственных и низко интеллектуальных действий человека. Рассматриваемый типаж в китайском языке обладает таким специфическим образным признаком, как «шутник», «весельчак». Этот признак характеризует токсичного человека, с одной стороны, как креативного индивида, а с другой – как индивида с определенным темпераментом, как человека, способного заразительно, оригинально высмеивать других людей. Образный признак «шутник», «весельчак»,

приписываемый китайскому лингвокультурному типу, как представляется, в аксиологическом плане не может быть истолкован как позитивный феномен, поскольку данный признак типажа выявлен в шуточной коммуникации, содержащей иронию, сарказм, самоиронию.

В диссертации описание лингвокультурного типажа проводится посредством анализа используемых коммуникативных стратегий и тактик, которые приписываются ему жертвой токсичности. Мы полагаем, что их выявление через интерпретацию «жертвенных» речевых высказываний дает более полную информацию о рассматриваемом типе как деструктивной коммуникативной личности. Изучение коммуникативных стратегий и их реализующих тактик, приписываемых жертвой токсичности, позволяет определить, по нашему мнению, саму интенцию, сам замысел, декодируемый «со стороны». Иными словами, жертве токсичности видится неблагоприятность речевых поступков в ее адрес. Однако заметим: вполне возможно, что не всегда коммуникант намеревался уязвить, нанести моральный ущерб другому человеку. Не исключены ситуации, когда коммуникант непреднамеренно (например, неудачным речевым оборотом, двусмысленностью высказывания) причинил психологический дискомфорт другому человеку.

Анализ языкового материала позволяет заключить, что основной коммуникативной стратегией, приписываемой токсичному человеку извне (со стороны жертвы токсичности), в российском и китайском коммуникативном пространстве является доминирование. Иначе говоря, возникающие дискомфортные ощущения у собеседника или опосредованного участника коммуникации объясняются жертвой токсичности стремлением партнера/ иного лица повысить свой статус, подчеркнуть свою значимость, свои преимущества, достоинства на фоне «пострадавшего».

Данная стратегия реализуется посредством коммуникативных тактик демонстрации власти и силы, обвинения, оскорбления, доказательства своей

правоты, игнорирования мнения собеседника, высмеивания, словесного нападения, выражения гнева, демонстрации лидерства. Они носят универсальный характер для обеих лингвокультур.

Этнокультурная специфика деструктивного коммуникативного поведения исследуемого типажа в русской лингвокультуре проявляется в использовании тактики санкционирования (ссылки на формальную норму), тактики информирования и тактики привлечения союзника, в то время как в китайской лингвокультуре в отличие от русской лингвокультурный типаж «токсичный человек» часто прибегает к тактикам прямой угрозы, обвинения и тактики скрытого издевательства, эффект от применения которой достигается посредством манипуляции «лицом» – категорией, крайне важной для китайцев. Заметим, что для китайской культуры феномен «面子» (лицо) является системообразующим фактором нормативного коммуникативного поведения. В межличностном общении феномен «лицо» связан с идентичностью индивида, с занимаемым социальным статусом, ролью, завоеванным престижем и включает личные достижения человека и его характер. В китайской аксиологической картине мира обладает высокой психологической актуальностью архетипический страх «потерять лицо». «Лицо» в китайской лингвокультуре – это не только характеристика мировоззрения индивидов, но и отражение социальных норм, выражение моральных качеств и большого морального удовлетворения, граничащего с радостью, быть признанным другими. В русской лингвокультуре феномен «лицо» менее значим и может выражать широкий спектр понятий в социальном, моральном и психологическом аспектах, в том числе сохранение социального достоинства, ценности, статуса, репутации и т.д.; сохранение доверия, уважение, контроль личности и эмоций и т.д. В отличие от китайской в русской лингвокультуре «лицо» воспринимается как коммуникативная стратегия, направленная на сокрытие своей истинной сущности, умение демонстрировать внешнее, оставляя внутреннее невидимым. В отличие от русской лингвокультуры китайский феномен

«лицо» включает только благородные, социально одобряемые нормы и реальные свойства человека и его поведения.

В китайской лингвокультуре более четко прослеживается гендерная специфика использования коммуникативных тактик. Она заключается в проявлении жалоб и словесных оскорблений со стороны феминного типажа «токсичный человек». Для реализации коммуникативной стратегии доминирования китайские женщины-начальники могут прибегать к тактике «мягкая политика».

Коммуникативное поведение маскулинного лингвокультурного типажа «токсичный человек» в обеих лингвокультурах характеризуется тактикой «мачизма», т.е. тактикой демонстрации мужской исключительности. Оценочные высказывания о типаже «токсичный человек» в русской и китайской лингвокультурах демонстрируют негативную оценку токсичных отношений, поскольку они связаны с физическим и моральным страданием жертвы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель проведенного исследования заключалась в выявлении и описании понятийных, образных и ценностных характеристик лингвокультурного типажа «токсичный человек» в русском и китайском языках в сопоставительном аспекте и в определении базовых коммуникативных стратегий, приписываемые данному типуажу со стороны жертвы.

Поскольку токсичность – это многоплановое явление, нами были уточнены коррелирующие, онтологически близкие друг другу понятия – «агрессия», «деструктивность», «деструктивное поведение» и «деструктивное общение». Агрессия может быть доброкачественной (инстинктивной) и злокачественной (деструктивной). Злокачественная агрессия проявляется в форме деструктивного поведения. Деструктивное коммуникативное поведение охватывает все сферы деятельности социума. В основе деструктивного коммуникативного поведения лежит интенция нанесение морального вреда окружающим. По сути, этот тип поведения можно считать стратегией агрессора. Однако при рассмотрении деструктивного коммуникативного поведения следует помнить, что оно может быть неосознанно самим актором, т.е. морально пострадавшее лицо воспринимает чужие вербальные поступки как токсичные. В нашей работе моделируется лингвокультурный типаж «токсичный человек» на основании приписываемых ему жертвой определенных характеристик. На основе данных характеристик, если они регулярно воспроизводимы жертвами, если они оценочно и ценностно совпадают по своей модальной направленности, правомерно квалифицировать как определенную типизируемую личность (в нашем случае как лингвокультурный типаж «токсичный человек»).

При определении конститутивных признаков данного типажа наше внимание обращено на значение лексем «токсичность» и 毒性, которые выступают в статусе основной языковой единицы в системе обозначений токсичного человека. Эти слова и их производные при их диахроническом

анализе обнаруживают расширение семантики. Объем этих слов значительно расширился за счет их использования в метафорическом значении. Они приобрели оценочные коннотации и выполняют сегодня в русском и китайском языках функцию оценки.

Сопоставительный анализ лингвокультурного типажа «токсичный человек» выявил в нем совпадающие конститутивные признаки: «человек, стремящийся к контролю над окружающими», «человек, создающий негативную атмосферу, вызывающую болезненные переживания у собеседника в течение длительного периода», «человек, сосредоточенный на собственных желаниях и интересах». Невыраженность лингвокультурной специфики среди конститутивных признаков данного типажа свидетельствует, по нашему мнению, о своеобразном психологическом универсализме токсичности, в которой отражена деструктивность в процессе межличностной коммуникации людей, чья этническая принадлежность не релевантна. Вместе с тем, специфические черты коммуникативного поведения рассматриваемого типажа имеют место в его образной составляющей.

В представлении русских жертв токсичности рассматриваемый лингвокультурный типаж обладает неискренней, фальшивой, дежурной улыбкой. Неискренность, приписываемая токсичному человеку, синонимична понятию фальши, жестко осуждаемой в русской лингвокультуре. Другой образный признак – «злые глаза», т.е., по сути, злой взгляд – не менее показателен. Он сигнализирует о недобрых намерениях человека, способного нанести моральный и прочий ущерб другому. Очевидна деструктивность «злых глаз». Достаточно широка палитра образных признаков лингвокультурного типажа в представлении русских жертв токсичности: желчь, выступающая символом озлобленного, злорадствующего человека, мифологический персонаж «вампир», поглощающий силы и энергию окружающих, психотип «нарцисс», заботящийся только о себе, отличающийся исключительным эгоизмом.

Данные признаки, как можно легко заметить, негативно-оценочны. Их обладатель осуждается в обществе.

Ярко выраженная негативная оценка свойственна и китайскому лингвокультурному типу. Его образными признаками являются: «злая улыбка» как индикатор деструктивно настроенного индивида, не скрывающего своих неблагоприятных реальных намерений и речевых интенций: известный, имеющий негативный ассоциативный шлейф мифологический персонаж «дьявол», символизирующий вселенского зло; «ядовитый язык», характеризующий в едкой, часто в непристойной форме других людей, нередко сознательно понижающих их статус, наносящих вред их имиджу; «аномальный мозг», свидетельствующий в глазах жертвы о неадекватности поведения, речевых поступков, морально унижающих окружающих токсичностью; «мусор» как оценка осуждения токсичного человека в виду его безнравственных и низко интеллектуальных действий.

Рассматриваемый в аксиологическом измерении типаж «токсичный человек» в китайской лингвокультуре негативно-оценочен. При этом ряд языковых китайских примеров в отличие от примеров, выявленных в русском материале, обнаруживает приписываемые этому типуажу в качестве шутки такие признаки, как «весельчак», «шутник», указывающие на лингвистическую креативность человека. Подчеркнем, что здесь речь идет о шуточной форме коммуникации.

С тем чтобы более полно представить «портрет» токсичного человека в сравниваемых лингвокультурах, был предпринят анализ коммуникативных стратегий и тактик, используемых в представлении жертвы в ее адрес.

Доминирование выступает в качестве базовой коммуникативной стратегии, приписываемой токсичному человеку извне (т.е. со стороны жертвы токсичности или псевдотоксичности). Иными словами, жертва токсичности видит в акторе его стремление повысить свой статус за счет подчеркивания своих достоинств (интеллектуальных, физических и пр.), нивелируя тем самым социальную и персональную значимость прямого или

опосредованного коммуниканта или нескольких окружающих. Для реализации этой стратегии применяются следующие тактики: демонстрация власти и силы, обвинение, оскорбление, доказательство своей правоты, игнорирование суждений и взглядов собеседника, его высмеивание, вербальные нападения на коммуниканта, выражение гнева, открытая демонстрация лидерства. Они характерны для обеих лингвокультур.

Этнокультурная специфика деструктивного коммуникативного поведения исследуемого типажа состоит в том, что в китайском социуме часто используются тактика прямой угрозы и обвинения, а также тактика скрытого издевательства. Эффект от их применения достигается посредством манипуляции феноменом «лицо» (потеря лица), обладающим значительной психологической значимостью для китайцев.

Оценочные высказывания о типаже «токсичный человек» в русской и китайской лингвокультурах демонстрируют негативную оценку токсичных отношений, поскольку они связаны с физическим и моральным страданием жертвы.

Перспективу нашего исследования мы видим в исследовании других типажей китайской и русской лингвокультур, в изучении различных типов коммуникативного поведения в этих лингвокультурах, а также в выявлении их этнокультурной специфики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеевичева С.Ю. К определению понятия «научно-популярный тип текста» // Царскосельские чтения. 2010. № XIV. С. 233-236.
2. Асадуллаева А.В. Лингвокультурный типаж «английский пират»: определение и стереотипы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-angliyskiy-pirat-opredelenie-i-steriotipy> (дата обращения: 22.08.2024).
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
4. Баженов Г.А. «Лицо» как базовый концепт концептосферы китайского языка // Общество и государство в Китае. 2009. Т. 39. №1. С. 262-265.
5. Баженова Е.А., Иванова И.А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. №4. С. 125-131.
6. Банщикова Т.Н. Агрессия как понятийный конструкт: объяснительные характеристики и виды // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2013. №8. С. 71-75.
7. Басс А. Х. Психология агрессии. Нью-Йорк: Wiley, 1961. 307 с.
8. Безрукова А.А. Гендерные исследования в России: проблемы становления и развития // Новые технологии. 2011. №1. С. 203-206.
9. Белая Е.Н., Болотюк В.Г. Национально-культурная специфика коммуникативного поведения представителей разных народностей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. №2(57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-kommunikativnogo-povedeniya-predstaviteley-raznyh-narodnostey> (дата обращения: 22.08.2024).

10. Белов В.А. Семантический и прагматический факторы лексической изменчивости // Верхневолжский филологический вестник. 2019. №3(18). С. 83-90.
11. Белоусов А.Б. Управление коммуникацией. Критические замечания к теории коммуникации // Антиномии. 2003. №4. С. 292-314.
12. Березин В.М. О понятии ценности публицистического текста (к методологии анализа телевизионных программ) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2008. №4. С. 48-54.
13. Богданова Л.И. Что означает "потерять лицо" в русском языке? // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 8-1. С. 78-90.
14. Боева-Омелечко Н.Б. Национальная специфика языковых средств репрезентации улыбки в английском и русском языках // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. Т. 28. №3. С. 10-20.
15. Боева-Омелечко Н.Б. Лингвостилистическая репрезентация феномена «депрессия» в англоязычных медиатекстах и комментариях к ним // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. №4(52). С. 73-93.
16. Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. №1-1. С. 265-275.
17. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Некоторые проблемы и задачи преподавания медиалингвистики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. №4. С. 139-158.
18. Будник А.А. О. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2022. №1. С. 51-55.
19. Бурнаева К.А. Ассоциативное поле как способ моделирования

фрагмента языкового сознания // *Linguamobilis*. 2011. №6 (32). С. 51-58.

20. Буряковская В.А. Концепт "гламур" в текстах СМИ // *Lingua Mobilis*. 2011. № 3(29). С. 120-127.

21. Буряковская В.А., Дмитриева О.А. Квазинаучный термин «токсичный» в современной блогосфере (на материале русского, английского и французского языков) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2022. №5 (168). С. 132-139.

22. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб: Питер, 2001. 352 с.

23. Ван-Чан-жоу А.А. Вежливость в русской и китайской коммуникативных культурах // *Актуальные проблемы филологии*. 2017. №14. С. 20-30.

24. Васильева Л.А. Лингвокультурный типаж «британский премьер-министр» (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2010. 149 с.

25. Вахтель Н.М. Основы прагмалингвистики: учебно-методическое пособие для вузов. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. 34 с.

26. Веденёва Ю.В. Субстанциональность концепта *fear* в художественном дискурсе // *Филологическая проблематика в системе высшего образования: аспекты субстанциональности языка: материалы IX Межвузовской научно-практической конференции*. Под общей редакцией М.М. Халикова. Самара, СамГУПС, 2023. С. 155-159.

27. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. ... д-ра филолог. наук. Волгоград, 2014. 430 с.

28. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014. 45 с.

29. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монография. Волгоград: Издательство ВГПУ "Перемена", 2014.

304с.

30. Волкова Я.А. Деструктивное общение: к определению понятия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2(16). С. 205-209.

31. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 161-178.

32. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Типология деструктивных коммуникативных личностей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. №2(106). С. 110-117.

33. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Коммуникативные типажи: опыт системного описания: монография. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2022. 162 с.

34. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С. 64–72.

35. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта "Стыд" в женском автобиографическом дискурсе (на Дзендиалектной коммуникации) // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 461. С. 30-37.

36. Воронина О.А. Введение в гендерные исследования // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. «Валдай – 96». М.: МЦГИ, 1997. С. 29-34.

37. Воронцова Т.А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. №1. С. 83-86.

38. Городецкая Л.А. Использование ассоциативного эксперимента в культурологии: результаты сопоставительного исследования // Вопросы культурологии. 2009. №6. С. 22-25.

39. Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «политик» в современном российском дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. №3. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-politik-v-sovremennom-rossiyskom-diskurse> (дата обращения: 22.08.2024).

40. Даулет Ф.Н. Актуализация концепта "лицо" в китайской языковой картине мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2019. №4. С. 156-176.

41. Даулет Ф.Н. Лингвокогнитивный эксперимент как ключ к китайской языковой картине мира: концепт 丢脸 - "Потеря лица" // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2020. №3. С. 20-36.

42. Делокаров К.Х., Киреева О.Ф. Развитие фундаментальных направлений коммуникологии // Коммуникология. 2019. Т. 7, № 2. С. 25-39.

43. Дмитриева О.А. Коммуникативный типаж «гусар» в зеркале русской культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. №3. С. 27-33.

44. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX в. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. 307 с.

45. Дмитриева О.А. Токсичность как тип деструктивного поведения (на материале текстов массмедиа) // Биология и интегративная медицина. 2021. №6(53). С. 60-64.

46. Дмитриева О.А., Ху Ю. Семантическое развитие понятия «токсичность» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 3(36). С. 103-108.

47. Дмитриева О.А., Мурзинова И.А. Теория лингвокультурных типажей: Учебное пособие, 4-е издание. [б. м.]: Издательские решения, 2024. 274 с.

48. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Наука, 2008. 264 с.

49. Дубровская Е. М. Лингвокультурный типаж «сказочник»:

аксиологический аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. №3-1 (54). С. 346-351.

50. Дубровская Е. М. Этнокультурные типажи как единицы категоризации картины мира русского человека // Когнитивные исследования языка. 2023. – № 5 (56). С. 327–332.

51. Еркович П.С. Лингвокультурные типажи "учитель" и "teacher" в русской и американской лингвокультурах // Ученые заметки ТОГУ. 2018. Т. 9. № 1. С. 116-122.

52. Ерофеева И.В. Аксиология медиатекста в российской культуре: репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 340 с.

53. Засурский Я.Н. Колонка редактора: Медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2005. № 2. С. 3-6.

54. Засурский Я.Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г.Я. Солганик. М., 2005. С. 7-12.

55. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. 208 с.

56. Залевская А.А. Слово. Текст: психолингвистические исследования: избр. труды. М., 2005. 542 с.

57. Зиновьева Е.И., Кузнецов Ю.А. Фразеологизм "потерять лицо" в аспекте межкультурной коммуникации // Изучение и преподавание русской словесности в эпоху языковой глобализации: Материалы докладов и сообщений XXIII междунар. научно-метод. конф. Санкт-Петербург, 30 марта 2018 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 322-326.

58. Злоказов К.В. Деструктивное поведение в различных контекстах его проявления. Вестник Удмуртского университета. Серия Философия.

Психология. Педагогика, 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 67-73.

59. И. Л. Модное слово "токсичный" в русском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. №10. С. 307-310.

60. Ивченко Т.В. "Лицо" китайца // Отечественные записки. 2014. № 1(58). С. 240-250.

61. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 288 с.

62. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.

63. Карасик В.И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 3-18.

64. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Карасик В.И. (отв. ред.) Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5-25.

65. Карасик В.И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. 2007. № 5. С. 78-86.

66. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520с.

67. Карасик В.И. Социокультурный типаж «Шпана» в русском языковом сознании // Вопросы психолингвистики. 2008. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-tipazh-shpana-v-russkom-yazykovom-soznanii> (дата обращения: 08.09.2024).

68. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 408 с.

69. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.

70. Клименко Г.В. Соматический код русской культуры (на примере лексем «лицо») // Верхневолжский филологический вестник. 2019. №4.

С. 222-230.

71. Ключевская А.Ю. Концептуальное поле «Агрессия» как объект лингвистического исследования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. №131. С. 177-185.

72. Кожанова В.Ю. Рецептивный аспект создания медиатекста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. №2. С. 42-46.

73. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Москва: Просвещение, 1983. 223 с.

74. Котлярова О. В. Мужественность и женственность, маскулинность и феминность как фундаментальные свойства в формате гендеристики // Universum: филология и искусствоведение. 2015. № 9-10(22). С. 2-5.

75. Красавский Н.А. Коммуникативная стратегия самопрезентации политиков и журналистов в немецких СМИ при обсуждении российско-украинского военного конфликта // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – №3 (39). – URL: <https://rulb.org/archive/3-39-2023-march/10.18454/RULB.2023.39.20> (дата обращения: 09.09.2024).

76. Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концептосферы эмоций Германа Гессе, Стефана Цвейга и Роберта Музиля: монография. Волгоград: научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2023. 225 с.

77. Красноярова О.В. Медийный текст: его особенности и виды // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. №3. С. 177-181.

78. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразования. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 88 с.

79. Кубышкина М.Д. Психолого-исторический аспект изучения проявления агрессии // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2018. № 1. С. 38-42.

80. Кузнецов А.М., Дьяков А.И. Англицизмы и их русские

производные / Новосиб. Гос. Техн. Ун-т. Новосибирск, 2012. С. 262-272 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2013. № 3. С. 161-167.

81. Кузнецов В.Ф. Понятия и модели коммуникаций: теоретический аспект // Коммуникология. 2014. №1. С. 39-45.

82. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. Омск, 2011. 414 с.

83. Куницына В.Н. Межличностное общение. Учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. СПб.: Питер, 2001. 544с.

84. Курганская Е.В. Актуальные проблемы языкознания // Материалы Двенадцатой межвуз. научно-практ. конф. с междунар. участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, 17 – 18 апреля 2023 года. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2023. С. 61-65.

85. Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2000. 164 с.

86. Ленхобоева Т.Р., Меньжурова А.Б., Намсараева В.Ц. Коммуникативная стратегия конфронтации в интервью в региональных телепередачах Республики Бурятия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. №2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-strategiya-konfrontatsii-v-intervyu-v-regionalnyh-teleperedachah-respubliki-buryatiya> (дата обращения: 26.08.2024).

87. Лисицкая Л.Г. Медиатекст в языковом и функциональном аспектах // Вестн. ун-та Российской Академии образования. 2008. №3. С. 22-25.

88. Лисицкая Л.Г. Стилистическая характеристика языка современных медиатекстов // Наука. Инновации. Технологии. 2010. №66. С. 214-219.

89. Логинова Е.А. История развития гендерных исследований в зарубежной и отечественной лингвистике // InSitu. 2021. №1. С. 15-19.

90. Лутовинова О.В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smezhnyh-ponyatiy-ispolzuemyh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti> (дата обращения: 22.09.2024).

91. Майер Б.О. О паттерне «Double bind» в современном обществе и образовании // Вестник НГПУ. 2012. №3. С. 44-55.

92. Мардиева Л.А. Социальная реальность и ее интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 358 с.

93. Мельник Г.С. Медиатекст как объект лингвистических исследований // Журналистский ежегодник. 2012. №1. С. 27-29.

94. Мурзинова И.А. О соотношении понятий «лингвокультурный типаж» и «коммуникативный типаж» // Российская наука в современном мире: Сб. статей XXX междунар. науч.-практ. конф. Часть II. М.: «Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2020. С. 88-92.

95. Мурзинова И.А. Языковые средства реализации стратегий онлайн коммуникации лингвокультурным типажом «видеоблогер» // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. №4. С. 45-55.

96. Нагибина И.Г. Формирование дискурсивно-коммуникативной парадигмы в китайском языкознании: от теории к социальной практике: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2017. 231 с.

97. Опарина Е.О. Медиатекст: семантика и прагматика // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2021. №1. С. 114-121.

98. Основы теории коммуникации. Учебник. Под ред. проф. Василика М. А. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
99. Панченко Н.Н. Коммуникативный типаж «льстец» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. Т. 1. № 5(19). С. 36-45.
100. Панченко Н.Н. Коммуникативный типаж «правдолюб» // Вестник ЧелГУ. 2008. № 23. С. 110-116.
101. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 232 с.
102. Пименова Г.В. К вопросу определения основных характеристик медиатекста как основной (базовой) единицы е-медиалингвистики // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №96. С. 218-221.
103. Плунгян В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. М.: Индрик, 2005. С. 6-20.
104. Попова Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1995. 22с.
105. Просеков С.А. "Лицо" китайца: Содержание понятия // Знание. Понимание. Умение. 2020. №3. С. 191-201.
106. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
107. Пядышева Т.Г. Коммуникативное пространство текста массмедиа // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т.12. №3. С. 278-283.
108. Растегари С., Бахадиванд Ч.З. Язык и стиль современных средств массовой информации и социальных сетей: теоретические и прикладные аспекты // Научный аспект. 2020. Т. 3. №4. С. 287-291.
109. Резник В.А. Лингвокультурный типаж в системе смежных понятий // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные,

гуманитарные, медико-биологические науки. 2013. Т. 15. №2-2. С. 481-484.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-sisteme-smezhnyh-ponyatiy> (дата обращения: 16.06.2024).

110. Рубан Е.Р. Лингвокультурологические особенности выражения категории вежливости в китайском языке на основе теории вежливости П. Браун и С. Левинсона и максим речевого общения Дж. Лича // Форум молодых ученых. 2018. №6-2 (22). С. 1332-1339.

111. Саакян А.К., Мелконян Н.А. Проблема обеспечения обратной связи в PR-коммуникациях // Социология и право. 2017. № 3(37). С. 13-17.

112. Сейранян М.Ю. Конфликтный дискурс: социолингвистический и прагматический аспекты: монография. М.: Прометей, 2012. 93 с.

113. Селезнева Н.В. К вопросу о вербализации понятия «лицо» в китайском языке // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе: 4-я Междунар. науч.-практ. конф.: сб. материалов конф.: в 2 т., Москва, 16 декабря 2020 года. М.: Московский гос. техн. ун-т им. Н. Э. Баумана (нац. исслед. ун-т). 2021. С. 185-189.

114. Скорикова Т.П., Орлов Е.А. Динамика языковых изменений в современной русской речи // Cross - Cultural Studies: Education and Science. 2018. №3. С. 172-176.

115. Смирнова Е.В. Гендерные и социокультурные особенности коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 141-148.

116. Солганик Г.Я. О языке и стиле газеты // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 471-478.

117. Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб. ; Каро, 2014. 336 с.

118. Стародубцева Н.С. Концепт ЛИЦО в языковой картине мира китайской молодёжи // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023.

Вып. 9, № 2. С. 143-151.

119. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. S. 279-282.

120. Стернин И. А., Камбаралиева У.Д. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения // *Коммуникативные исследования*. 2018. №2(16). С. 20-34.

121. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Изд. 2. испр. Воронеж: «Гарант», 2000. 52 с.

122. Стернин И.А., Стернина М.А. Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж: Изд-во Истоки, 2001. 206 с.

123. Таюпова О.И., Юсупова Л.Г. Лингвистические аспекты теории коммуникации // *Вестник Башкирского университета*. 2014. Т.19. №2. С. 561-565.

124. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2017. 320 с.

125. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.

126. Тихомирова Е.И. Наука о коммуникации: к объему понятия // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2016. №9(391). С. 166-171.

127. Фаткуллина Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке // *Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. 2010. № 3. С. 57–66.

128. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990. 405 с.

129. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.

130. Ху Ю. Деструктивное коммуникативное поведение «токсичного человека»: гендерный аспект // *Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: Сб. материалов VII междунар. научн. конф.* Курган,

24 марта 2023 года. Курган: Курганский государственный университет, 2023. С. 707-714.

131. Ху Ю. Коммуникация и коммуникативное поведение как объект изучения в гуманитарных науках // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. №1(1). С. 42-50.

132. Четверикова Н.А. Особенности коммуникативного поведения полов: философско-психологический аспект // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. №1. С. 87-93.

133. Чжан Ц. Лингвокультурный типаж «китайский купец» // Сибирский филологический форум. 2022. №4(21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-kitayskiy-kupets> (дата обращения: 22.08.2024).

134. Шарков Ф.И. Коммуникология: Основы теории коммуникации: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Дашков и К, 2010. 591 с.

135. Шевченко В.Д. Семиотика взаимодействия дискурсов в масс-медиа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. №1. С. 172-181.

136. Шилихина К.М. Семантическое развитие прилагательных «ядовитый» и «токсичный»: что «отравляет» нашу жизнь? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. №2. С. 86-93.

137. Щеглова И.В. Национально-русское двуязычие в коммуникативном поведении естественных билингвов: характеристики, типы, тенденции: дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 2019. 313 с.

138. Щекочихин Ю.П. Сердечная недостаточность // Новая газета Понедельник. 1998. С. 27.

139. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 145-160.

140. Ыйм Х.Я. Прагматика речевого общения Теория и модели знаний. Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1985. С. 196-207.

141. Юрлов В.С. «Властные игры» в китайском обществе и их реализация в дискурсе // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2(02). С. 9-12.

142. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 191 с.

143. Buss Arnold H. The Psychology of Aggression New York, Wiley. 1961. 307 p.

144. Brown Penelope. Politeness: some universals in language usage / Penelope Brown, Stephen C. Levinson. – N.Y.: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

145. Nuarb Gotfried. Kommentar und Betrachtung. – Leipzig, 1981. S. 9-38.

146. Kasper G. & Kellerman E. Communication strategies: Psycholinguistic and sociolinguistic perspectives. New York: Routledge, 2014.

147. Gu Y. Politeness phenomena in modern Chinese // Original Research Article. Journal of Pragmatics. 1990. №2. С. 237-257.

148. 岑运强 (Цэнь Юньцянь) 言语交际语言学[M] (Лингвистика речевой коммуникации) 中国人民大学出版社 (Изд-во Китайского университета Жэньминь, 2008. 368 с.).

149. 陈大正 (Чэнь Дачжэн) 交际文化学 [M] (Культура коммуникации) 华中理工大学出版社 (Изд-во Хуачжунского университета науки и технологий, 1996. 299 с.).

150. 陈荣杰 (Чэнь Жунцзе) 论交往与交际的区别——兼论交际学的定位 [J] (О разнице между сношениями и коммуникацией – также об ориентации коммуникативистики) 华东理工大学学报(社会科学版) (Журнал Восточно-китайского политехнического университета. Издание по

социальным наукам. 2000. №03. С. 97-101.).

151. 陈之昭 (Чэнь Чжичжао) 面子心理的理论分析与实际研究 [J] (Теоретический анализ и практическое исследование психологии лица) 中国社会心理学评论 (Китайский обзор социальной психологии. 2006. С. 107-160).

152. 成中英 (Чэн Чжуньин) 欧阳晓明 (Оуян Сяомин) 翟学伟 (Чжай Сюэвэй) 脸面观念及其儒学根源 [J] (Концепция лица и ее конфуцианские корни) 中国社会心理学评论 (Обзор китайской социальной психологии. 2006. № 01. С. 34-47.).

153. 董天策 (Дун Тянс) 网络新闻传播学 [M] (Интернет-журналистика и коммуникация) 福州:福建人民出版社 (- Фучжоу: Изд-во фучзяньского народа. 2004. 378 с.).

154. 郭凯琦 (Го Кайци) 朱莹燕 (Чжу Инъянь) 刘中慧 (Лю Чжунхуэй) 新媒体时代中微博 7.0 的新闻报道现状探究——以@人民网微博中的新闻报道为例 [J] (Исследование текущей ситуации с новостными репортажами на Weibo 7.0 в эпоху новых медиа – на примере новостных репортажей @Народная газета Weibo) 智库时代 (Эпоха аналитических центров. 2017. № 12. С. 88-89).

155. 郭薇 (Го Вэй) 攻击行为的研究综述 [J] (Обзор агрессивного поведения) 科教导刊 (Журнал науки и образования. 2014. №14. С. 199-200).

156. 胡先缙 (Ху Сяньцин) 中国人的面子观. 见: 黄光国著《中国人的权力游戏 (Китайская концепция лица. От: книги Хуан Гуанго "Игра китайской власти") 台北: 巨流图书公司 (- Тайбэй: Книжная компания "Юлиус", 1988. С. 57-84).

157. 金耀基 (Цзинь Яоцзи) “面”、“耻”与中国人行为之分析 (Анализ «лица», «стыда» и поведения китайцев) 中国社会心理学评论 (Обзор

китайской социальной психологии. 2006. № 01. С. 48-64).

158. 匡玉梅 (Куан Юймэй) 现代交际学 [М] (Современная коммуникация) 中国旅游出版社 (Изд-во китайского туризма. 2003. 339 с.).

159. 李成军 (Ли Чэнцзюнь) 陈程 (Чэнь Чэн) 现代汉语中英语外来词流行性初探 [J] (Предварительное исследование популярности английских заимствований в современном китайском языке) 郑州大学学报(哲学社会科学版) (Журнал Чжэнчжоуского университета. – Чжэнчжоу: Издание по философским и социальным наукам. 2002. № 35(1). С. 50-52).

160. 李惠玉 (Ли Хуэйюй) 非语言交际行为的理论与应用 [J] (Теория и применение невербального коммуникативного поведения) 科技信息 (Научно-техническая информация. 2009. № 31. 947 с.).

161. 李琼 (Ли Цюнь) 新媒体时代网络新闻报道的语言特点 [J] (Лингвистические характеристики сетевых новостей в эпоху новых медиа) 今传媒 (Сегодняшние СМИ. 2016. № 24(11). С. 23-24).

162. 李晓娜 (Ли Сяона) 现代汉语中的英语外来词探析 [J] (Анализ английских заимствований в современном китайском языке) 南阳师范学院学报 (Журнал Наньянского педагогического университета. 2012. № 11(8). – С. 119-121).

163. 李元授 (Ли Юаньшоу) 现代交际学丛书——交际学 [М] (Серия современных коммуникаций – Коммуникация) 武汉测绘科技大学出版社 (Изд-во Уханьского научно-технического университета геодезии и картографии. 1991. 390 с.).

164. 廖礼平 (Ляо Липин) 浅析当代新闻传媒英语外来语泛滥的原因 [J] (Краткий анализ причин распространения английских заимствований в современных средствах массовой информации) 徐州师范大学学报: 哲学社会科学版 (Журнал Сюйчжоуского педагогического университета. – Сюйчжоу: Издание по философским и социальным наукам. – 2008. – №

34(1). С. 49-53).

165. 林语堂 (Линь Юйтан) 中国人 (Китайский человек) 上海: 学林出版社 (郝志东, 沈益红译) (- Шанхай: Изд-во Сюэлин (перевод Хао Чжидун, Шэнь Ихонг. 1994. С. 199-206).

166. 刘斌志 (Лю Биньчжи) 何冰冰 (Хэ Бинбин) 主体性视域下青少年不良 PUA 的操控机制与社会工作介入策略 [J] (Механизм манипулирования и стратегии вмешательства социальной работы в отношении несовершеннолетних с негативными последствиями для подростков с точки зрения субъективности) 青年发展论坛 (Молодежный форум по развитию. 2020. № 30(6). С. 30-42).

167. 龙雨 (Лун Ю) 王星 (Ван Син) 博客文体的总体特点及与传统写作的差异 [J] (Общие характеристики стиля блога и его отличия от традиционного письма) 写作 (Писать. – 2008, – № 000(007). – С. 43-45).

168. 陆道夫 (Лу Даофу) 试论约翰·菲斯克的媒介文本理论 [J] (О теории медиатекста Джона Фиске) 南京社会科学 (Общественные науки в Нанкине. 2008. №12. С. 79-87).

169. 马哲 (Ма Чжэ) 网络新闻报道特点解析 [J] (Анализ характеристик онлайн-новостей) 记者摇篮 (Колыбель журналиста. 2009. № 10. С. 37).

170. 潘晓军 (Пань Сяоцзюнь) 从“真人秀”透析美国价值观及其对中国年轻一代价值观的影响 [J] (Анализ американских ценностей из «реалити-шоу» и его влияние на ценности молодого поколения Китая) 中国青年研究 (Китайские молодежные исследования. 2010. № 11. С. 66-70).

171. 裴彩霞 (Пей Цайся) 传媒文本特点及其汉译俄分析 [D] (Анализ особенностей медиатекстов и их китайско-русский перевод) 新疆大学 (Синьцзянский университет. 2017. 104 с.).

172. 彭柳 (Пэн Лю) 新媒体时代的新闻叙事及文本特征 [J]

(Характеристики новостного повествования и текста в эпоху новых медиа)
编辑之友 (Друзья редактора. 2017. № 11. С. 57-60.).

173. 秦明利 (Цинь Минли) 刘春鸽 (Лю Чуньгэ) “视见”概念下跨文化交际行为的本质 [J] (Сущность межкультурного коммуникативного поведения в рамках концепции "Vision") 东北亚外语研究 (Исследования иностранных языков в Северо-Восточной Азии. 2016. № 3. С. 8-13).

174. 苏雪敏 (Су Сюэминь) "有毒"的模因解读及其语用功能 [J] (Интерпретация «токсичных» мемов и их прагматическая функция) 武夷学院学报 (Журнал Университета Уи. 2021. № 040(001). С. 92-96).

175. 王丹 (Ван Дань) "行动的文本"—网络时代的媒介表达和事件演变 [D] («Текст действия» – медиавыражение и эволюция событий в эпоху Интернета) 安徽大学 (Университет Аньхой. 2014. – 72 с.).

176. 王天德 (Ван Тианде) 网络状态下的大学生价值观 [J] (Ценности студентов колледжей в условиях Интернета) 学术界 (Научные круги. 2005. № 4. С. 175-180).

177. 王彦林 (Ван Яньлин) 场域视野下社会价值观的媒介建构与呈现 [D] (Медиа-конструирование и презентация социальных ценностей с точки зрения поля) 武汉大学 (Уханьский университет. 2018. 139 с.).

178. 王燕子 (Ван Яньцзы) 论超媒体文本的互文性 [J] (Об интертекстуальности гипермедийных текстов) 阴山学刊 (Вестник Иньшань. 2014. № 27(1). С. 46-49).

179. 王轶楠 (Ван Инань) 从东西方文化的差异分析面子与自尊的关系 (Анализ взаимосвязи между лицом и самооценкой на основе различий между восточной и западной культурами) 社会心理学 (социально-психологическая наука. 2006. № 21(2). С. 102-108).

180. 韦琴红 (Вэй Циньхун) 英汉科技文本的语篇特征对比分析 [J] (Сравнительный анализ дискурсивных характеристик английских и

китайских научных текстов) 杭州电子科技大学学报：社会科学版 (Журнал Ханчжоуского университета электроники и технологий. – Ханчжоу: Издание по социальным наукам. 2006. № 2. С. 30-34).

181. 尉立萍 (Вэй Липин) 跨文化交际行为举止认知 [J] (Поведение и осознание в межкультурной коммуникации) 韶关学院学报 (Вестник Шаогуаньского университета. 2005. № 7. С. 91-95).

182. 叶慧萍 (Йе Хуйпин) 网络流行语“有毒”的演变与动因 [J] (Эволюция и мотивация модного интернет-слова «токсичный») 钦州学院学报 (Журнал Университета Циньчжоу. 2017. № 32 (06). С. 35-38).

183. 张文静 (Чжан Вэньцзин) 雷蕾 (Лэй Лэй) 沈丽娟 (Шэнь Лицзюань) 媒介文本中再现对象的刻板形象的符号学分析 [J] (Семиотический анализ стереотипных образов объектов репрезентации в медиатекстах) 科协论坛：下半月 (Форум Ассоциации науки и технологий. 2008. № 4. С. 32-33).

184. 张雪 (Чжан Сюе) 有关非语言交际行为的重新分类 [J] (Реклассификация невербального коммуникативного поведения) 卷宗 (Дело. 2014. №10. С. 452-453).

185. 张译文 (Чжан Ивэнь) 大规模汉俄高频词语言意识实验研究的汉语联想统计软件设计 [D] (Разработка статистического программного обеспечения Китайской ассоциации для крупномасштабных экспериментальных исследований языковой осведомленности китайских и русских высокочастотных слов) 哈尔滨师范大学 (Харбинский педагогический университет. 2020. 99 с.).

186. 赵卓嘉 (Чжао Чжуоцзя) 面子理论研究述评 (Обзор исследований по теории лица) 重庆大学学报(社会科学版) (Журнал Чунцинского университета. Чунцин: Издание социальных наук. 2012. №18 (05). С. 128-137.).

187. 郑飞 (Чжэн Фей) 媒体文本阅读教学浅论 [J] (Краткая дискуссия

по обучению чтению медиатекстов) 文学教育 (Литературное образование. 2010. № 24. С. 100-101).

188. 周美伶 (Чоу Мейлинг) 何友晖 (Хэ Юхуэй) 从跨文化的观点分析面子的内涵及其在社会交往中的运作 [J] (Анализ коннотации лица и его функционирования в социальном взаимодействии с кросс-культурной точки зрения) 中国社会心理学评论 (2006. № 01. С. 186-216).

189. 朱瑞玲 (Чжу Жуйлин) 中国人的社会互动: 论面子的问题. 见: 杨国枢编《中国人的心理》(Социальное взаимодействие китайцев: К вопросу о лице См.: «Китайская психология» под редакцией Ян Гошу) 台北: 桂冠图书公司 (Тайбэй: Книжная компания венка чемпиона. 1985. С. 239-273).

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп. В.М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, 2007. 784 с.

2. Голикова Т.А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка 2000–2020 гг.: справочник. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 486 с.

3. Евгеньева А. П. Малый академический словарь / Ред.: А.П. Евгеньева, М., 1957-1960. АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. 750 с.

4. Карпенко Л. А., Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Краткий психологический словарь. Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС», 1998. 505 с.

5. Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург: Ажур, 2021. 424 с.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949-1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>.

7. Телия Е.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс. 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/articles/494/poteryat-lico.htm>.

8. CollinsEnglishDictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com>

9. Gary R. VandenBos. APA Dictionary of Psychology // American Psychological Association. – 2015. – 2th ed.

10. Macmillandictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.macmillan.ru/catalogue/9/6/>.

11. Thefreedictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://idioms.thefreedictionary.com>

12. Urbandictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com>

13. 汉语大辞典 (Китайский большой словарь). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hydc.com/>

14. 现代汉语词典 (Современный словарь китайского языка) 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 (под ред. Отдела лексикографии Института языкознания Китайской академии общественных наук. Изд. 7-е. Пекин, 2016. 1800 с.).

15. 中华字典 (Китайский словарь). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zhonghuazidian.com>

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Brand Analytics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brandanalytics.ru/blog/topics-in-social-media-june-2023/>.

2. Дзен. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dzen.ru/discover?mt_link_id=kikkq1&utm_source=yandex&utm_medium=c

pc&utm_campaign=SEARCH_Brand&utm_content=pid_41847545884_cid_80094790_gid_5064775895_aid_12990771365_src_search_none&yclid=18334844088647417855.

3. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>.

4. BLCUCorpusCenter (BCC). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bcc.blcu.edu.cn/zh/cid/0>.

5. MBA 智库百科 (Энциклопедия аналитического центра MBA). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mbalib.com/>.

6. 百度 (Байду). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.baidu.com/>

7. 百度百科 (Энциклопедия Байду). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/>

8. 微信 (WeChat). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/>.

9. 新浪微博 (SinaWeibo). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://weibo.com/newlogin?tabtype=weibo&gid=102803&openLoginLayer=0&url=https%3A%2F%2Fweibo.com%2F>

10. 知乎 (Чжиху). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zhihu.com/>.